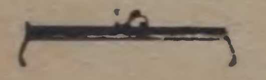
А. М. РЕННИКОВЪ

МОТОРИЗОВАНАЯ КУЛЬТУРА

ROSSIYA PUBLISHING CO., INC.
480 Canal Street,
New York 13, N. Y.
U. S. A.

А. М. РЕННИКОВЪ

МОТОРИЗОВАНАЯ КУЛЬТУРА

I.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Было это въ концѣ прошлаго вѣка. Притаившись, сидѣлъ я на любимомъ коврѣ подъ роялемъ. Надъ моей головой, опираясь на колонны черныхъ полированныхъ ногъ, простирался потолокъ, составленный изъ дерева, металла и струнъ. Огромный рояль, точно живое чудовище, дрожалъ и стоналъ, грохоталъ раскатами грома, звенѣлъ колокольчиками, пѣлъ сладостныя непонятныя пѣсни.

Это — старшая сестра играла одну изъ рапсодій Листа.

— А гдѣ негодный мальчишка?

Меня нашли, извлекли изъ-подъ рояля, заставили надѣть пальто и сказали:

— Идемъ на прогулку. Покажемъ тебѣ интересную вещь.

Нашъ городъ былъ не какой-нибудь глухой, жалкій, глубоко-провинціальный. Нѣтъ. Въ немъ встрѣчались въ большомъ количествѣ двухэтажные дома, и было даже нѣсколько трехэтажныхъ, крыши которыхъ казались мнѣ горными вершинами, прикасавшимися къ небу и звѣздамъ. А по нѣкоторымъ улицамъ у насъ даже ходила конка, иногда мчавшаяся со скоростью шести верстъ въ часъ. Счастливый кучеръ ея могъ сколько угодно звонить въ висѣвшій наверху сбоку чудесный колоколъ, и никто ему за это не дѣлалъ никакихъ замѣчаній. А еще болѣе счастливый кондукторъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи цѣлую пачку прелестныхъ разноцвѣтныхъ билетиковъ, которые онъ продавалъ по три, по пять и даже по семь копѣекъ. Да они того и стоили: ужъ очень красивые были цвѣта.

Но что считалось гордостью города это — величественная главная площадь, вымощенная отличными большими булыжниками. По нимъ съ такимъ веселымъ тарахтѣніемъ можно было ѣздить взадъ и впередъ на извозчикахъ. На этой площади стояли самыя главныя наши строенія: съ одной стороны — Соборъ, съ другой — каланча. На каланчѣ во время пожаровъ вывѣшивались большіе черные шары, чтобы прохожіе знали, гдѣ горитъ, и чтобы успѣли побѣжать туда и полюбоваться, пока огонь не погаснетъ.

Вотъ на эту самую площадь меня и повели на прогулку.

— А что здѣсь будетъ? — съ любопытствомъ спросилъ я.

— Самъ увидишь.

Уже наступалъ вечеръ. Становилось темно. Фонари съ кероси-

новыми лампами тускло свѣтили, мерцая и жмурясь отъ мотыльковъ, которые вились вокругъ, облѣпляли стекло и падали, опаливъ крылышки. На площади почему-то находилось очень много народа. Огромная толпа окружала возвышавшійся посреди большой новый столбъ и чего-то ждала. У столба суетились рабочіе, передвигали высокую лѣстницу, протягивали проволоку. А немного поодаль, окруженный приставами, стоялъ самъ полиціймейстеръ, величаво покручивалъ усъ и покровительственно - снисходительно оглядывалъ публику.

Прошло десять минутъ. Пятнадцать. Кто-то въ толпѣ громко сказалъ: "Сейчасъ зажгутъ". Всѣ смолкли. И вдругъ...

Произошло чудо, потрясшее меня до глубины существа. На самомъ верху столба въ огромномъ шарѣ что-то затрещало, зашипѣло, полетѣли внизъ блестящія брызги, и небывалое сіяніе распространилось вокругъ. Будто въ небѣ, безъ всякаго восхода, появилось солнце и освѣтило всю площадь. Пожарная каланча внезапно выросла передъ нами, точно сама объятая пламенемъ. Булыжники мостовой засверкали, заиграли серебристой рыбьей чешуей. Каждый ухабъ обнаружилъ свой жуткій провалъ, каждая лужа превратилась въ сказочное озеро, вокругъ котораго въ видѣ русалокъ стояли дамы и барышни.

— Ура! Браво! — послышалось въ толпѣ. Раздались хлопки. Полиціймейстеръ почтительно взялъ подъ козырекъ и слегка наклонилъ голову, какъ бы привѣтствуя отъ имени мѣстныхъ властей новое завоеваніе науки. Я не двигался, широко раскрывъ ротъ, впившись взглядомъ въ чарующій стеклянный шаръ, время отъ времени повторяя слова, услышанныя въ отвѣтъ на вопросъ, что это такое:

— Электрическій свѣтъ.... Электрическій...

А затѣмъ, послѣ восторга, неожиданно душу охватила печаль. Мнѣ искренно стало жаль бѣдные керосиновые фонари, скромно свѣтившіеся вокругъ площади; подернутые копотью языки лампъ еще болѣе потускнѣли теперь, навѣрно изъ зависти, и беззвучно переговаривались другъ съ другомъ о своей будущей грустной судьбѣ. Да и дѣйствительно: нѣтъ сомнѣнія, что отнынѣ всѣ мошки и бабочки предательски покинутъ ихъ и бросятся сюда, къ торжествующему новому свѣту.

Такъ увидѣлъ я первую дуговую электрическую лампу — свѣчу Яблочкова съ двумя угольными палочками.

***

Помню изъ той же эпохи еще кое-что, поразившее мое воображеніе.

Въ городскомъ театрѣ шелъ интересный спектакль: показыва-

ли на большомъ экранѣ картины волшебнаго фонаря.

Такія картины въ маломъ размѣрѣ я раньше не разъ видѣлъ у нашихъ сосѣдей по дому. Счастливцу Васѣ отецъ купилъ подобный фонарь, и Вася иногда созывалъ насъ, товарищей, на свои представленія.

Но въ театрѣ были обѣщаны совсѣмъ другія картины. Во-первыхъ — огромныя, въ краскахъ. А, во-вторыхъ, что самое главное — съ движущимися предметами. На программѣ такъ и стояло: "Въ заключеніе почтеннѣйшей публикѣ, безъ всякой приплаты, будетъ показанъ большой желѣзнодорожный мостъ въ Калифорніи, по которому пройдетъ поѣздъ."

Этой заключительной картины я ждалъ съ большимъ волненіемъ. И, наконецъ, счастливый моментъ насталъ. Поднялся занавѣсъ. На экранѣ появились полупрозрачныя зеленыя горы, ущелье, пѣнящаяся рѣка внизу. Надъ нею, между нависшими скалами, длинный висячій мостъ. Какой-то шумъ за сценой, похожій на переливаніе воды изъ ведра въ ведро, изображалъ клокотаніе рѣки. Но, вотъ, вдали послышалось гудѣніе поѣзда; тяжело дышалъ паровозъ; изъ-за кулисъ ясно слышалось, какъ человѣкъ десять взрослыхъ мужчинъ одновременно съ хрипомъ произносили "ухъ, ухъ, ухъ"; стучали колеса, какъ будто по нимъ били небольшимъ молоткомъ. Изъ-за скалъ показался локомотивъ, за нимъ — вагончики синяго, желтаго, зеленаго цвѣта. И поѣздъ скользящимъ движеніемъ торжественно проплылъ по мосту, огласивъ залъ громкимъ переливчатымъ свистомъ. Такъ обычно свистѣли у насъ по ночамъ на улицахъ городовые, гоняясь за воромъ и крича въ промежуткахъ: "держи его!"

Этотъ движущійся поѣздъ я долго помнилъ. Незабываемое зрѣлище. Правда, колеса у него не вертѣлись. Но что-жъ такого? Все равно — хорошо.

***

А спустя года два, три, произошелъ у насъ въ городѣ такой случай. Отлично его помню. Онъ поразилъ не только меня и моихъ сверстниковъ, но вообще всѣхъ болѣе или менѣе внимательныхъ жителей. Прохожіе на тротуарахъ останавливались; извозчики сдерживали бѣгъ коней и съ изумленіемъ оглядывались; приказчики выскакивали изъ магазиновъ вмѣстѣ съ покупателями.

Да и было отъ чего взволноваться. Посреди главной улицы по мостовой ѣхалъ человѣкъ верхомъ на двухъ колесахъ!

Переднее колесо — огромное, чуть-ли не въ сажень высотой.

Второе, сзади — совсѣмъ маленькое. Между ними находилось сѣдло для смѣлаго ѣздока. Но этотъ сѣдокъ вовсе не былъ тѣмъ фокусникомъ, который какъ-то при мнѣ вынималъ изъ своихъ рукавовъ живыхъ голубей и жарилъ въ цилиндрѣ яичницу; не былъ онъ и клоуномъ изъ нашего цирка: лицо не вымазано мукой, на щекахъ никакихъ красныхъ пятенъ, голова безъ рыжаго парика. Наоборотъ: видъ совершенно приличный. Мягкая фетровая шляпа, обыкновенный пиджачный костюмъ, лакированные ботинки. И этотъ удивительный господинъ не только не имѣлъ никакого отношенія къ цирку, но оказался серьезнымъ молодымъ инженеромъ, сыномъ нашего почтеннаго городского головы.

А та странная штука, на которой онъ ѣхалъ, была впервые появившимся у насъ двухколеснымъ велосипедомъ.

⁂

И, вотъ, еще послѣдняя вещь, заставшая меня въ дѣтскомъ періодѣ: вращающійся валикъ въ загадочномъ ящикѣ, который показывалъ публикѣ на бульварѣ нѣкій предпріимчивый незнакомецъ. Этотъ чародѣй за двадцать копѣекъ втыкалъ въ уши желающимъ двѣ тонкія кишки съ наконечниками, заводилъ аппаратъ, и кліентъ сначала слышалъ шипѣніе, затѣмъ шуршаніе, потомъ жужжаніе, а послѣ этого — чьи-то неясные человѣческіе голоса. Какіе-то люди, очевидно сильно простуженные, хрипло о чемъ-то другъ съ другомъ бесѣдовали; какой-то пѣвецъ, должно быть въ отставкѣ, сиплымъ дрожащимъ голосомъ пѣлъ: "Мой любимый старый дѣдъ"...

При появленіи фонографа окончилось мое дѣтство. И, по мѣрѣ того, какъ росъ я, росла и техника. Но росла неизмѣримо быстрѣе меня. Чего только ни появилось за послѣдніе десятки лѣтъ! Первый автомобиль. Первая "живая" картина въ біосконѣ. Первый летательный аппаратъ. Радіотелеграфъ. Радіофонія. Телевизія. Радаръ. Разложеніе атома. Суперсонорные полеты. Летающія блюдца...

За это время я столько изумлялся, столько восхищался, столько удивлялся, что усталъ наконецъ. Съ тревогой оглядываюсь сейчасъ, присматриваюсь, прислушиваюсь. Кругомъ — ревъ радіо, скрежетъ машинъ, искусственный гулъ, искусственный шумъ, искусственный свѣтъ, загробное сіяніе мертвенныхъ неоновыхъ вывѣсокъ...

Ужъ слишкомъ много чудесъ. Не страшно-ли?

2.

ГОРДОСТЬ НАШЕГО ВѢКА.

Величайшiе изобрѣтатели — техники готовятъ людямъ исключительную радость бытiя на землѣ. Машина въ наше время ближайшiй другъ человѣка. Она — нашъ мертвый, но въ соединенiи съ человѣческимъ мозгомъ одухотворенный помощникъ. Благодаря ей, этой благодѣтельницѣ, мы окружены несчетнымъ количествомъ заманчивыхъ цѣнностей. Она освобождаетъ отъ тяжкаго физическаго труда, создаетъ условiя удобства, комфорта. Она дѣлаетъ наше существованiе прiятнымъ и радостнымъ, уводитъ далеко отъ животнаго прозябанiя, защищаетъ отъ разгула стихiй, создаетъ крѣпости, тщетно осаждаемыя холодомъ, зноемъ, вѣтромъ, дождемъ. И какъ величаво идетъ техника отъ побѣды къ побѣдѣ благодаря вѣрной помощи этого друга! Человѣкъ постепенно становится существомъ внѣ пространства и времени. Радiофонiя уничтожаетъ пространство для слуха и голоса. Телевизiя уничтожаетъ пространство для зрѣнiя. Запись звука и свѣта уничтожаетъ протяженiе во времени. Побѣждая пространство, время, стихiи, машинная техника воистину самое реальное, самое неопровержимое свидѣтельство мощи и благотворности матерiальной культуры.

Все это такъ. Но наряду съ внѣшнимъ блескомъ обнаруживаетъ машинная техника въ ходѣ развитiя и нѣкоторое противорѣчiе.

Казалось бы, при сравненiи съ цивилизованнымъ человѣкомъ нашего времени первобытный дикарь — существо безпомощное, жалкое, подверженное на протяженiи своей жизни несчетнымъ опасностямъ. Блуждая по пустыннымъ мѣстамъ и джунглямъ, всегда рискуетъ онъ быть растерзаннымъ хищниками; переходя по бревну черезъ бурный потокъ, можетъ погибнуть отъ одного невѣрнаго шага. Даже въ собственномъ жилищѣ не чувствуетъ онъ себя въ безопасности. Вихрь можетъ въ любую минуту снести примитивную хижину; гады и насѣкомыя угрожаютъ жизни, жалкiя условiя гигiены истощаютъ организмъ.

А, между тѣмъ, отбросивъ пристрастiя, спросимъ себя: развѣ переходъ по бревну черезъ потокъ — въ процентномъ отношенiи губитъ больше людей, чѣмъ переѣздъ въ экспрессѣ, на пароходѣ, въ автомобилѣ, или на пассажирскомъ аэропланѣ?

Дикарь — путешественникъ, отправляясь въ путь, долженъ быть увѣренъ только въ себѣ. Современный же цивилизованный путешественникъ долженъ быть увѣренъ въ машинистѣ, въ стрѣлочникѣ, въ смаз-

чикѣ, въ инженерахъ, въ каждомъ участвовавшемъ въ постройкѣ рабочемъ. Или въ пилотѣ, въ механикѣ, въ крѣпости и прилаженности каждой части летательнаго аппарата.

А кто рискнетъ утверждать, что блужданія по джунглямъ намного страшнѣе блужданій по какой-либо изъ современныхъ столицъ, или что смерть отъ тигра относительно чаще, чѣмъ смерть отъ Форда и Ситроена? Нѣтъ сомнѣнія, что дикарь во время своей прогулки настораживаетъ зрѣніе и слухъ. Но кто изъ насъ, культурныхъ счастливцевъ, не знаетъ этихъ жуткихъ переходовъ черезъ улицу многолюднаго города, когда ухо безпокойно ловитъ каждый шорохъ и шумъ, когда глаза въ жуткой тревогѣ вращаются вправо и влѣво, когда все тѣло содрогается отъ мысли стать жертвой преступныхъ автомобилистовъ, разбойныхъ мотоциклистовъ и мелкихъ хищниковъ — велосипедистовъ?

Въ общемъ, техника, дѣйствительно, уничтожаетъ опасности первобытнаго свойства. Но она же создаетъ кое-какія опасности культурнаго происхожденія.

**
*

А вотъ — удобства жизни, комфортъ. Спора нѣтъ: неизмѣримы преимущества электричества надъ лучинами, центральнаго отопленія надъ первобытнымъ очагомъ, водопровода надъ колодцемъ. Это такое наслажденіе — войти въ свое жилище, щелкнуть выключателемъ, и все освѣтится. Положеніе лучше, чѣмъ у Господа Бога, когда Онъ создавалъ міръ. Творцу, все-таки, нужно было произносить слова: "да будетъ свѣтъ"; а цивилизованному человѣку не надо и этого: достаточно щелкнуть.

Точно также центральное отопленіе. Вѣдь какой ужасъ — въ примитивныхъ условіяхъ топить печь, идти самому въ лѣсъ, особенно зимой, собирать валежникъ, ломать у деревьевъ, сухія сучья.... Ноги проваливаются въ снѣгъ; въ глаза, въ ноздри, за воротникъ сыплется снѣжная пыль, стекающая ручейками по лицу, по рукамъ, по спинѣ. Дома, возлѣ печи — грязь, въ комнатѣ дымъ; смотрѣть больно, дышать трудно, окоченѣвшіе пальцы плохо сгибаются.

А въ пышномъ культурномъ городѣ — вернулся къ себѣ, подошелъ къ покорно свернувшейся кольцами змѣѣ радіатора, повернулъ рычагъ — и "да будетъ тепло". Сразу мѣняется и время года, и широта мѣстности и климатъ.

Правда, съ нашимъ комфортомъ случается иногда... Вдругъ, какой-либо недочетъ въ оборудованіи. Временная порча. Остановка въ функціонированіи машинъ. И счастливый баловень цивилизаціи сразу

отбрасывается въ доисторическія времена. Безъ лифта жилище на десятомъ этажѣ превращается въ пещеру, находящуюся на неприступной скалѣ; угасшая лампочка ввергаетъ абонента электрической станціи въ эпоху, когда предки наши еще не нашли способа добыванія огня.

Но, конечно, всѣ эти частные случаи не мѣняютъ общей картины комфорта. А что мѣняетъ, и мѣняетъ въ большой степени, это — тѣ подготовительныя стадіи, которыя нужно пройти для достиженія подобнаго счастья. Чтобы однимъ жить было удобно, многимъ другимъ нужно испытать значительныя неудобства. До того, какъ лампочка даетъ свѣтъ, а радіаторъ тепло, кто-то долженъ въ шахтѣ добывать уголь, кто-то обязанъ буреніемъ, тартаніемъ, каптированіемъ получать нефть; одинъ льетъ раскаленный металлъ, другой тянетъ проволоку, третій штампуетъ части машины, остальные — выдуваютъ стекло, дѣлаютъ выключатели, радіаторы, винты, гайки, тысячи всякихъ предметовъ. Каждый день, безъ особыхъ удобствъ, безъ комфорта, одно и то же, одно и то же, и въ этомъ году, и въ будущемъ, и черезъ нѣсколько лѣтъ...

3.

ПОЖИРАНІЕ ПРОСТРАНСТВА.

А, вотъ, и еще одна область безспорныхъ завоеваній техники: ускореніе сношеній и передвиженій въ пространствѣ.

Вспоминаются примитивные гонцы былыхъ далекихъ временъ, скороходы, вѣстники, преодолѣвавшіе разстоянія при помощи собственныхъ ногъ, или ногъ прирученныхъ животныхъ. Плелись по дикимъ мѣстамъ несчастные люди, съ трудомъ продѣлывали путь въ своихъ "стадіяхъ", парасангахъ, миляхъ — "милле пассуумъ". Далекія путешествія предпринимались рѣдко, изъ любознательности или изъ любостяжанія отдѣльными лицами, группами. Иногда огромныя полчища медленно тянулись по землѣ, угрожая сосѣдямъ военнымъ походомъ.

И какъ все это ничтожно и жалко въ сравненіи съ молніеносностью передвиженій въ наше счастливое время! Задыхаясь отъ быстраго бѣга, стучатъ по рельсамъ экспрессы, приводя въ содроганіе землю; гудятъ въ воздухѣ искусственныя чудища — птицы, въ неистовомъ стремленіи впередъ сверля встревоженный воздухъ; внизу, по свѣтлымъ лентамъ перекрестныхъ дорогъ, мечутся взадъ и впередъ автомобили, хрюкая и вытянувъ впередъ плоскія морды. Иногда, гдѣ-то, съ огнемъ и громомъ мчатся на сосѣдей закованныя въ сталь машины моторизованныхъ полчищъ.

И что теперь — стадіи, парасанги, мили? Гдѣ гонцы, скороходы и вѣстники? Нѣтъ сейчасъ ближнихъ и дальникъ странъ, все — близко. Весь земной шаръ для скорости сношеній сталъ меньше древняго Пелопонеса. Сузы и Экбатана въ былыя времена были дальше другъ отъ друга, чѣмъ теперь Парижъ и Нью Іоркъ.

Да, все это такъ. И, между тѣмъ, странное дѣло: никогда въ исторіи человѣчества люди не спѣшили такъ, какъ теперь. Никогда не боялись въ своихъ дѣловыхъ связяхъ опоздать, какъ сейчасъ. Кто въ древности жаловался на медлительность передвиженій, на запоздалость извѣстій? Способы сообщенія и темпъ жизни въ старыя времена находились въ гораздо большей гармоніи, чѣмъ въ нынѣшнюю эпоху блистательнаго развитія техники. Посольства прежнихъ временъ и народовъ прекрасно справлялись со своими задачами. Талантливые полководцы не опаздывали разбить врага. Ксенофонтъ удачно увелъ свои десять тысячъ грековъ, переправляясь черезъ рѣки на бурдюкахъ. Александръ Македонскій, считая разстоянія на стадіи, отбилъ у персовъ

всю Малую Азію, покорилъ Палестину, Египетъ, Вавилонъ, добрался до Индіи, прошелъ въ Пенджабъ. И съ его стороны никто не слышалъ жалобъ, что подвигается онъ слишкомъ медленно, что не хватаетъ ему танковъ и истребителей въ воздухѣ. И Юлій Цезарь, безъ всякой досады на отсутствіе двигателей внутренняго сгоранія, перешелъ Альпы, и, скромно отсчитывая по тысячѣ шаговъ — по милѣ, завоевалъ Галлію, перешелъ черезъ Рейнъ, совершилъ походъ въ Британію.

До середины прошлаго столѣтія гармонія между техническими скоростями и темпомъ жизни осуществлялась въ достаточной степени. Мальпосты, рыдваны, дормезы, тарантасы двигались съ той же солидностью и неторопливостью, съ какой развивалось дѣйствіе въ романахъ Вальтеръ Скотта или Дюма. Наши тройки того времени были, дѣйствительно, образцомъ неудержной стремительности русской души. Недаромъ Гоголь достигъ высотъ искренняго вдохновенія при видѣ того, какъ Селифанъ везъ въ бричкѣ Чичикова, подгоняя кнутомъ лѣнивца Чубараго:

"Кажись, невѣдомая сила подхватила тебя на крыло къ себѣ, и самъ летишь, и все летитъ: летятъ версты, летятъ навстрѣчу купцы на облучкахъ своихъ кибитокъ, летитъ съ обѣихъ сторонъ лѣсъ съ темными строями елей и сосень... Летитъ вся дорога нивѣсть куда въ пропадающую даль; и что-то страшное заключено въ семъ быстромъ мельканіи... Эхъ, тройка, птица тройка! Кто тебя выдумалъ? Знать у бойкаго народа ты могла только родиться, въ той землѣ, что не любитъ шутить"...

Однако, прошелъ короткій срокъ; Стефенсонъ смѣнилъ Селифана. И стефенсоновскіе птицы-паровозы съ вагончиками понеслись по желѣзнымъ путямъ. Невѣдомая сила подхватила пассажировъ, и летятъ они, и все летитъ: летятъ километры, летитъ съ обѣихъ сторонъ лѣсъ, летитъ вся дорога нивѣсть куда въ пропадающую даль. И еще страшнѣе мельканіе, такъ какъ скорость уже не десять верстъ, а нѣсколько десятковъ.

И садится въ вагонъ уже не Чичиковъ, а тургеневскій Литвиновъ, смотритъ въ окно и видитъ: "Дымъ, дымъ, и паръ, все какъ будто безпрестанно мѣняется, всюду новые образы, явленія бѣгутъ за явленіями... поѣздъ бѣжитъ и бѣжитъ, горы отклонились, ушли вдаль, потомъ надвинулись опять..."

А потомъ — прошло сорокъ лѣтъ, шестьдесятъ, восемьдесятъ. Все быстрѣе и быстрѣе мчались навстрѣчу километры, лѣса, горы. Все страшнѣе и страшнѣе становилось мельканіе. На землѣ скорость

перевалила за сто верстъ въ часъ. Въ воздухѣ — за двѣсти, триста, пятьсотъ. И навстрѣчу новымъ Чичиковымъ и новымъ Литвиновымъ летитъ въ воздухѣ все: и купцы изъ Нью Іорка, и орлы поднебесья, и грозовыя тучи, и радуги; и внизу пробѣгаютъ лѣса, горы, рѣки, моря, океаны.

Гдѣ предѣлъ? И куда приведетъ дорога, летящая въ пропадающую даль?

Нервная торопливость нашего вѣка гонитъ впередъ технику. И техника, въ свою очередь, развиваетъ страсть къ ускоренію. Смотришь въ городѣ на мотоциклиста, посадившаго сзади жену и мчащагося по людной улицѣ со скоростью семидесяти километровъ въ часъ. Куда они мчатся въ такомъ бѣшеномъ темпѣ? Хотятъ поскорѣе остаться вдвоемъ? Или забыли дома закрыть газъ? Или отъ нестерпимаго голода потеряли разсудокъ и мечтаютъ поскорѣе съѣсть свой эскалопъ? А то, можетъ быть, это — простое тщеславіе, желаніе хвастнуть новымъ моторомъ, подобно тому какъ въ былые времена богатые люди хвастались своими блестящими конными выѣздами?

Весьма вѣроятно, что въ будущемъ техника передвиженій выкинетъ насъ съ земного шара въ межпланетное пространство и дастъ возможность общенія съ луной, съ Марсомъ. До луны — около четырехсотъ тысячъ километровъ, всего десять путешествій вокругъ земного шара. Ракетный снарядъ, дѣлающій тысячу километровъ въ часъ, будетъ довозить желающихъ въ четыреста часовъ, то-есть въ 16 дней 16 часовъ. Это немного утомительно, но, все-таки, сносно. Зато поѣздка на Марсъ черезчуръ длительна: среднее разстояніе отъ насъ около 60 милліоновъ километровъ; при тысячи километровъ въ часъ летѣть надо 60 тысячъ часовъ, то-есть шесть лѣтъ триста десять дней. Это недопустимо для людей, у которыхъ есть спѣшныя дѣла на Марсѣ.

Но техника, разумѣется, приложитъ всѣ усилія, чтобы подобный черепашій шагъ замѣнить болѣе приличнымъ движеніемъ. Сначала — десять тысячъ километровъ въ часъ, затѣмъ — сто... Согласно ученію Эйнштейна, во вселенной не можетъ быть скоростей быстрѣе скорости свѣта: триста тысячъ километровъ въ секунду. Вотъ до такихъ предѣловъ и можетъ развиваться техника передвиженій для удобства и комфорта человѣчества. А если Эйнштейнъ выйдетъ изъ моды — и дальше.

И можно вообразить, какъ будутъ тогда спѣшить счастливые люди!

4.

ДВѢ СТОРОНЫ МЕДАЛИ.

Помимо безопасности, комфорта, удобствъ передвиженія — техника умножаетъ и другія радости жизни, услаждаетъ зрѣніе, слухъ, создаетъ новыя условія для отдохновенія послѣ труда.

Взять хотя бы кинематографъ. Этотъ бывшій "великій нѣмой" имѣетъ неограниченныя возможности знакомить зрителей съ далекими странами, съ чужими народами, съ животнымъ и растительнымъ міромъ, съ неисчислимыми чудесами природы. Какое мощное средство для расширенія кругозора, для пріобрѣтенія знаній!

Однако, получивъ голосъ и превратившись изъ совершенно нѣмого въ черезчуръ говорливаго, кинематографъ почти всецѣло ушелъ въ область драмы и оперы, сталъ создавать суррогаты искусства, мертвой фотографіей замѣнять живопись, мертвыми механическими звуками подражать человѣческимъ голосамъ, живому дыханію жизни. Въ нагроможденіи внѣшнихъ эффектовъ гибнетъ глубина истиннаго трагизма и истиннаго юмора, превращаясь въ экранную плоскость. И вмѣсто катарсиса — очищенія души — поверхностное щекотаніе нервовъ, любопытство къ способамъ взлома несгораемыхъ кассъ, къ ловкому проникновенію въ чужія квартиры, къ умѣлому скрытію слѣдовъ преступленія.

Не менѣе велико и значеніе другого великаго завоеванія техники — радіофоніи. Какое удобство — его информація, какая польза отъ докладовъ спеціалистовъ разнаго рода! И какъ пріятно въ ея передачахъ знакомиться съ классической музыкой, возобновлять въ памяти шедевры старыхъ любимыхъ авторовъ.

Не очень давно, раньше, было это такъ сложно, иногда такъ недоступно. Торжественныя симфоніи Бетховена и величавыя оперы Вагнера звучали только для счастливцевъ большихъ городовъ, посѣщавшихъ спеціальныя концертныя и театральныя залы.

Сладостныя кантилены Штраусса, Оффенбаха, Планкетта въ ансамблѣ голосовъ и оркестра были доступны немногимъ. А теперь — героическую или пасторальную симфонію можно услышать и въ столовой, и въ спальнѣ, и въ табачной лавкѣ и даже въ собственномъ автомобилѣ во время поѣздки. Штрауссовскіе "весенніе голоса" раздаются въ больницахъ, на заводахъ, на фабрикахъ. Фаустъ, Мефистофель, Манонъ, Каварадосси, Вертеръ, Зигфридъ поютъ не только на городскихъ сценахъ, но всюду: въ уединенной виллѣ среди лѣса или среди полей,

на морѣ, на горныхъ высотахъ, въ убѣжищахъ для стариковъ и старухъ. Сколько великихъ музыкальныхъ твореній вышло изъ забвенія, предстало предъ слухомъ современныхъ любителей...

И все же, наряду съ этимъ — бѣдствіе. Тягчайшее испытаніе для городскихъ жителей: неумолчный ревъ аппаратовъ. Ревъ съ чердаковъ, изъ подваловъ, со всѣхъ этажей отъ перваго до шестого, седьмого. Нескончаемые негритянскіе танцы. Назойливыя пѣсенки. Гнусавые, барабанные звуки разгулявшагося джаза, бьющіе по головѣ, сверлящіе мозгъ.

Куда бѣжать отъ сосѣда, открывшаго окно, поставившаго свой пріемникъ на всю глотку громкоговорителя? Какъ спастись беззащитному невольному слушателю? Скрыться въ городской садъ? Но и возлѣ сада — съ четырехъ сторонъ окна. И опять то же: съ одной стороны — танцы. Съ другой — болтовня спикера. Съ третьей шансонетки. Съ четвертой — жуткая соната Равеля.

Не скверъ для отдыха, — одинъ изъ круговъ дантова ада.

***

Послѣ всѣхъ этихъ пытокъ какъ иногда не умилиться, найдя поводъ вспомнить молчаливо-мудрыя прошедшія времена?

Какъ-то разъ, бѣжавъ отъ сосѣда, наслаждавшагося грохотомъ тамъ-тама, дошедшаго до насъ съ береговъ Конго, достигъ я окраины города. Шелъ по спокойной улицѣ, гдѣ тишина рѣдко нарушается скрежетаніемъ, визгомъ, свистомъ, кряканьемъ, хрюканьемъ, хрипомъ машинъ. И, вдругъ... Изъ открытаго окна одной виллы послышалось...

Что это? Какая радость! Чьи-то руки, по всей вѣроятности дѣтскія, въ нерѣшительности разбираютъ на піанино турецкій маршъ Моцарта. Темпъ — застѣнчивый, медленный. Мелодія спотыкается на ошибочныхъ нотахъ, возвращается вспять, снова пробирается впередъ среди груды препятствій. Кто эти странные ненормальные состоятельные люди, имѣющіе прекраснаго Филлипса на всѣхъ волнахъ, но обучающіе музыкѣ своего ребенка, безъ намѣренія сдѣлать изъ него Рахманинова, Орлова, Рубинштейна, Боровскаго?

Да, это — настоящее піанино. И звуки — живые. Родившіеся не за тысячи верстъ отъ этого дома, а тутъ же, рядомъ: безъ отправительной станціи, безъ антенны, безъ пріемника, микрофона, трансформатора, конденсатора, потенціометра, проволочныхъ обмотокъ, эфирныхъ волнъ.

И снова вспомнился мнѣ изъ дѣтскихъ лѣтъ — старый рояль. И коврикъ подъ нимъ. И надъ головой — гудѣніе басовъ, переливы

верхнихъ нотъ - колокольчиковъ въ рапсодіи Листа. И попутно всталъ въ памяти первый электрическій фонарь. Первые граммофонные голоса въ загадочномъ ящикѣ. И незадолго до постройки вѣтки желѣзной дороги въ нашъ городъ, плѣнительныя поѣздки на лошадяхъ, въ экипажѣ. Неторопливо стучали колеса, медленно измѣнялся пейзажъ окружающихъ горъ и холмовъ; завидѣвъ любопытный цвѣточекъ, или странный камешекъ возлѣ шоссе, можно было соскакивать на дорогу, срывать цвѣты, собирать камни, сосновыя шишки, въ легкомъ бѣгѣ догонять экипажъ.

А теперь — несешься въ экспрессѣ, смотришь въ окно... Промчался откосъ крутой горы и что-то цвѣтное мелькнуло. Что это: цвѣтокъ, камень, осколокъ бутылки? Или мчишься по воздуху въ долгомъ полетѣ. Что это внизу? Ручей или тропинка? Рѣка или шоссе? Какой лѣсъ — еловый, сосновый, лиственный? И что за пятна и точки далеко въ воздушномъ провалѣ: дома, стога, обломки скалъ, животныя, столбы, люди?

Чѣмъ дальше, чѣмъ ближе къ настоящему времени, тѣмъ все быстрѣй, все менѣе ясно, менѣе разборчиво на нашемъ пути. И до какихъ это предѣловъ и сроковъ?

***

Много благодѣяній принесла человѣчеству техника, съ самаго начала своего зарожденія. Вывела людей изъ первобытныхъ становищъ, согрѣла, одѣла, побрила, подняла въ пиджакахъ на неизмѣримыя высоты надъ жалкимъ животнымъ прозябаніемъ, создала досугъ для изощренія мысли и чувствъ, для любованія красотами міра, для взлетовъ вдохновеннаго творчества.

И въ то же время, противно веленію Божьему, утеревъ потъ съ лица человѣка, переложивъ на бездушную машину тяжкій физическій трудъ, сама техника стала бездушной, равнодушной, какъ машина, и къ злу и къ добру, и къ Богу и къ дьяволу. Каждая созданная ею полновѣсная монета культуры, включенная въ золотой запасъ человѣчества, имѣетъ обязательную обратную сторону. Одинъ и тотъ же примитивный топоръ одинаково служитъ и для постройки жилищъ и для уничтоженія враговъ. Одинъ и тотъ же высоко - культурный токъ освѣщаетъ, согрѣваетъ, передвигаетъ людей и убиваетъ на электрическомъ стулѣ, на проволочныхъ загражденіяхъ. Паровые двигатели, смѣнившіе паруса на водѣ и прирученныхъ животныхъ на сушѣ, приносятъ радость ускореніемъ сношеній; и они же создаютъ блиндированные поѣзда на землѣ, огнедышащія броненосныя чудища на водныхъ пространствахъ. И

смѣнившіе почтовыхъ голубей аэропланы, осуществившіе наяву мечту о сказочныхъ коврахъ - самолетахъ, смѣняютъ свой видъ мирныхъ птицъ, превращаются въ хищниковъ, истребляющихъ съ воздуха замершіе отъ ужаса человѣческіе птичники лежащихъ внизу городовъ.

Великъ сейчасъ цивилизованный человѣкъ. Далеко ушелъ отъ низшихъ собратьевъ, рыскающихъ по лѣсамъ и пустынямъ. Гордый могуществомъ своего знанія, царитъ онъ надъ всѣмъ живымъ и мертвымъ на отведенномъ ему въ обиталище спутникѣ солнца. Звучатъ въ его устахъ святыя слова о любви, о познаніи тайнъ, о порывахъ творческихъ силъ.

Но наступаютъ иногда страшные сроки. Сбрасываетъ человѣкъ съ себя пышныя одежды тѣла и духа, вмѣсто образа выше подобія Божьяго показываетъ міру свой второй ликъ, хуже звѣринаго...

И въ дыму усовершенствованныхъ пожарищъ войны рушатся благоустроенные города, вѣрныя убѣжища отъ жестокихъ стихій. Распадаются въ прахъ величавыя зданія, оборудованныя по послѣднему слову удобствъ и комфорта. Обращаются въ груды желѣза и камня храмы новѣйшаго языческаго богопочитанія — заводы и фабрики. Обезумѣвшія толпы мечутся, ища спасенія въ подземныхъ норахъ; ревъ и вой смертоносныхъ чудовищъ сливаются съ гудѣніемъ пламени, съ предсмертными стонами; и подъ внезапно выросшими холмами цивилизованнаго мусора перемѣшано все въ общей могилѣ: статуи, книги, картины, посуда, радіоаппараты, граммофоны, пылесосы, безопасныя бритвы...

5.
СОВРЕМЕННОЕ РАБСТВО.

И еще новый кругъ трагическихъ противорѣчій техники.

Казалось- бы — какъ сокращаетъ машина физическій трудъ. Сколькихъ людей освобождаетъ отъ проклятія непрестаннаго напряженія мышцъ, отъ изнуренія всего организма. Какую гордость человѣческимъ знаніемъ испытываетъ зритель, наблюдающій работу современнаго экскаватора, смѣнившаго сотни лопатъ былыхъ землекоповъ! Вонзается въ почву гигантская металлическая челюсть, грызетъ землю и камни, вбираетъ ихъ въ свою огромную пасть, торжествующе поднимается къ небу, вращаетъ желѣзную шею и послушно перебрасываетъ добычу туда, куда указываетъ воля одного человѣка.

А какое количество людей и животныхъ освобождено отъ тяжкихъ усилій паровой и электрической тягой. А съ какой легкостью подъ электрическимъ сверломъ распадаются камни, горныя породы, каменноугольные пласты.

И, между тѣмъ, несмотря на все это великолѣпіе прогресса, на все это величіе, — странное зрѣлище: количество изнуряющихся отъ тяжкой работы людей не уменьшается, а увеличивается. Съ одной стороны каждая машина замѣняетъ десятки и сотни рабочихъ; съ другой — каждая машина порождаетъ другія, вовлекая въ свой кругъ сотни и тысячи новыхъ людей. Точно со сказочной многоголовой гидрой борется машинная цивилизація съ проклятіемъ труда, созданнаго первороднымъ грѣхомъ. Но отсѣкается одна голова и вмѣсто нея появляются новыя. Сокращается трудъ въ одной отрасли и одновременно увеличивается въ другой, требуя ускоренія добычи горючаго, каменнаго угля, нефти, металла.

Такимъ образомъ растетъ и ширится классъ рабовъ бездушныхъ машинъ. Въ условіяхъ дифференцированнаго труда милліоны пасынковъ механистической цивилизаціи изнуряются однообразной работой, превращающей ихъ въ простыхъ автоматовъ. Изнуряются они теперь большей частью не отъ физическихъ усилій, а отъ напряженія вниманія, отъ однихъ и тѣхъ же движеній на протяженіи долгаго времени. Фабричный и заводской пролетарій — простой придатокъ къ машинѣ, ея примитивный головной мозгъ, ея однообразная воля безъ выбора. Всякое горѣніе души, все высшее человѣческое, личныя качества, многогранная игра мыслей, чувствъ и желаній, все должно быть подавлено. Человѣкъ здѣсь — не человѣкъ и не машина, а нѣчто промежу-

точное, среднее — живой винтъ среди мертвыхъ винтовъ, живой рычагъ среди безжизненныхъ рычаговъ.

И какъ мало похожъ нынѣшній пролетарій на пролетаріевъ древняго Рима! Римскій пролетарій, принадлежа къ низшему, неподатному сословію, обладая имуществомъ меньше десяти тысячъ ассовъ, не былъ прикрѣпленъ ни къ чему, поставлялъ государству только дѣтей.

Пролетарій же нашего времени — существо болѣе драматическое: гонимый голодомъ, прикрѣпляется онъ добровольно къ заводамъ, шахтамъ и фабрикамъ. Не сознавая того, что свѣтъ души и радость свободы гаситъ въ немъ сосѣдство съ машиной, возникающія чувства протеста и горечи переноситъ онъ на работодателя, на всѣхъ удачниковъ, живущихъ лучше него. И тамъ, гдѣ оплата труда слишкомъ низка, возвращается онъ на отдыхъ домой какъ звѣрь послѣ неудачной охоты; а тамъ, гдѣ заработокъ достаточенъ для жизни въ приличныхъ условіяхъ, выхолощенная машиной душа требуетъ отъ отдыха только разнообразія пищи и пустыхъ развлеченій опростившейся психики.

***

Не всякій трудъ есть проклятіе Божье. Гдѣ онъ налагается на себя самимъ человѣкомъ, произвольно, по влеченію духа, безъ принужденія со стороны чужой воли, безъ угрозы голоднаго существованія, безъ алчности къ излишнимъ матеріальнымъ благамъ, — тамъ трудъ — радость земной жизни, ея смыслъ, ея благо, если самъ онъ направленъ на благо. Что можетъ быть выше творческаго труда художника, создающаго прекрасные образы, во вдохновенной сосредоточенности воплощающаго эти образы въ нѣчто живущее внѣ пространства и времени, иногда переживающее и жизнь самого человѣка и жизнь цѣлыхъ народовъ? И какъ радостенъ трудъ мыслителя, сцѣпляющаго загадки видимаго и невидимаго, тѣла и духа, въ великое общее цѣлое. И какое удовлетвореніе душѣ изслѣдователя Божьяго міра, когда проникаетъ онъ глазомъ своего разсудка въ обители безконечной вселенной, находитъ въ каждомъ цвѣткѣ, въ каждой пчелѣ проявленіе мудрыхъ законовъ природы.

И даже трудъ, сопряженный съ опасностями, грозящій неожиданой гибелью, когда онъ производится по собственной волѣ, изъ любви къ осуществленію заманчивыхъ цѣлей, кажется пріятнымъ и радостнымъ. Безъ насилія съ чьей-либо стороны безстрашный альпинистъ взбирается на неприступныя скалы, съ рискомъ сорваться, или поднимается на льды горныхъ вершинъ, нетронутыхъ ногой человѣка. Не понукаемый никѣмъ, отважный спелеологъ спускается въ глубины подземныхѣ пещеръ, преодолѣваетъ во тьмѣ шумящіе потоки воды; находитъ

волшебныя залы съ колоннами, съ бахромой иглъ сталактитовъ, съ аналоями сталагмитовъ, идущихъ сталактитамъ навстрѣчу.

Но какое столкновеніе произошло бы у тѣхъ же альпинистовъ и тѣхъ же спелеологовъ съ работодателями, если бы ихъ трудъ былъ обязательнымъ, связаннымъ съ оплатой работы! И сколько радѣтелей правъ человѣка вступилось бы за этихъ несчастныхъ, невинныхъ жертвъ капитала и безжалостной эксплоатаціи.

Недаромъ мечтатель Фурье изобрѣлъ свои "фаланстеры", въ которыхъ люди, благодаря солидарности и жизнерадостности, должны были отъ механическаго труда получать наслажденіе. Въ смыслѣ добровольнаго труда, производимаго по желанію и склонностямъ, правъ былъ и Карлейль, утверждавшій, что "огромное преимущество имѣютъ необразованные и трудящіеся классы надъ образованными и нетрудящимися благодаря тому, что они должны трудиться."

Но трудъ фабричный и заводской, когда машина всецѣло механизируетъ прикованнаго къ ней человѣка, когда изъ души годами, десятилѣтіями изгоняются живая воля и мысль, иниціатива и выборъ, этотъ трудъ не скраситъ ни фаланстерами Фурье, ни патетизмомъ Карлейля.

Въ наше время на виду у всего міра безрезультатно бьется фарисейская совѣтская власть надъ неразрѣшимой задачей — внушить своимъ подневольнымъ рабочимъ любовь къ машинѣ, воспитать въ нихъ обожаніе къ фабрикѣ, восторги передъ заводомъ и копями, вызвать энтузіазмъ къ работѣ живыхъ автоматовъ. Въ помощь этому двинуто все: тщеславіе стахановцевъ, честолюбіе выдвиженцевъ, приманки денежныхъ премій, блескъ котильоныхъ орденовъ, пышность званія героевъ труда. По приказанію свыше сладость общенія съ машиной воспѣвается совѣтскими бардами въ прозѣ, въ стихахъ; по тѣмъ же неумолимымъ заданіямъ покорная литература, поэзія, музыка пытаются въ художественныхъ образахъ изобразить огненную страсть доменныхъ печей, жгучій взглядъ черныхъ очей антрацита, кудри нефтяныхъ фонтановъ, очарованіе аккумуляторовъ, побѣдное шествіе тракторовъ.

И все ни къ чему. Какъ бы ни улучшалось матеріальное положеніе рабочаго класса на Западѣ, какъ бы ни возвышалось его положеніе при помощи совѣтскихъ поэтическихъ вымысловъ, — все равно: остается этотъ классъ самымъ несчастнымъ въ настоящее время, самымъ опаснымъ и жуткимъ, воспріимчивымъ къ низменным чувствамъ озлобленія, зависти, стадности, презрительно относящимся къ высшимъ цѣнностямъ духа и безжалостно готовымъ взорвать тотъ цивилизованный міръ, который его породилъ.

6.

РЕЗУЛЬТАТЫ ЗАВОЕВАНІЙ.

Во многихъ областяхъ нашей жизни благодѣтельное вліяніе техники и прикладныхъ наукъ неопровержимо.

Кто будетъ спорить съ несомнѣннымъ прогрессомъ медицины, съ ея могущественными новыми средствами, съ чудесами ея хирургіи?

Подкрѣпленная развитіемъ гигіены и улучшеніемъ общихъ условій жизни, медицина спасаетъ людей отъ нашествія опустошительныхъ эпидемій; успѣшно борется съ эндемическими болѣзнями въ опредѣленныхъ зараженныхъ мѣстахъ; своей профилактикой, терапіей и блестящими хирургическими операціями отстраняетъ отъ жала смерти милліоны людей.

Всемогущество медицины достигло необычайной высоты. И мы видимъ, что она можетъ излѣчивать почти все. Кромѣ насморка.

Однако, во всѣхъ областяхъ прогрессъ матеріальной культуры вѣроломно благословляетъ человѣчество двумя руками, изъ которыхъ правая не знаетъ, что дѣлаетъ лѣвая. Одна — помогаетъ, спасаетъ. Другая — разрушаетъ, надламываетъ, ведетъ къ уничтоженію.

И въ отношеніи здоровья и продолжительности жизни наблюдается та же картина. По мѣрѣ историческаго развитія медицинскихъ методовъ, аппаратовъ и химико-біологическихъ средствъ, появляются въ той же пропорціи новыя недомоганія, новыя разстройства организма, порожденныя цивилизованной жизнью.

Крайне жалки и безпомощны были первобытные люди; такъ же жалки и современные дикари. Ихъ тяжкія болѣзни приводятъ свои жертвы къ неминуемой гибели, безъ всякой надежды, безъ всякой отсрочки. Иногда только колдунамъ при помощи фетишей и заговоровъ удается облегчить участь приговоренныхъ.

Но зато у первобытныхъ людей и дикарей — гораздо меньше болѣзней.

Меньшее разнообразіе микробовъ. Меньше уклоненій отъ нормы въ печени, въ почкахъ, въ легкихъ, въ сердцѣ, въ кровообращеніи. Нѣтъ излишнихъ осложненій въ функціяхъ нервной системы. Нѣтъ неврастеніи, навязчивыхъ идей, боязни пространства, темноты, чрезмѣрныхъ возбужденій или депрессіи. По мѣрѣ роста культуры, даже на нашихъ глазахъ, растутъ въ своей многогранности и болѣзни, незнакомыя нашимъ недавнимъ предкамъ. И не потому, что теперь медицина обла-

даетъ большей точностью своихъ діагнозовъ, но потому, что подобная многогранность уклоненій организма сама вызывается многогранностью жизни.

Нѣтъ сомнѣнія, что благодаря медицинѣ и улучшеннымъ гигіеническимъ условіямъ люди теперь дольше живутъ. Количество стариковъ, доживающихъ до восьмидесятилѣтняго возраста, въ пропорціи ко всему населенію, значительно больше, чѣмъ раньше. Сколько такихъ, поддержанныхъ терапевтами или хирургами, можно встрѣтить на городскихъ улицахъ, согбенныхъ, полуслѣпыхъ, полуглухихъ, медленно передвигающихся, однихъ — благодарящихъ Господа, другихъ — благодарящихъ врачей за продленную жизнь. Еще полъ-столѣтія назадъ такая картина не наблюдалась. Въ связи съ этимъ за послѣдніе сто лѣтъ, и даже меньше, въ культурныхъ странахъ измѣнилось опредѣленіе возраста по отношенію къ старости. Кто изъ современныхъ русскихъ читателей, если ему около пятидесяти лѣтъ, не возмущается при чтеніи слѣдующей фразы Тургенева: "Вошелъ въ избу старикъ лѣтъ пятидесяти". Или какая изъ достаточно взрослыхъ русскихъ дамъ не негодуетъ, читая слѣдующее опредѣленіе Островскаго: "Старуха пятидесяти пяти лѣтъ"?

Классификація людей на молодыхъ, пожилыхъ, старыхъ, безспорно измѣнилась за послѣднія десятилѣтія. Но, къ сожалѣнію, не потому, что современные молодые люди дольше остаются молодыми, а потому, что старики дольше живутъ. Въ этомъ смыслѣ совершенно правъ знаменитый французскій психофизіологъ докторъ Каррель, чистосердечно признавшійся:

"Медицина наша удлинила не молодость человѣка, а старость."

**
*

Бросимъ же теперь общій взглядъ на современнаго цивилизованнаго человѣка, особенно — жителя большихъ городовъ и столицъ, въ которыхъ строится новая жизнь, опредѣляются судьбы народовъ, творятся высшія цѣнности науки, литературы, искусства, царятъ очередныя теченія философскихъ идей, вѣнчающихъ міровоззрѣніе эпохи.

Жуткое явленіе представляетъ собой это странное существо, назначенное Господомъ въ цари природы, но подъ личиной котораго самъ Господь съ трудомъ различаетъ свое подобіе и свой образъ. Покрытый переработанными травами и шкурами убитыхъ животныхъ, ютится онъ въ желѣзобетонныхъ пещерахъ, скрывшись отъ неба и солнца, грѣясь у колецъ радіатора, освѣщаясь звѣздами лампъ накаливанія, яркими рамами сіяющихъ газовъ; спускается изъ гроба-

жилища въ овраги улицъ, сливается съ клокочущимъ потокомъ людей, въ рокотѣ говора, въ гулѣ машинъ, въ скрежетѣ тормазовъ, въ крикахъ и бормотаніяхъ радіо, среди слѣпящаго свѣта рекламныхъ призывовъ, огненныхъ стрѣлъ, буквъ, мерцаній и вспышекъ.

Садится на него машинная копоть и пыль, соединяются съ дыханіемъ испаренія бензина, запахи маселъ; обрушиваются на нервную ткань всевозможные индукціонные токи, токи высокаго напряженія; и, сверхъ всего, пронизываютъ тѣло во всѣхъ направленіяхъ созданныя техникой радіоволны, возмущающія эфиръ вмѣстѣ съ погруженными въ него организмами.

Всѣмъ намъ кажется, что быстрый матеріальный прогрессъ обогащаетъ психику цивилизованнаго человѣка, творитъ новыя возможности для развитія тѣла и духа.

Но уже въ концѣ прошлаго столѣтія, когда техника стала развиваться въ ускоренномъ темпѣ, Максъ Нордау не безъ основанія въ слѣдующихъ словахъ выразилъ свою тревогу:

"Культурное человѣчество попало въ плѣнъ къ новѣйшимъ открытіямъ и къ прогрессу. У человѣчества не остается времени приспособиться къ видоизмѣнившимся условіямъ существованія. Мы знаемъ, что наши органы изощряются благодаря постоянной практикѣ, но при одномъ условіи, если это совершается постепенно; въ противномъ случаѣ они скоро расходуются, отказываются служить."

А въ наше время, при техническомъ прогрессѣ еще болѣе стремительномъ, уже упоминавшійся выше докторъ Каррель всецѣло подтверждаетъ мысль Нордау и предостерегающе говоритъ:

"Мы гораздо меньше примѣняемъ свои способности приспособленія, чѣмъ наши предки. Образъ жизни, созданный научной цивилизаціей, сдѣлалъ безполезными механизмы, дѣятельность коихъ была непрерывной въ продолженіе тысячелѣтій у человѣческихъ существъ. Между тѣмъ, упражненіе этихъ механизмовъ, вродѣ способности приспособленія, — необходимо."

Вотъ именно подобная ненормальность, по мнѣнію Карреля, нарушаетъ наше равновѣсіе и по отношенію къ внѣшнему міру и по отношенію къ міру внутреннему. Она губитъ устойчивость нашу и экстра-органическую и интра-органическую.

А если такъ, то въ чемъ же заключается жизненная правда техники? Матеріальное значеніе ея въ смыслѣ удобствъ и сохраненія жизни — противорѣчиво. Физіологическое значеніе — вредно, несмотря на успѣхъ медицины. Соціальное же — опасно, при ростѣ новаго клас-

са рабовъ.

И какъ будто бы былъ правъ нашъ философъ В. В. Розановъ, сказавшій:

"Техника, присоединившись къ душѣ, дала ей всемогущество. Но она же ее раздавила."

7.

КРИЗИСЪ ОТВЛЕЧЕННОЙ НАУКИ.

Перейдемъ теперь отъ техники къ другимъ цѣнностямъ нашей цивилизаціи.

Вотъ — область науки. Блестящее завоеваніе человѣческаго ума, проникновеніе въ законы природы, тайнъ мертвой матеріи и живыхъ организмовъ.

Сколько изощренности, углубленія мысли, проявленій настойчивости, таланта, генія. Отъ Аристотеля, бывшаго одновременно и примитивнымъ естествоиспытателемъ, и психологомъ, и соціологомъ, до нашихъ дней превратилась наука изъ скромнаго портика въ грандіозный дворецъ, съ пріемными парадными злами, съ безчисленными рабочими кабинетами математиковъ, астрономовъ, геологовъ, біологовъ, соціологовъ, расширяющихъ свои помѣщенія въ связи съ дифференціаціей знанія. И какія великія имена! Евклидъ, Архимедъ, Птолемей, Леонардо да Винчи, Паскаль, Декартъ, Коперникъ, Кеплеръ, Ньютонъ, Лейбницъ, Лавуазье, Лапласъ, Амперъ, Кювье, Дарвинъ, Клодъ Бернаръ... И другія, и другія — незабываемыя и забываемыя. Къ срединѣ прошлаго вѣка достигла наука наибольшаго самоудовлетворенія и гордости. Въ расцвѣтѣ славы и силъ намѣревалась замѣнить собой и философскія исканія и религіозныя устремленія души. Позитивизмъ, матеріализмъ выросли изъ этого восторга передъ научной стройностью объясненія міра.

И только съ завершеніемъ дворца науки вышло не совсѣмъ благополучно. Нагромождены этажъ на этажъ, расширились кабинеты и залы, появились пристройки, служебныя помѣщенія. А крыши, вѣнчающей все зданіе, — нѣтъ.

Постепенно мѣняются контуры, верхній этажъ стоитъ незакон-

ченнымъ, и снуютъ среди лѣсовъ недостроеннаго дворца фигуры высшихъ авторитетовъ, что-то мѣняютъ, что-то приказываютъ разрушить и снова начать.

Жизнь коротка, наука безконечна. Но почему безконечна? Оттого-ли, что истина недостижима, или потому, что не наукѣ постигнуть ее?

За послѣднее столѣтіе научные работники выросли въ цѣлую армію. Рядовые изъ нихъ по характеру своихъ занятій мало чѣмъ отличаются отъ мелкихъ чиновниковъ или квалифицированныхъ рабочихъ на фабрикахъ. А надъ ними — высшіе служащіе, обрабатывающіе сырье, обобщающіе матеріалъ, движущіе науку впередъ.

Чѣмъ выше по своему авторитету ученый, тѣмъ больше знаній, но больше данныхъ для противуположныхъ рѣшеній и выводовъ. Изъ такихъ адептовъ науки, одни, порывистые, самодовольные, строятъ новыя гипотезы, опускаютъ нежелательные факты, преувеличиваютъ значеніе желательныхъ. Другіе, болѣе скромные, нерѣшительные, осмотрительные, наоборотъ: они никогда ни въ чемъ не увѣрены; для нихъ, отъ насыщенности знаніемъ, всегда возможны для каждаго случая не одна гипотеза, а двѣ, три, или даже тринадцать. Они никогда почти не могутъ, по совѣсти, твердо отвѣтить на вопросъ — да, или нѣтъ. На всѣ случаи у нихъ есть классическій отвѣтъ "ignoramus", а въ минуты отчаянія еще болѣе грустный: "ignorabimus".

И при такомъ разросшемся аппаратѣ изслѣдовательской мысли, послѣ періода ослѣпленія и гордости блестящими успѣхами, въ наукѣ со второй половинѣ прошлаго вѣка начался кризисъ. Только та часть открытій, которая имѣла практическую цѣнность, оказала конкретную пользу цивилизаціи, обогатила технику, дала ей толчекъ и возможности для дальнѣйшаго продвиженія впередъ. Отвлеченная же сторона научнаго міровоззрѣнія стала испытывать значительныя потрясенія, которыя продолжаются до нашего времени и значительно охлаждаютъ пылъ самомнѣнія позитивистовъ и матеріалистовъ.

Не только физика и химія, но даже сама всесильная, торжествующая, всегда неоспоримая — математика стала вызывать сомнѣнія въ нѣкоторыхъ своихъ примѣненіяхъ къ истолкованію бытія реальнаго міра.

Такъ, напримѣръ, величайшее твореніе Декарта — аналитическая геометрія, вмѣстѣ съ математическимъ анализомъ безконечно малыхъ Ньютона и Лейбница, дали могущественный способъ измѣренія кривыхъ линій, поверхностей и объемовъ. Но та же аналитическая гео-

метрія, выведенная изъ предѣловъ реальнаго пространства, стала давать фикціи четырехъ, пяти и вообще "н" измѣреній, что начало колебать классическое пониманіе математическаго протяженія въ пространствѣ. Для четырехмѣрн. пространства можно построить ту же стройную аналитическую систему, что и для реальнаго трехмѣрнаго; по аналогіи съ обычными геометрическими объемами легко получить уравненіе четырехмѣрнаго шара, эллипсоида, параболоида. Но, конечно, эта аналогія ничему реальному не соотвѣтствуетъ и, если кому принесла "пользу", то только спиритамъ, которые на четвертомъ измѣреніи стали строить объясненія сверхъестественныхъ потусторонних явленій.

А въ связи съ этимъ незаконнымъ расширеніемъ значенія алгебраическихъ символовъ на пониманіе пространства, то же самое произошло и съ пониманіемъ времени. Въ созданной Лагранжемъ аналитической механикѣ координаты пространства и функція времени были строго разграничены, какъ факторы совершенно различнаго смысла; но игра математическими символами перекинулась и въ механику: время стали разсматривать, какъ четвертую координату. И постепенно, черезъ всѣ эти воображаемые временно - пространственные міры, въ родѣ "міра Минковскаго", математическое толкованіе вселенной докатилось до нынѣшней модной теоріи Эйнштейна, въ которой относительными по отношенію другъ къ другу становятся и пространство, и время, и масса тѣлъ и скорость движенія.

Вполнѣ родственными этому научному декадансу нужно считать и возникшія съ середины прошлаго вѣка всѣ "мета-геометріи", начиная съ воображаемой геометріи Лобачевскаго. Отрицая правильность постулата Евклида о томъ, что въ точкѣ внѣ прямой можно построить только одну линію, параллельную этой прямой, Лобачевскій приходитъ къ заключенію, что нашъ пространственный міръ обладаетъ "кривизной", притомъ кривизной отрицательной, какъ пространство гиперболическое. Вслѣдъ за нимъ начинается мода на сферическое пространство Риманна, съ кривизной положительной, на пространства Ли и Бельтрами...

А тутъ еще область физико-химіи, съ основными понятіями о строеніи матеріи, объ эфирѣ, о волнообразномъ распространеніи свѣта и другихъ видовъ энергіи.

Давно-ли профессора химіи доказывали въ лабораторіяхъ студентамъ непреложность закона Лавуазье, изъ котораго выводилось положеніе о неуничтожимости матеріи? Съ открытіемъ радія и другихъ радіоактивныхъ веществъ это воззрѣніе, имѣвшее корни уже въ древно-

сти, во времена Лукреція, — рухнуло; матерію пришлось перевести на положеніе эквивалента энергіи. И въ наше время теорія Эйнштейна окончательно лишила матерію классической самостоятельности, предписавъ ей полное уничтоженіе при предѣльной скорости движенія, равной скорости свѣта.

Точно такъ же произошла ломка и съ представленіемъ о строеніи атома. Въ древности, у Демокрита и у Лукреція, уже само названіе этого основного элемента природы означало мельчайшую, недѣлимую часть матеріи. Съ этой недѣлимостью атомъ вошелъ въ нашу академическую химію, въ качествѣ того или иного химическаго элемента съ опредѣленнымъ атомнымъ вѣсомъ; распредѣлился въ періодической системѣ Менделѣева.

А затѣмъ — началось... Существованіе изотоповъ показало, что химическіе элементы вовсе не элементарны. Водородъ, напримѣръ, не существуетъ въ единственномъ видѣ, а составляетъ цѣлую группу: основной водородъ старой химіи, водородъ болѣе тяжелый, названный девтеріемъ, водородъ еще болѣе тяжелый — тритерій. Точно такъ же слѣдующій за водородомъ въ порядкѣ атомнаго вѣса — гелій тоже существуетъ въ различныхъ видахъ. А послѣ этого, въ эпоху разложенія атома, когда осуществилась мечта старыхъ алхимиковъ о превращеніи элементовъ, — атомъ изъ недѣлимой матеріальной частицы превратился въ подобіе солнечной системы, съ протономъ въ качествѣ солнца, съ вращающимися вокругъ него спутниками — электронами.

А съ эфиромъ и съ его волнообразнымъ движеніемъ произошло не меньше различныхъ непріятностей. Уже во времена Пифагора, Эмпедокла, Платона понятіе "эфира" было введено для объясненія явленій внѣшняго міра. Ко времени Ньютона существовали многочисленные "эфиры", въ которыхъ якобы происходятъ движенія планетъ, распространеніе свѣта, магнитныя притяженія. "Въ ту эпоху, — какъ говоритъ Максуэлъ, — пространство было переполнено эфирами". Ньютонъ очистилъ пространство отъ подобнаго засоренія; но свѣтовой эфиръ, необходимый для объясненія электромагнитныхъ явленій, оставался въ наукѣ до послѣдняго времени. Русскій профессоръ Столѣтовъ, напримѣръ, говорилъ: "Эфиръ — такая же реальность, какъ вода, воздухъ, если не больше."

И теперь, вдругъ, отъ колебательной теоріи свѣта — началось возвращеніе къ "истеченіямъ" Ньютона. Одного эфира оказалось для распространенія свѣта недостаточно: на волну насаживается матеріальный элементъ свѣта — фотонъ...

Подобная переоцѣнка старыхъ научныхъ понятій и ломка устоевъ естествознанія привели къ тому, что сомнѣнію стала подвергаться сейчасъ даже сама научная методологія, основанная на общечеловѣческой логикѣ и на строгихъ правилахъ эксперимента. И эти сомнѣнія пришли не со стороны, не изъ нѣдръ умозрительной философіи, что было бы естественно и допустимо, но изъ среды самихъ же ученыхъ — математиковъ, физиковъ, химиковъ.

Изслѣдуя безконечную дѣлимость пространства и вытекающія отсюда затрудненія, извѣстный математикъ Борель пришелъ къ заключенію, что "наша интуиція насъ обманываетъ и въ безконечно маломъ и въ безконечно большомъ". Французскій химикъ Болль выдвинулъ утвержденіе, будто безконечно-великое и безконечно малое во вселенной не аналогичны друг другу; хотя математически пространство однородно и въ безконечно-большомъ и въ безконечно маломъ, однако сама вселенная не однородна въ обоихъ этихъ протяженіяхъ. Міръ свѣтилъ и міръ атомовъ, поэтому, коренным образомъ отличаются другъ отъ друга.

А кое-какіе физики въ настоящее время начинаютъ даже сомнѣваться въ примѣнимости законовъ логики къ нѣкоторымъ явленіямъ матеріальнаго міра. Уже въ 1937 году, на международномъ философскомъ конгрессѣ кое-кто изъ присутствовавшихъ ученыхъ, указывая на неустранимость затрудненій въ истолкованіи нѣкоторыхъ физическихъ феноменовъ, откровенно заговорилъ о томъ, что научныя изслѣдованія должны теперь опираться на "новую" логику, что логика должна быть "обновлена". Детушъ, напримѣръ, утверждалъ, что одни и тѣ же умозаключенія непримѣнимы къ міру безконечно-большому и къ міру безконечно-малому. Эту "непримѣнимость" логики на указанныхъ полюсахъ безконечности поддерживалъ и другой физикъ — Шредингеръ, утверждавшій, напримѣръ, что электронъ есть въ одно и то же время и матеріальное тѣло и волна.

А ученый Рейзеръ дошелъ до того, что предложилъ всю старую физику, построенную на аристотелевской логикѣ, замѣнить физикой "новой", которая должна обходиться безъ основныхъ логическихъ законовъ тожества, противорѣчія и исключеннаго третьяго.

Подобный отказъ отъ логики, конечно, смѣшонъ. Вѣдь именно она, логика, пользуясь данными опыта, и породила механистическую физику. Безъ нея наука вообще перестаетъ быть наукой. Однако, весь этотъ скепсисъ самъ по себѣ не смѣшонъ, а трагиченъ. Онъ указываетъ на постепенное паденіе тѣхъ завоеваній разсудка, до которыхъ поднялась наша цивилизація.

А давно-ли было это — священная область познанія природы, благоговѣніе передъ тайнами міра... Пытливые физики, химики, точно монахи во время молитвы въ своихъ храмахъ-лабораторіяхъ. Астрономы — отшельники, прильнувшіе къ гигантскимъ глазамъ телескоповъ, ищущіе въ небѣ разрѣшенія вселенскихъ загадокъ. Вѣра въ непреложность законовъ природы, довѣріе къ познавательной силѣ разсудка. И наряду съ этимъ — ощущеніе красоты въ далекихъ и близкихъ мірахъ, и въ звѣздныхъ брызгахъ млечнаго пути, и въ лабораторномъ превращеніи веществъ, и въ цвѣтныхъ линіяхъ спектра свѣтилъ. Любовь, благоговѣніе, преклоненіе...

А теперь — толпы неизвѣстныхъ ученыхъ чиновниковъ, вычислителей — бухгалтеровъ, наблюдателей отдѣльныхъ участковъ, ломовыхъ коней въ предпріятіяхъ науки. Начальникъ департамента луны селенологъ не интересуется тѣмъ, что происходитъ въ департаментѣ солнца у геліологовъ; изучающій перемѣнную звѣзду Альголь въ Персеѣ никогда не взглянетъ на Алтаира или на Сиріуса. Открытія производятся корпоративно, точно на американскомъ заводѣ сообществомъ инженеровъ спеціалистовъ.

И надъ всѣми ними — высшіе научные авторитеты, слѣдующіе моднымъ теченіямъ, любители парадоксовъ, поклонники шумной рекламы — этой главной святыни современной культуры.

8.

КРИЗИСЪ БІОЛОГІИ.

Полная творческихъ силъ, гордая своими завоеваніями въ изученіи матеріальнаго міра, наука девятнадцатаго вѣка настойчиво пыталась проникнуть и въ тайну основъ органической жизни.

Непреодолимыя трудности возникаютъ передъ біологомъ, когда отъ изслѣдованія отдѣльныхъ жизненныхъ процессовъ переходитъ онъ къ общимъ выводамъ, къ установленію законовъ или даже теорій.

Течетъ, волнуется, шумитъ своевольная органическая жизнь, не зная ограниченій, не имѣя опредѣленныхъ береговъ, опредѣленнаго русла. Все въ ней сбивчиво, все произвольно. Непримѣнимы къ ней начала инерціи; невозможно сказать, что дѣйствіе въ ней равно противодѣйствію; нельзя охватить ее ни кинетической теоріей газовъ, ни законами термодинамики. Неуловимая, загадочная, — стремится она куда-то отъ неизвѣстныхъ истоковъ къ неизвѣстному устью, опрокидываетъ искусственныя дамбы и шлюзы, которыми наука старается подчинить ее въ цѣляхъ обычнаго механистическаго познанія.

Какъ только ножъ логическаго мышленія прикасается къ явленіямъ жизни, эта жизнь или оскудѣваетъ какъ плоскость, превращенная въ линію, или совсѣмъ умираетъ, теряя то драгоцѣнное, ради чего ее подвергаютъ изслѣдованію. И стоитъ ученый біологъ среди безбрежнаго потока, старается зачерпнуть въ колбу или въ реторту ничтожную часть этой стихіи и смотритъ внимательно, пристально, надѣвъ на носъ очки: продолжаетъ-ли свое теченіе этотъ потокъ, заключенный въ стеклянный сосудъ?

И, несмотря на всѣ трудности метода изслѣдованія органической жизни, девятнадцатый вѣкъ возвелъ біологію на степень настоящей науки. Эволюціонная теорія Дарвина и Уоллеса, подкрѣпленная ученіемъ Ламарка о механизаціи функцій и работами Жоффруа Сентъ Клера, дала заманчивое объясненіе всему разнообразію видовъ растительнаго и животнаго царства. Наряду съ этимъ, со свойственной тому времени научной смѣлостью, умножались попытки рѣшить предѣльные вопросы біологіи: о происхожденіи жизни на землѣ, объ основной сущности живой клѣтки, объ искусственномъ созданіи живого бѣлка.

Правда, подъ вліяніемъ пышно расцвѣтшей къ тому времени математики, физики, химіи, весь этотъ взлетъ біологіи основывался на механистическомъ и матеріалистическомъ истолкованіи природы. Цѣ-

лью біологовъ было — свести явленія жизни къ особому виду движенія и состоянія матеріи. Атомистическая теорія и термодинамика казались тогда заманчивой базой, на которой можно построить истолкованіе тайны жизненнаго начала въ природѣ. Сама эволюціонная теорія Дарвина со своими слѣпыми варіаціями полезныхъ пріобрѣтенныхъ признаковъ до нѣкоторой степени напоминаетъ кинетическую теорію газовъ. Для объясненія происхожденія живого вещества заимствовали у химиковъ и физиковъ чудодѣйственное вліяніе высокихъ температуръ. Живую клѣтку разсматривали какъ атомъ съ особыми свойствами.

И сколько таланта, пытливаго вниманія, глубокаго интереса ко всѣмъ этимъ вопросамъ! Сколько попытокъ опредѣлить сущность самой жизни, строенія и особыхъ признаковъ предполагаемаго живого "атома". По Ламарку, "жизнь есть совокупность отправленій, которыя сопротивляются уничтоженію". По Кювье "живое существо есть вихрь съ постояннымъ направленіемъ, причемъ въ этомъ вихрѣ матерія менѣе существенна, чѣмъ форма." По Флурансу "жизнь есть форма, которой служитъ матерія". По Тидеману "живыя существа имѣютъ въ себѣ свой принципъ дѣйствія, не дающій имъ впасть въ химическій индифферентизмъ". Клодъ Бернаръ осторожно высказывался: "Нельзя опредѣлить понятія жизни въ физіологіи; но когда говорятъ о жизни, каждый понимаетъ, о какомъ предметѣ идетъ рѣчь." Горячій сторонникъ эволюціонной теоріи Спенсеръ опредѣлялъ жизнь, какъ "постоянное приспособленіе внутреннихъ отношеній къ отношеніямъ внѣшнимъ." А сколько всевозможныхъ варіантовъ въ представленіи первичнаго жизненнаго элемента, изъ котораго строится живой организмъ! Пластидулы Геккеля, мицеллы Негели, идіобласты Гертвига, біофоры Вейсмана, энтелехіи Дрима, гормы Монакова... Отколовшись отъ общаго матеріалистическаго толкованія жизни, виталисты въ родѣ Ферворна ии Дрима, защищали существованіе особаго "жизненнаго элемента", несводимаго къ физико-химическимъ процессамъ; нѣкоторые умѣренные матеріалисты, типа Мутса и Лемана, занимали среднюю позицію, соглашаясь съ виталистами въ томъ, что въ жизненныхъ явленіяхъ существуетъ особая "цѣлостность", не наблюдаемая въ неорганическомъ мірѣ.

А затѣмъ, къ концу девятнадцатаго вѣка и въ началѣ нынѣшняго, весь этотъ энтузіазмъ начинаетъ слабѣть. Въ наукѣ о жизни, какъ во всѣхъ прочихъ наукахъ, начинается распадъ крупныхъ теорій и обнищаніе мысли.

Гордость девятнадцатаго столѣтія — эволюціонная теорія Дарвина — подъ ударами своихъ противниковъ, а еще болѣе отъ перестро-

екъ своихъ послѣдователей — неодарвинистовъ, постепенно теряетъ былое значеніе. Морицъ Вагнеръ возражалъ Дарвину относительно возможности закрѣпленія новыхъ признаковъ особи, если эта особь будетъ оставаться въ средѣ организмовъ со старыми признаками и скрещиваться съ ними. Такимъ образомъ въ дополненіе къ Дарвину возникла "миграціонная" теорія. Броннъ, Брока, а затѣмъ и другіе изслѣдователи, стали возражать противъ принципа полезности, лежащаго въ основѣ теоріи естественнаго отбора. Мивартъ утверждалъ, что новые признаки при первомъ возникновеніи въ организмѣ слишкомъ слабы, чтобы быть полезными, и потому непонятно пріобрѣтеніе новыхъ органовъ и основанное на этомъ созданіе новыхъ видовъ. Наконецъ, Вейсманъ отрицалъ передачу признаковъ, пріобрѣтенныхъ животнымъ въ теченіе индивидуальной жизни, и выставилъ главнымъ факторомъ варіацій исключительно половое размноженіе; новые признаки, по Вейсману, возникаютъ какъ комбинація свойствъ лежащихъ въ зародышевой плазмѣ скрещивающихся особей.

Къ нашему времени отъ ученія Дарвина осталось полуразрушенное зданіе, съ подпорками, трещинами, съ проржавѣвшей крышей, но съ воспоминаніями о недалекомъ прошломъ величіи. Какъ никакъ, несмотря на свою бездушную механистическую основу, эта теорія создала цѣлую эпоху, повліяла даже на соціологію и философію, примѣромъ чего можетъ служить міровоззрѣніе Спенсера.

А теперь? Какая новая великая система пришла на смѣну ученію Дарвина? Уже не въ біологіи, а въ отвлеченной философіи появилась теорія эволюціи Бергсона, привлекшая всеобщее вниманіе заманчивой идеей жизненнаго "порыва", при помощи котораго въ органическомъ мірѣ творятся новыя формы. Сама же біологія, въ теоретической своей части разбившись на осколки, перешла въ область практики, оказала благотворное вліяніе на прогрессъ медицины, на развитіе сельскаго хозяйства въ вопросахъ селекціи, докатилась до признанія таинственныхъ силъ человѣческаго организма въ явленіяхъ радіостезіи... И въ практической области, перейдя отъ общихъ основъ къ частнымъ вопросамъ физіологіи, біологія даетъ сейчасъ не мало блестящихъ именъ полу-ученыхъ, полу-врачей. Но гдѣ имена Ламарка, Дарвина, Жоффруа Сентъ Илера, Уоллеса, Клодъ, Бернара, Пастера, Мечникова? И гдѣ былой пафосъ углубленія въ тайны органическаго бытія?

9.

КРИЗИСЪ ПСИХОЛОГІИ.

Къ нашему времени постепенно стали исчезать и другія попытки: напримѣръ, построить цѣлостное пониманіе психики на основахъ чисто научной методологіи.

А, между тѣмъ, сколько было въ прошломъ вѣкѣ надеждъ включить психологію въ рядъ другихъ наукъ той эпохи, со своимъ собственнымъ методомъ, со своими общими непреложными выводами, въ видѣ стройной системы!

Наука девятнадцатаго столѣтія характеризовалась не только своимъ задоромъ, самоувѣренностью, но и искреннимъ энтузіазмомъ и порывомъ къ точному знанію. Равнодушная къ религіи, увлеченная механистическимъ взглядомъ на строеніе міра, близкая къ матеріализму въ своихъ толкованіяхъ, она въ то же время была идеалистична въ сознаніи величія тайнъ, въ которыя нужно проникнуть, въ ощущеніяхъ красоты той природы, сущность которой необходимо изслѣдовать.

Прошлый вѣкъ, въ началѣ не слишкомъ обремененный приборами и инструментами, не испытавшій еще чрезвычайной дифференціаціи своихъ спеціальностей, — сохранилъ въ себѣ восторженность передъ объектомъ изслѣдованія, что отчасти замѣняло ему религіозное чувство. Взять хотя бы астрономію, эту прекраснѣйшую изъ всѣхъ наукъ, прелесть которой такъ оригинально сочетается со сферической тригонометріей, съ дифференціальнымъ и интегральнымъ исчисленіемъ. Цифры этой науки плѣняютъ воображеніе. Ея откровенія одно глубже другого. Позитивисту — астроному его изученіе неба въ обсерваторіи можетъ во многомъ замѣнить присутствіе въ храмѣ. Какая красота лѣтняго вечера — у зенита голубой блескъ Веги, въ сторонѣ — три знакомыя звѣзды въ Орлѣ во главѣ съ Алтаиромъ; посреди — распростертый крестъ Лебедя...

Или какой романтизмъ — занятіе ботаникой, энтомологіей! Ботаникъ бродящій въ Божьихъ садахъ, изслѣдующій все растущее изъ земли — отъ скромной былинки до мощнаго баобаба. Или старикъ энтомологъ, неуклюже бѣгущій съ сачкомъ за бабочкой... Какая буколика!

Красота и величіе объекта въ прежнія времена легко смѣшивались съ красотой и величіемъ самой науки.

Ясно, что и молодая наука — психологія, включенная въ прошломъ вѣкѣ въ разрядъ научныхъ дисциплинъ наряду съ физикой, химіей

и біологіей, носила въ себѣ большую долю наивнаго романтизма. Нужно было только найти строго-научный методъ изслѣдованія, — и тогда всѣ душевныя явленія раскроются во всей своей глубинѣ: и мысль, и воля, и чувства, и ощущенія и представленія, и вниманіе, и память, и эмоціи. Все будетъ подвержено исчерпывающему анализу, приведетъ къ открытію великихъ законовъ психической жизни.

Такимъ методомъ сначала было признано "самонаблюденіе". Согласно этому методу, психологъ - изслѣдователь углубляется вниманіемъ въ свои собственныя душевныя явленія, анализируя ихъ, старается найти сходство, различія, группируетъ, классифицируетъ все наблюденное и устанавливаетъ, гдѣ возможно, закономѣрность. Объ указанномъ методѣ основатель его А. Бэнъ говоритъ:"Существенныя свойства духа познаются каждымъ человѣкомъ только въ его самосознаніи. Такъ какъ при наблюденіи духовныхъ явленій нѣтъ никакой посредствующей среды, каковой при воспріятіи внѣшняго міра служатъ глазъ, ухо, кожа и т.д., то въ анализѣ специальныхъ условій различенія и запоминанія духовныхъ состояній вообще мы должны идти особымъ путемъ".

Этотъ путь и есть самонаблюденіе, примѣненіе котораго особенно характеризуетъ англійскую научную психологію. Уже задолго до Бэна философъ Локкъ подобную способность самонаблюденія называлъ особымъ словомъ "рефлексія", которое впослѣдствіи пріобрѣло другой смыслъ. Ридъ и Стюартъ самонаблюденіе называли "сознаніемъ", а Гамильтонъ — "способностью субъективныхъ представленій".

Однако, всѣ надежды, возлагавшіяся на этотъ путь изслѣдованія психики, постепенно померкли. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ сущность самонаблюденія? Самонаблюдающій субъектъ искусственно раздѣляетъ себя на двѣ части: на наблюдающую и наблюдаемую. Наблюдающая считаетъ себя чѣмъ-то въ родѣ арбитра, ибо вмѣстѣ съ нею находится и самосознаніе. Наблюдаемая же снижается на положеніе чего-то чужого, на подобіе внѣшняго объекта. Между тѣмъ, ощущеніе или чувство, которое подвергается наблюденію, само тоже присутствуетъ въ самосознаніи въ качествѣ одного изъ его элементовъ. Слѣдовательно, самонаблюденіе всегда должно искажать весь комплексъ наблюдаемаго процесса. Тотъ человѣкъ, который наблюдаетъ свой гнѣвъ, уже не сердится; кто наблюдаетъ свою любовь, въ данный моментъ уже не любитъ. Порочная сторона самонаблюденія кроется именно въ томъ, что при наблюденіи психическое явленіе, какъ прочіе объекты науки, становятся "вещами", умерщвляются въ своей сущности.

Какъ правильно указалъ относительно метода самонаблюденія

психологъ Джемсъ, "анализъ психическихъ элементовъ есть анализъ "постъ мортемъ"; въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не съ жизненными явленіями, а съ искусственными абстракціями".

При такихъ условіяхъ стало падать увлеченіе аналитическимъ методомъ самонаблюденія, и вмѣсто него всеобщее вниманіе обратилось къ "физіологической психологіи", основателями которой были Веберъ и Фехнеръ, а апостоломъ сталъ Вильгельмъ Вундтъ.

Основываясь на предпосылкѣ психофизическаго параллелизма, согласно которому психическимъ процессамъ соотвѣтствуютъ параллельные матеріальные процессы въ организмѣ, физіологическая психологія облеклась въ форму настоящей науки и вызвала къ себѣ огромный интересъ. Нужно было видѣть, съ какимъ увлеченіемъ ученики Вундта работали въ кабинетахъ экспериментальной психологіи, окруженные точнѣйшими инструментами и самопишущими приборами, вооруженные хронометрами, резонаторами Гельмгольца, вѣсами, вращающимися барабанами съ закопченной бумагой, тахиметрами. Вначалѣ изслѣдовали простѣйшія душевныя явленія — ощущенія; въ воспріятіяхъ свѣта, звука, тяжести провѣряли и расширяли законъ Вебера-Фехнера съ логарифмической зависимостью между раздраженіемъ и ощущеніемъ. Изучали время образованія той или иной психической реакціи. Отыскивали механическую связь и закономѣрность въ области ассоціацій.

А съ начала нынѣшняго вѣка и этотъ энтузіазмъ сталъ исчезать. Внутренняя цѣнность экспериментальнаго метода оказалась еще ниже цѣнности самонаблюденія. Въ самонаблюденіи участвуютъ все же сами психическіе акты, хотя и раздѣленные на наблюдаемую часть и наблюдающую; въ экспериментѣ же разсматриваются не самые процессы, а сопутствующіе имъ матеріальные факты. Судьей становится здѣсь уже не самосознаніе, а математическое измѣреніе и инструменты. Разочарованіе въ Вундтѣ началось послѣ того, какъ ради спасенія своего метода отъ матеріалистическихъ тенденцій онъ ввелъ особое понятіе объ "апперцепціи". Среди психофизіологовъ начались раздоры. Мюнстербергъ, Діенъ и другіе подвергли Вундта жестокой критикѣ, не желая вводить въ изученіе психики никакихъ новыхъ гипотетическихъ предпосылокъ. И физіологическая психологія стала увядать.

"Что такое психологія въ настоящее время? — писалъ при видѣ всей этой картины Джемсъ. — Куча сырого фактическаго матеріала, разноголосица въ мнѣніяхъ, рядъ слабыхъ попытокъ классификацій и эмпирическихъ обобщеній чисто описательнаго характера. Психологія

еще не наука, это нѣчто обѣщающее въ будущемъ стать наукой".

Увы. Первой половинѣ двадцатаго вѣка не только не удалось превратить психологію въ дѣйствительную науку, но не хватило силъ удержать ее даже на прежней высотѣ. Оба метода — и самонаблюденіе и экспериментъ отжили свое время; но на смѣну имъ не пришло ничего равносильнаго. Попытки построить стройное зданіе психологіи смѣнились сейчасъ изученіемъ отдѣльныхъ проблемъ, главнымъ образомъ въ сферѣ психопатологіи, да и то преимущественно въ психопатологіи сексуальной. Въ связи съ работами Крафтъ Эббинга, Фореля, появилось и до послѣдняго времени пользуется всеобщимъ вниманіемъ жалкое ученіе Фрейда объ ущемленныхъ аффектахъ, о "безсознательномъ, находящемся внѣ времени", о "вытѣсненныхъ воспоминаніяхъ, не претерпѣвающихъ во времени никакихъ измѣненій". Эта полупорнографическая модная теорія сначала вовлекла въ кругъ своихъ адептовъ не мало солидныхъ академическихъ ученыхъ. А затѣмъ, естественно, стала выдыхаться и, въ концѣ концовъ, приняла характеръ лѣчебнаго метода психическихъ заболѣваній, нерѣдко попадая въ руки псевдо-врачей авантюристовъ.

10.

КРИЗИСЪ СОЦІОЛОГІИ.

А какая духовная нищета наблюдается сейчасъ въ области научныхъ попытокъ представить исторію и коллективную жизнь людей какъ закономѣрность біологическую, психологическую или логическую! Изъ богатаго наслѣдія соціологіи прошлаго вѣка двадцатое столѣтіе взяло только самое нелѣпое и самое ничтожное по идеологіи — коммунизмъ съ его звѣриной классовой борьбой, или разновидности умѣреннаго соціализма съ государственно-управляемымъ хозяйствомъ. А сколько было раньше идейныхъ стремленій внести разумный смыслъ въ хаосъ историческихъ событій, въ сложную жизнь человѣчества!

Разсматривали тогда соціологію и какъ натуралистическую философію исторіи. И какъ ученіе о біологическихъ явленіяхъ высшаго порядка. И какъ психологію массъ. И какъ автономную науку со своими собственными методами изслѣдованія.

Натуралистическая соціологія расцвѣла въ связи съ ученіемъ Дарвина. Если отдѣльные виды развивались въ борьбѣ за существованіе, эволюціонируютъ въ животномъ и растительномъ мірѣ путемъ естественнаго подбора, то, по мнѣнію натуралистовъ, такой же эволюціи подвержены и человѣческіе коллективы - народы. Съ разныхъ сторонъ подошли къ этой мысли различные изслѣдователи, согласуя ее со своими собственными системами міровоззрѣнія. Натуралистически-эволюціонный характеръ движенія человѣчества въ исторіи мы находимъ у Конта, у Спенсера, у Моргана, въ наиболѣе грубой формѣ у Маркса. Спенсеръ считалъ, что прогрессъ, то-есть развитіе культурной жизни народовъ, подверженъ тому же закону дифференціаціи и интеграціи, какъ и обычная біологическая эволюція. Контъ установилъ въ исторіи человѣчества смѣну трехъ періодовъ: теологическаго, метафизическаго и позитивнаго, а Морганъ — послѣдовательность трехъ состояній: дикости, варварства, цивилизаціи.

А наряду съ этими схемами развитія общества началось увлеченіе аналогіями между соціальнымъ коллективомъ и отдѣльнымъ организмомъ.

Въ качествѣ наиболѣе выпуклыхъ сторонниковъ подобной точки зрѣнія мы встрѣчаемъ, помимо Спенсера,— Кетле, Лиліенфельда и Шеффле, изъ коихъ два послѣднихъ дошли до того, что каждому человѣческому органу отыскивали параллельный соціальный органъ. Теорія

клѣтокъ Вирхова была примѣнена къ общественнымъ единицамъ, изъ которыхъ составлялось государство; физiологическiя отправленiя соотвѣтствовали экономической и другимъ сторонамъ коллективной жизни; пролетарiатъ — это руки государства, научные работники — мозгъ...

И только селезенкѣ ни Лилiенфельдъ, ни Шеффле, ни ихъ ученики не могли найти примѣненiе въ обществѣ, такъ какъ ея предназначенiе въ ихъ время для ученыхъ было неясно.

Однако, подобная примитивная органическая теорiя не могла удержаться надолго: ей на смѣну пришла соцiологiя, какъ психологiя массъ. Здѣсь модель человѣческаго общества уже повышалась въ рангѣ: изъ организма она превращалась въ "коллективную душу". Представители этого направленiя — Тардъ, Ле Бонъ и Гиддингсъ для объясненiя общественныхъ явленiй брали въ основу какое-либо психическое качество изъ массовой психологiи: Тардъ — подражанiе, Ле Бонъ — внушенiе, Гиддингсъ — чувство стадности. Однако, хотя и подражанiе, и внушенiе и стадность очень важные психическiе факторы во многихъ соцiальныхъ случаяхъ, — но можно ли на однихъ этихъ качествахъ построить цѣликомъ зданiе научной соцiологiи?

И вотъ появилась "Автономная Соцiологiя", считающая вмѣстѣ съ Дюркгеймомъ, что у нея есть свои собственные методы, свой собственный предметъ изученiя и свои собственныя задачи. Но, когда Дюркгеймъ сталъ устанавливать методы и дѣлать "автономныя" предположенiя, оказалось, что безъ бiологiи и безъ индивидуальной психологiи дѣло у него обстоитъ такъ же плохо, какъ у Шеффле съ его руками, ногами, мозгомъ и печенью въ коллективномъ организмѣ.

Въ общемъ, всѣ попытки установленiя закономѣрности соцiально-историческихъ явленiй показали, что наше логическое мышленiе едва-ли можетъ дать что-либо кромѣ болѣе или менѣе искусственныхъ построенiй или шаткихъ умозаключенiй по аналогiи. Историческiе и соцiальные факты даже съ помощью научныхъ методовъ легко толковать "вкривь" и "вкось". Ось исторiи совершенно различна для людей несходныхъ умовъ, темпераментовъ, классовъ, нацiональностей, профессiй. Достаточно взять произвольный пунктъ въ качествѣ исходнаго и дедуктивно получить что угодно: и нелѣпое марксистское опредѣленiе исторiи, какъ борьбу классовъ; и, наоборотъ, исторiю, какъ развитiе любви къ ближнему; и исторiю, какъ постепенное выявленiе человѣческой глупости; и исторiю, какъ шествiе къ самосознанiю гегелевскаго мiрового Духа; и, наконецъ, исторiю, какъ стремленiе къ полному уничтоженiю человѣческаго рода, какъ въ безотвѣтственныхъ размышленiяхъ Толстого.

Ничто не мѣшаетъ электротехнику смотрѣть на историческое движеніе народовъ, какъ на миссію электрофицировать нашу планету. И ничто также не препятствуетъ какому-нибудь отпрыску древняго рода написать исторію своихъ предковъ въ предположеніи, что къ появленію этого знатнаго рода спеціально готовились всѣ древнія цивилизаціи сообща.

Не даромъ, при видѣ подобныхъ трактовокъ историческихъ явленій въ ихъ совокупности, Шопенгауэръ слѣдующимъ мрачнымъ образомъ опредѣлилъ міровую исторію:

"Это — преходящія сплетенія кружащагося, словно тучи въ вихрѣ, человѣческаго міра. Сплетенія, которыя часто совершенно преобразуются вслѣдствіе ничтожной случайности".

Итакъ, постепенно отцвѣли на Западѣ соціологическія теоріи, стремившіяся уложить разнообразіе коллективной жизни въ прокрустово ложе искуственныхъ схемъ. И отъ всѣхъ этихъ научныхъ попытокъ осталось только неопредѣленно-неясное понятіе прогресса, которымъ такъ дорожитъ сейчасъ наша современная мысль. Впервые это понятіе появилось въ восемнадцатомъ вѣкѣ и было формулировано Тюрго, какъ постепенное совершенствованіе культурной и соціальной жизни человѣчества. Послѣдователи Конта - позитивисты, затѣмъ дарвинисты и Спенсеръ — замѣнили прогрессъ общимъ понятіемъ эволюціи; но тѣ соціологи, которые не соглашались разсматривать прогрессъ какъ частный случай общей эволюціи органическаго и неорганическаго міра, и которые, какъ напримѣръ, нашъ Н. К. Михайловскій, придавали индивидуальной личности большую роль въ исторіи и въ общественной жизни, тѣ удержали за понятіемъ прогресса его значеніе усовершенствованія не только біологически-матеріальнаго, но интеллектуальнаго и моральнаго.

Наши современники особенно гордятся своимъ "прогрессомъ", включая въ него безъ разбора всѣ тѣ новые факты и факторы, которые создаются на пути осложняющейся общественной жизни. Говоря о прогрессѣ вообще, обычно не принимаютъ во вниманіе то, что наряду съ прогрессомъ въ одной культурной области, можетъ быть остановка развитія въ другой и регрессъ въ третьей. Современная техника, напримѣръ, безусловно находится въ періодѣ буйнаго роста, даже черезчуръ буйнаго, если принять во вниманіе ея излишній размахъ въ дѣлѣ массоваго уничтоженія людей. Между тѣмъ, отвлеченная наука, находящаяся въ услуженіи у техники, обнаруживаетъ несомнѣнные симптомы усталости и равнодушія къ тѣмъ общимъ проблемамъ, которыя раньше вызывали ея изслѣдовательскій пафосъ. Тотъ же декадансъ обнаружи-

ваетъ теперь въ частности и соціологія. Достаточно указать, что изъ всего наслѣдія прошлаго времени нашъ вѣкъ принялъ къ руководству самую низменную идеологію: историческій матеріализмъ. Практическій "успѣхъ" идей Карла Маркса, Энгельса, Каутскаго, Бебеля, Бернштейна и прочихъ вождей соціалъ-демократизма въ различныхъ его варіантахъ — приводитъ къ печальному выводу, что современное цивилизованное общество легко можетъ поступиться всѣми своими духовными цѣнностями въ угоду машинной техникѣ и животному началу матеріалистическаго благоденствія.

И среди общаго хора самоувѣренной самовлюбленной обывательской массы только изрѣдка раздаются одинокіе тревожные голоса, говорящіе объ опасности вырожденія нашей цивилизаціи. Но могутъ-ли повліять на самомнѣніе людей машинной эпохи предостереженія Гульельмо Ферреро о сходствѣ нашего времени со временемъ паденія Римской Имперіи, или мрачныя указанія Шпенглера на окостенѣніе современной культуры въ рамкахъ гибельной цивилизаціи?

Наши рядовые современники не отдаютъ себѣ отчета, — въ чемъ сущность прогресса, участниками котораго они состоятъ. А если иногда, вдругъ, почувствуютъ, то развѣ только случайно, по прихотливой игрѣ обстоятельствъ... Вотъ, напримѣръ, автору настоящихъ строкъ одно время пришлось жить въ Медонѣ, въ небольшомъ городкѣ возлѣ Парижа. И каждый разъ, когда онъ шелъ на вокзалъ Валь Флери, ему нужно было идти мимо небольшого тупика, надъ входомъ въ который городское самоуправленіе вывѣсило металлическую таблицу съ надписью:

Rue du Progrès

(Voie sans issue)

Была-ли эта философская надпись случайной? Или же муниципальный совѣтникъ, составлявшій ее, являлся сторонникомъ Ферреро и Шпенглера?

11.

БЛУЖДАНІЯ СОЦІАЛИЗМА.

Общее разочарованіе изслѣдователей коллективной человѣческой жизни въ возможности научно построить соціологію — было одной изъ причинъ того, что марксизмъ могъ ввести въ соблазнъ многихъ псевдонаучностью своего плана развитія общества и псевдоуглубленностью заимствованнаго у Гегеля діалектическаго метода.

Вѣдь сколько рецептовъ и даже попытокъ къ улучшенію соціальныхъ взаимоотношеній пережилъ нашъ европейскій міръ съ древнихъ временъ!

Причину общественныхъ бѣдъ и несчастій издавна видѣли то въ несовершенствѣ человѣческой власти, то въ неравномѣрномъ использованіи физическаго труда. И каждый историкъ-мыслитель и каждый фанатикъ реформаторъ предлагалъ свой путь къ спасенію, клеймилъ то, что казалось ему помѣхой къ коллективному достиженію блаженства.

Циники, во главѣ съ Антисфеномъ, протестовали противъ соціальныхъ недостатковъ своей эпохи и уже за двѣ тысячи съ лишнимъ лѣтъ до нашего времени требовали отмѣны брака и собственности.

Платонъ не искалъ счастья для всѣхъ людей безъ исключенія, какъ циники. Видя несовершенство афинскаго демократическаго строя, при которомъ болтуны и фразеры благоденствовали, честный Аристидъ изгонялся, а Сократъ приговаривался къ смерти, Платонъ находилъ идеальное устройство государства въ республикѣ мудрецовъ, гдѣ у власти сосредоточены были бы образованные люди, гдѣ государствомъ правила бы духовная аристократія.

Но какъ опредѣлить — кто имѣетъ право называться мудрецомъ, или духовнымъ аристократомъ?

Стоики, также какъ Платонъ, считали идеальнымъ обществомъ то, въ которомъ голосъ мудреца ведетъ за собою толпу неразумныхъ. У всѣхъ людей должны быть одинаковыя права; гражданъ должна связывать любовь, при которой исчезаютъ частные интересы, различія въ происхожденіи. Въ этомъ совершенномъ государствѣ растворится семья, индивидуальность брака и ненормальность соціальныхъ отношеній.

Всѣ эти расплывчатыя фантазіи древности были, конечно, далекими отъ "научнаго" обоснованія въ современномъ смыслѣ. Поэтическія сказанія о золотомъ вѣкѣ, прекрасная легенда объ Атлантидѣ, все это мало чѣмъ отличалось отъ мечтательности древней соціологіи.

Но недалеко отъ нихъ ушли и мечты Среднихъ вѣковъ. Августинъ въ своемъ "De civitate Dei" предлагалъ государственное устройство, при которомъ люди властвовали бы только надъ животными, но не подчиняя себѣ другъ друга. Томасъ Моръ въ "Утопіи" для счастья людей требовалъ уравненія въ пользованіи благами.

И, вотъ наконецъ, съ Адама Смита начинается нѣкоторая "научность" въ изслѣдованіи практическихъ вопросовъ общественныхъ отношеній. Экономисты, рѣшившіе путемъ анализа экономическихъ явленій направить человѣчество на истинный путь, не покладая рукъ начинаютъ изслѣдовать: что такое хозяйственныя блага, что такое субъектъ и организація хозяйства, что есть натуральное хозяйство, какъ понимать капиталъ, цѣнность, трудъ, прибыль, ренту, заработную плату...

И сколько появилось ихъ, этихъ схоластовъ новаго времени! Рикардо, Прудонъ, Марксъ, Брентано, Родбертусъ, Энгельсъ, Менгеръ, Якоби, Дитцель и прочіе и прочіе. У каждаго свое рѣшеніе, свое опредѣленіе, своя поправка къ труду, къ благу, къ принудительности, къ рынку, къ производительности, къ прибыли.

И почти всѣмъ этимъ реформаторамъ и теоретикамъ политико-экономамъ обязательно нужно во имя общаго блага прежде всего уничтоженіе права частной собственности.

Государство само должно распредѣлять блага, — учатъ соціалисты различныхъ оттѣнковъ. "Собственность — воровство", — говоритъ Прудонъ. Въ обыкновенномъ буржуазномъ государствѣ это "воровство" только поддерживается. Томасъ Моръ видитъ въ государствѣ "заговоръ богачей". "Власть существуетъ для защиты богатыхъ отъ бѣдняковъ" — утверждаетъ Адамъ Смитъ. А "Коммунистическій Манифестъ" устанавливаетъ: "Политическая власть есть организованная сила одного класса для подчиненія другого".

Получивъ отъ прошлыхъ временъ хаосъ всевозможныхъ соціологическихъ ученій, мнѣній и утопій, нашъ двадцатый вѣкъ, казалось бы долженъ былъ прійти къ полному скепсису относительно построенія наилучшей формы общественно-политической жизни. Однако, у марксизма оказалось одно огромное преимущество надъ всѣми другими утопическими домыслами, хотя бы надъ фурьеризмомъ съ его сентиментальными "фаланстерами". Марксизмъ имѣлъ реальную опору для проведенія въ жизнь своихъ идей: классъ рабочихъ и весь низшій культурный слой современнаго общества. Такой опорой, да еще достаточно организованной для дѣйствія, не обладало до сихъ поръ ни одно изъ уто-

пическихъ соціальныхъ ученій. Марксистская соціалъ-демократическая партія въ Германіи уже въ началѣ нашего вѣка играла немалую роль въ политической жизни страны. Ея программа, основанная на эволюціонномъ "созрѣваніи" капитализма для перехода въ соціализмъ, никого особенно не пугала, такъ какъ подобнаго "созрѣванія" и перехода промышленнаго капитала въ немногія руки, а затѣмъ къ государству, ждать можно было еще очень долго, если не вѣчно.

И не произойди расколъ въ самой партіи соціалъ демократовъ на меньшевиковъ и большевиковъ, цивилизованному міру не угрожала бы та опасность, которая повисла сейчасъ надъ всей нашей цивилизаціей. Если бы Россію захватили меньшевики и честно проводили свою программу, то особенной катастрофы страна не испытала бы; практически владычество меньшевиковъ выразилось бы только во всеобщемъ оскудѣніи экономики и въ огромномъ вздорожаніи жизни. Это можно утверждать изъ опыта Англіи и Франціи, гдѣ при національизаціи нѣкоторыхъ видовъ промышленности бюрократизація предпріятій съѣдаетъ огромную часть доходовъ и понижаетъ качество продуктовъ при отсутствіи конкурренціи.

А что касается раскольниковъ соціалъ-демократіи — большевиковъ, которыхъ намъ подарили россійскіе меньшевики, благоразумно удалившіеся послѣ этого щедраго дара въ капиталистическіе Соединенные Штаты Америки, — то ихъ стремительный марксизмъ, безъ всякой тѣни эволюціи и созрѣванія чужихъ капиталовъ, извѣстенъ теперь всѣмъ, кто честно хочетъ видѣть и слышать. Ихъ коммунистическій опытъ въ Россіи явное доказательство того, къ чему приводитъ насильственное примѣненіе теоріи къ жизни. Вся россійская исторія послѣднихъ десятилѣтій — сама по себѣ полное опроверженіе коммунизма. Обобществленіе средствъ производства, диктатура пролетаріата, счастье отъ уничтоженія ренты, исчезновеніе права наслѣдованія, словомъ - все то, что было объявлено Коммунистическимъ Манифестомъ, всесторонне обслѣдовано теперь русскимъ народомъ. Отобраніе отъ капиталистовъ прибавочной цѣнности труда оставило счастливыхъ рабочихъ безъ приличнаго основного вознагражденія; уничтоженіе наслѣдованія сдѣлало равнодушными не только наслѣдниковъ, но и тѣхъ, кто работаетъ на себя и на дѣтей. И не только матеріальная сторона жизни опровергаетъ теоретическія построенія коммунизма. Въ "Манифестѣ" говорилось о полномъ духовномъ преображеніи человѣческихъ массъ послѣ осуществленія коммунистической программы: "Свободное развитіе каждаго явится условіемъ свободнаго развитія всѣхъ." Освобожденное отъ капи-

тализма общество будетъ "истиннымъ царствомъ свободы", въ которое оно попадетъ черезъ соціальную революцію путемъ "прыжка изъ царства необходимости". Съ переходомъ къ коммунизму должны были исчезнуть всѣ предразсудки, въ томъ числѣ прежде всего — религіозные. Потребности въ Богѣ не будетъ, такъ какъ это понятіе возникаетъ только при экономической несправедливости въ обществѣ.

Такъ рисовалъ Марксъ духовное "преображеніе" будущаго коммунистическаго общества. И что оказалось на практикѣ? Гдѣ свободное развитіе всѣхъ и свободное развитіе каждаго? Гдѣ желанное царство свободы, ради котораго сдѣланъ прыжокъ изъ царства необходимости? Не является-ли оно территоріей тѣхъ небывалыхъ въ человѣческой исторіи концентраціонныхъ лагерей, куда изъ царства нынѣшней совѣтской необходимости перебрасываются все новые и новые милліоны жертвъ достигнутаго соціальнаго счастья?

А что касается религіозныхъ "предразсудковъ", религіознаго "обмана", дурмана и опіума, то въ этой области получается уже совершенно непонятная "неувязка". Экономической несправедливости въ совѣтскомъ обществѣ нѣтъ, потребности въ Богѣ — тоже. А предразсудки не только не исчезаютъ, а ширятся, цвѣтутъ какъ весенній садъ. И Господь Богъ никакъ не преображается въ новаго коммунистическаго человѣка, какъ это хотѣлось марксистамъ, а по-прежнему пребываетъ на небѣ въ вѣчной своей силѣ, въ вѣчной ослѣпительной славѣ, привлекая взоры, надежды и вѣру людей, изстрадавшихся отъ насильственнаго блаженства въ земномъ раю, созданномъ руками палачей животворящей свободы.

12.

АТОМИСТИЧЕСКІЙ ДЕМОКРАТИЗМЪ.

Обычно соціальныя программы и схемы, дедуктивно выводящіяся изъ произвольно взятыхъ основныхъ положеній, не выдерживаютъ практическаго испытанія жизнью. Но если общее благоденствіе не можетъ осуществиться по рецепту какого-нибудь одного мыслителя соціолога, то, можетъ быть, само культурное общество въ состояніи направить общими усиліями свою жизнь къ коллективному счастью?

Въ самомъ дѣлѣ, въ демократизмѣ какъ будто можно найти выходъ. Отдѣльные утописты заблуждаются, это вѣрно. Но самъ-то народъ во всей своей совокупности знаетъ, въ чемъ его благо. Нужно только дать ему возможность свободно высказаться, свободно оріентироваться, свободно дѣйствовать.

Что верховная воля, верховная мысль и верховное чувство народа обнаруживали не много толку въ исторіи, — это не смущаетъ, конечно, ортодоксальныхъ сторонниковъ демократизма. Не смущаетъ ихъ и то обстоятельство, что во всѣхъ историческихъ цивилизаціяхъ, какъ и въ цивилизаціи нашей, не существовало выборныхъ геніевъ, а были геніи сами приходящіе. Верховная мысль афинской демократіи не поручала Платону создать его возвышенное ученіе объ идеяхъ. Демократія вообще никогда не открывала Америки, не изобрѣтала большинствомъ голосовъ книгопечатанія и коллективно не смогла даже выдумать пороха, который былъ такъ нуженъ для сверженія феодализма. И не смотря на это, въ демократизмѣ все-же чувствуется какая-то внутренняя правда, какая-то соціально-моральная справедливость.

Хотя основные принципы современнаго демократизма появились уже со временъ реформаціи, однако полнаго развитія это соціальное міровоззрѣніе достигло въ концѣ восемнадцатаго и въ девятнадцатомъ вѣкѣ. И, при своей "научной" разработкѣ, къ сожалѣнію, подверглось сильному вліянію матеріалистическаго естествознанія. Научность требовала разсматривать общественные коллективы и группы, какъ упрощенныя модели соединенныхъ единицъ, дѣйствующихъ согласно атомистической теоріи и принципамъ математической трактовки міра. Верховная воля стала пониматься какъ центръ тяжести голосующихъ атомовъ; равенство гражданъ — какъ изоморфизмъ, какъ равенство атомнаго вѣса опредѣленныхъ химическихъ элементовъ; свобода — какъ возможность для атома самостоятельно выбрать любое направленіе въ пространствѣ.

И естественно, что свобода и равенство, какъ основы демократическаго міровоззрѣнія, подвергались тщательному изученію и истолкованію съ разныхъ сторонъ. Со временъ пуританъ уже началъ ставиться вопросъ о свободѣ, какъ о конституціонной гарантіи. И уже съ Д. Локка сколько появилось изслѣдователей этой проблемы! Пуффендорфъ, Блекстонъ, Гамильтонъ, Джефферсонъ, Прево Парадоль... и такъ далѣе, — сотни, если не тысячи именъ до нашего времени.

Наиболѣе трудной задачей въ этой области оказался, конечно, вопросъ о границахъ индивидуальной свободы. Руссо считалъ необходимымъ во имя общаго блага ограничить свободу индивидуума путемъ "общественнаго договора". Кантъ полагалъ, что въ конституціонномъ государствѣ гражданская свобода должна быть введена въ строго опредѣленныя закономъ рамки. Контъ предполагалъ въ "позитивномъ" періодѣ человѣчества такое "гармоническое объединеніе умовъ", что вопросъ объ ограниченіи личной свободы ради коллектива для него рѣшался самъ собой. Гегель считалъ необходимымъ подчинить свободу обществу; Ницше, наоборотъ, давалъ личности полную свободу. Въ крайность индивидуализма ушелъ и Левъ Толстой, для котораго личная свобода внѣ государства даетъ высшую ступень существованія — христіанское сожительство людей.

И между Гегелемъ и Ницше, между Фейербахомъ и Толстымъ — безконечное количество промежуточныхъ толкованій проблемы. Наши славянофилы, Достоевскій, В. Соловьевъ, ставившіе личность выше общества, старались примирить оба начала. Напримѣръ, Соловьевъ, возражая Толстому, указывалъ, что въ формѣ общественности исторически можно прійти къ идеалу, сочетая свое совершенствованіе съ общимъ прогрессомъ. По его толкованію, "общество есть дополненная или расширенная личность".

Точно также, какъ въ вопросѣ о гражданскихъ свободахъ, мы имѣемъ безконечное количество противорѣчивыхъ мнѣній и въ опредѣленіи понятія равенства.

Матеріалисты и примыкавшіе къ нимъ позитивисты, пытавшіеся свести человѣческія коллективы къ механистическому скопленію атомовъ, конечно стояли за полное равенство людей, независимо отъ ихъ личныхъ качествъ. По ихъ мнѣнію, какъ для распространенія свѣта не важна индивидуальность колеблющейся частицы эфира, такъ и для осуществленія чистаго демократизма не существенно, кто колеблется передъ избирательной урной: геній или идіотъ.

Разумѣется, это примитивное пониманіе равенства соціальныхъ

единицъ вызывало не мало обоснованныхъ возраженій. Напримѣръ, Бугле, написавшій о равенствѣ четыре обстоятельныхъ отдѣльныхъ труда, никакъ не могъ окончательно рѣшить: нужно ли примѣнять ко всѣмъ абсолютное равенство, или можно допускать иногда равенство "пропорціональное"? Со своей стороны знаменитый нѣмецкій юристъ и государственный дѣятель Блунчли требовалъ, чтобы для народнаго представительства глава семьи имѣлъ не одинъ голосъ, но нѣсколько, въ зависимости отъ числа членовъ семьи. Лассаръ предлагалъ дать голоса всѣмъ: не только мужчинамъ и женщинамъ, но дѣтямъ, подопечнымъ и даже сумасшедшимъ, чтобы эти голоса получали лица, ихъ представляющія.

Но, если признать, что главы различныхъ семей имѣютъ неравное число голосовъ, то не пойти ли дальше? Не принять-ли во вниманіе не только плодовитость, но умъ, опытъ, порядочность?

Въ этомъ смыслѣ представитель англійскаго либерализма философъ Джонъ Стюартъ Милль высказывался вполнѣ опредѣленно. По его мнѣнію, люди не равны въ степени своей гражданской цѣнности. Интеллигентность должна давать преимущество въ голосѣ. Нѣкоторыя професcіи могутъ предоставлять право на добавочныя голоса. А шотландецъ Лоримеръ установилъ для примѣненія подобнаго неравнаго равенства даже цѣлую систему градацій, въ зависимости отъ культурной цѣнности личности, причемъ максимальное количество голосовъ у него не должно превышать числа 25.

Однако всѣ эти варіанты такъ называемаго "плюральнаго" избирательнго права, къ сожалѣнію, остались только теоріями. Равняющаяся по средней массѣ демократія учуяла для себя въ "плюральности" большую опасность. Вѣдь, если принципъ неравенства голосовъ развивать далѣе и не ограничиваться двадцатью пятью голосами Лоримера, то не будетъ ли и самъ демократизмъ уничтоженъ? А что, если какому-нибудь генію придется отдать число голосовъ всего населенія? Будетъ-ли это демократизмъ, или диктатура?

Да и кромѣ того — какъ, въ концѣ концовъ, распредѣлять по справедливости всѣ плюральные голоса? Густавъ Флоберъ какъ то писалъ Жоржъ Зандъ, что его голосъ долженъ по крайней мѣрѣ равняться двадцати голосамъ обыкновеннаго гражданина. Ну, а сколько голосовъ нужно было дать Бальзаку? Пастеру? Шопену? Берліозу? Виктору Гюго?

А ко всей этой неразрѣшимости вопроса о политическомъ равенствѣ прошлый вѣкъ присоединилъ еще и всевозможныя сомнѣнія вообще о той самодовлѣющей цѣнности, которая приписывается демократи-

ческимъ массамъ. "Политики, — говоритъ психологъ Ле Бонъ, — не перестаютъ превозносить мудрость и добрыя чувства толпы, которыхъ толпа всегда лишена. Массы могутъ иногда проявить героизмъ, слѣпую преданность нѣкоторымъ идеямъ, но сужденіе — никогда. Толпа неспособна разсуждать, она только можетъ поддаваться разсужденіямъ. Она простовата, наивна, довѣрчива. Сознаніе же своей власти и безотвѣтственности даетъ толпѣ исключительную заносчивость и чрезмѣрную гордость".

И такихъ нелестныхъ мнѣній о человѣческомъ коллективѣ можно привести сколько угодно, и не только въ средѣ политическихъ реакціонеровъ. Шиллеръ указывалъ, что "каждый въ толпѣ можетъ быть въ отдѣльности болѣе или менѣе благоразумнымъ; но въ своей совокупности толпа составляетъ глупца." Датскій философъ Киркегоръ говорилъ, что "толпа — это противоположность истинѣ". Генри Менъ утверждалъ, что "демократія ухудшаетъ условія человѣческой жизни, такъ какъ улучшеніе всегда шло отъ выдающихся личностей и никогда — отъ демократическаго большинства." И даже Брандесъ, будучи убѣжденнымъ сторонникомъ демократіи, признавался въ своихъ разсужденіяхъ о "Великомъ человѣкѣ", что "великій человѣкъ — источникъ и начало новой цивилизаціи".

Не удивительно, что, получивъ въ наслѣдіе отъ прошлаго вѣка подточенную скепсисомъ и запутавшуюся въ противорѣчіяхъ идеологію демократизма, наше время продолжаетъ держаться за установленныя привычныя идеи свободы и равенства и примѣнять старыя нормы, но уже по инерціи, безъ всякаго пафоса. Механистическое атомистическое воззрѣніе на человѣческое общество продолжаетъ царить въ рѣшеніи соціальныхъ и политическихъ вопросовъ; не дѣлается даже попытокъ къ примѣненію "плюральнаго" избирательнаго права. Роль личности по-прежнему сведена на второй планъ, смѣнившись губительной олигархіей политическихъ партій. Какъ и во всѣхъ другихъ областяхъ современной культуры, здѣсь тоже обнаруживается неувѣренность, усталость, дегенерація духа, отсутствіе творческихъ силъ.

И вотъ откуда опасность для западнаго цивилизованнаго общества передъ звѣринымъ ликомъ необузданнаго, полнаго животной энергіи, импульсивнаго, упорнаго большевизма, стремящагося овладѣть міромъ.

11.

ФИЛОСОФІЯ.

Что же дало двадцатому вѣку все предшествующее стремленіе науки объяснить и осмыслить наше воспріятіе міра во всей его многогранности? И въ матеріальной его сущности и въ органической, и въ явленіяхъ индивидуальной психики, и въ потокѣ общественной жизни?

Появлялись теоріи, расцвѣтали, увядали; на ихъ мѣстѣ рождались и угасали другія. Гипотезы, общія схемы смѣняли другъ друга. Всѣ взлеты теоретической мысли, всѣ ухищренія логическаго анализа и эмпирическаго прикосновенія къ явленіямъ были испробованы. И, усталая, изнеможенная отъ напряженія прежнихъ временъ, дошла теоретическая наука до того, что подвергла сомнѣнію даже тѣ законы логическаго мышленія, которые ее породили.

Не избѣгла этой участи и натуръ-философія, та область человѣческаго генія, которая давала сладостный отдыхъ и успокоеніе пытливымъ умамъ, жаждавшимъ получить среди разрозненныхъ знаній о мірѣ общую гармоническую картину бытія.

Началомъ всякаго философствованія является стремленіе къ упорядоченію знанія, на какой бы ступени это знаніе ни стояло. Въ примитивной стадіи науки почти всѣ явленія еще не объяснены, и потому философствованію предоставляется полный просторъ. Недаромъ древніе греки считали побудительной причиной философскаго мышленія "удивленіе". Дѣйствительно, на низшихъ ступеняхъ культуры "удивленіе" распространяется на всѣ вопросы бытія. На высшихъ же ступеняхъ границы философіи находятся дальше, и философское удивленіе возникаетъ уже за предѣлами точной науки. Въ этомъ смыслѣ, напримѣръ, между древними іонійскими натурфилософами и новѣйшими позитивистами нѣтъ особенной принципіальной разницы. Во времена Фалеса, Анаксимена или Гераклита любая стихія могла быть взята въ качествѣ механической основы мірозданія. Вода Фалеса или воздухъ Анаксимена, сгущаясь и разрѣжаясь, создавали всѣ наблюдаемыя явленія и предметы природы. Точно такъ же всѣ гипотетическія модели и элементы современной науки сводятся къ одному гармоническому цѣлому въ позитивизмѣ.

Однако, какъ вода Фалеса или огонь Гераклита не долго продержались для объясненія міра, такъ и позитивистическая натурфилософія изсякла къ нашему времени, испытавъ рядъ сокрушительныхъ уда-

ровъ отъ той механистической науки, на которую она опиралась. Всякая переоцѣнка и ломка старыхъ понятій въ наукѣ роковымъ образомъ отражается на цѣнности позитивизма.

Вполнѣ понятно отсюда, что стремленіе нашего мышленія выходить за предѣлы научности для пріобрѣтенія цѣлостной концепціи міра гораздо больше удовлетворяетъ метафизика. Наиболѣе примитивной изъ метафизическихъ системъ является матеріализмъ; по своей внѣшней "научности" онъ близокъ къ позитивизму. Но, по существу, онъ — метафизиченъ, такъ какъ, своеобразно обожествляя матерію, сводитъ къ ней и къ движенію все многообразіе несводимыхъ другъ къ другу явленій и факторовъ: и неорганическую природу, и органическую, и область психики, и соціальную жизнь.

Однако, выросшій изъ механистической науки современный матеріализмъ получилъ отъ нея же смертельную рану. Работы Лоренца, Майкельсона, Эйнштейна, съ которыми матеріалистамъ поневолѣ приходится считаться, лишили матерію того самодовлѣющаго значенія, которое ей придавалось до сихъ поръ. Уничтоженіе матеріи съ возрастаніемъ скоростей — для матеріалистовъ ни съ чѣмъ несравнимое горе. Противоположную картину матеріализму представляютъ собою метафизическія системы, исходящія изъ объектированья психическихъ качествъ и обобщенія их до "первоосновы", до субстанціи міра. У Лейбница и Гербарта въ основу кладется интеллектъ; у Шопенгауэра и Вундта — воля. Во всѣхъ подобныхъ ученіяхъ философствованіе идетъ по двумъ путямъ завершенія крайностей: или безконечно малаго или безконечно большого. Лейбницъ и Гербартъ пользуются понятіемъ безконечно-малаго и создаютъ интеллектуальный атомизмъ въ монадахъ и въ "элементахъ представленій". Гегель въ созданіи своего мірового Духа, наоборотъ, исходитъ изъ крайности безконечно большого. Что же касается волюнтаристовъ Шопенгауэра и Вундта, то здѣсь понятіе воли берется въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ: воля Шопенгауэра заполняетъ міръ въ качествѣ неопредѣленно большого, воля же Вундта разбивается на волевые атомы, приводя къ волюнтаристической монадологіи.

Къ какимъ же итогамъ пришелъ девятнадцатый вѣкъ въ области натурфилософіи и въ многообразіи метафизическихъ системъ?

Позитивизмъ Конта нѣкоторое время пользовался большимъ успѣхомъ изъ-за своего отрицанія всякой метафизики; но не будучи въ силахъ объяснить предѣльные вопросы бытія выродился въ агностицизмъ Спенсера, или слился съ матеріализмомъ. Матеріализмъ достигъ апогея въ работахъ Фейербаха, Фогта, Молешотта, Бюхнера. Однако увлеченіе

и имъ постепенно стало тускнѣть, особенно изъ-за примитивности его толкованія области душевныхъ явленій. Только философски-нетребовательные марксисты оставались вѣрны ему, да и то главнымъ образомъ ради историческаго матеріализма, объяснявшаго эволюцію человѣческаго общества факторомъ звѣриной борьбы.

Что же касается философскихъ системъ съ метафизическимъ уклономъ въ сторону примата духа надъ матеріей, то здѣсь наибольшее вниманіе привлекло къ себѣ гегельянство. Гегель на время затмилъ своимъ ученіемъ даже позитивизмъ и матеріализмъ. Его универсальный "абсолютный Разумъ", опредѣляющій собою какъ законы космическіе, такъ и законы развитія человѣческаго общества, покорилъ европейскую мысль. Не только на Западѣ, но и въ Россіи, на гегельянствѣ воспитывалось цѣлое поколѣніе мыслителей: на немъ выросли у насъ и "западники" и "славянофилы"; подъ его вліяніемъ были не только Станкевичъ, Бѣлинскій и Герценъ, но Хомяковъ, Кирѣевскій, Самаринъ.

Однако, и этотъ подъемъ въ увлеченіи философскимъ мышленіемъ не продолжался долго, въ силу распада гегельянцевъ на "правую" школу и "лѣвую". Правая осталась на позиціи поддержки христіанскаго теизма, крайне-же лѣвая черезъ Штрауса и Фейербаха докатилась до Маркса и Лассаля, особенно въ соціально-политическихъ вопросахъ. Интересъ къ Гегелю сталъ исчезать, подобно тому какъ и увлеченіе Шеллингомъ съ его философіей природы и "міровой душой".

А наряду съ этими метафизическими ученіями о міровомъ Духѣ, о міровой Душѣ, о міровой Волѣ Шопенгауэра, о Матеріи, какъ единственной субстанціи бытія, — до конца вѣка величаво возвышалась гносеологическая система Канта, подпиравшаяся и обновлявшаяся поправками неокантіанцевъ. Такъ какъ основнымъ предметомъ изученія у Канта было наше познаніе съ его границами и правомочіями, то кантіанство не захватывало и не увлекало широкія массы культурнаго общества, какъ гегельянство, шеллингіанство, позитивизмъ или матеріализмъ.. Но въ ряду всѣхъ другихъ философскихъ исканій ученіе Канта было самымъ заманчивымъ.

Осудивъ раціонализмъ, типа Декарта или Спинозы, за его незаконный переходъ за границы логическаго познанія, или эмпиризмъ, типа Локка или Юма, за отказъ отъ общеобязательности закона причинности и другихъ апріорныхъ способностей нашего сужденія, Кантъ установилъ строгіе предѣлы, внѣ которыхъ умъ безплодно блуждаетъ въ безпочвенныхъ метафизическихъ ухищреніяхъ.

Казалось бы, Канту удалось преодолѣть недостатки и раціона-

лизма и эмпиризма созданіемъ своего критицизма. Вмѣсто врожденныхъ идей раціоналистовъ мы находимъ у него общеобязательныя формы чувственнаго познанія и категоріи разсудка, налагаемыя на всякій матеріалъ опыта. Вмѣсто утвержденій эмпиризма о преимущественномъ значеніи ощущеній — мы видимъ феноменализмъ, согласно которому ощущенія сами по себѣ не имѣютъ познавательной цѣны безъ включенія въ пространственно-временную форму и въ распорядокъ категорій разсудка. Вещь въ себѣ, по Канту, непознаваема; но ея аффицированіе, дѣйствіе на насъ, порождаетъ явленія, въ предѣлахъ которыхъ мы и получаемъ знаніе.

Но, какъ ни грандіозно ученіе, построенное Кантомъ, однако и оно не избѣгло заколдованнаго круга противорѣчій. Вѣдь если о вещи въ себѣ невозможны никакія сужденія разсудка, то тѣмъ самымъ невозможны и утвержденія о томъ, что вещь въ себѣ есть дѣйствующая причина въ нашемъ чувственномъ опытѣ. Далѣе, въ "Трансцендентальной діалектикѣ" Кантъ самъ оперируетъ при помощи разсудка съ запретными крайними понятіями - идеями души, безконечнаго міра и Божества.

И, въ концѣ концовъ, плотина воздвигнутая Кантомъ между разсудкомъ и разумомъ, между познавательно-чувственнымъ и непознаваемо - сверхчувственнымъ, оказалась излишней. Практически, какъ показали системы Фихте, Гегеля, Шеллинга, Шопенгауэра, Гартмана, — метафизическія стремленія нашего разума не могутъ быть остановлены никакимъ кантіанствомъ. Граница полномочій разсудка оказалась ненужной, такъ какъ идеи разума — уже не область знанія, а область познанія.

14.

ВЫРОЖДЕНІЕ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ.

Западная философія въ началѣ нынѣшняго вѣка быстро шла къ своему закату. Выдыхалось кантіанство, запутавшись въ вещи въ себѣ, не преодолѣвъ метафизики. Въ Германіи Марбургская школа своей гносеологіей пыталась своеобразно сочетать гегельянство съ платонизмомъ, идею развитія съ неподвижнымъ міромъ идей — общихъ понятій. Вильгельмъ Вундтъ старался примирить натуръ - философскій позитивизмъ съ метафизикой установленіемъ волюнтаристической монадологіи. Во Франціи Бергсонъ привлекалъ еще вниманіе своей новой теоріей эволюціи, основанной не на дарвиновскомъ слѣпомъ случаѣ, а на жизненномъ порывѣ и на свободѣ. Но общая масса европейскаго культурнаго общества, уставъ отъ игры отвлеченнаго мышленія и отъ противорѣчій всевозможныхъ міровоззрѣній, погружалась въ наивный поверхностный позитивизмъ и въ матеріализмъ, благосклонно прислушиваясь къ истерическимъ философскимъ выкрикамъ Ницше.

Только въ Россіи, до самаго наступленія революціи, еще горѣла любовь къ крайнимъ вопросамъ бытія, особенно въ области религіозно-нравственной. Владиміръ Соловьевъ вызывалъ вниманіе къ себѣ той философской опорой, которую давалъ общей идеологіи христіанства и ученію Церкви. Н. Лосскій, С. Франкъ, С. Булгаковъ, И. Ильинъ въ разныхъ варіантахъ защищали высшія цѣнности духа. Примыкалъ къ нимъ и неистовый философъ-любитель Левъ Толстой, темпераментный но сумбурный искатель правды, грубый въ своихъ тривіальныхъ отрицаніяхъ внѣшнихъ формъ Церкви и общественной жизни, опредѣленно-настойчивый въ своихъ неопредѣленныхъ утвержденіяхъ.

Но, къ сожалѣнію, вся эта идеалистическая по духу философская мысль не имѣла значительнаго отклика въ широкихъ слояхъ русской интеллигенціи и особенно — молодежи. Гораздо больше увлекалась молодежь ницшеанствомъ, "безпочвенностью" досужаго философа Льва Шестова, и матеріализмомъ марксизма; Толстого же боготворила не за его проповѣдь христіанства, а за анархизмъ, за народничество и за борьбу съ государственной властью.

Пришедшая затѣмъ революція начисто смела у насъ всѣ идеалистическія исканія правды. Употребила молотъ рабочаго на забиваніе гвоздей въ крышку гроба свободнаго Духа; использовала серпъ земледѣльца на уничтоженіе всходовъ творческой мысли.

Матеріализмъ былъ объявленъ единственнымъ дозволеннымъ пониманіемъ міра.

Сгустился мракъ надъ Востокомъ. Угасло дыханіе разума. Но что обнаружилось въ это время на культурныхъ просторахъ свободнаго Запада, гдѣ Духъ дышетъ какъ хочетъ? Никѣмъ не попираемая, никѣмъ не гонимая, философская мысль здѣсь сама оскудѣла, сама лишила себя живого источника, проявивъ полное равнодушіе къ высшимъ интеллектуальнымъ и моральнымъ цѣнностямъ.

Утомившись противорѣчіями теоретической мысли: шаткостью всякой натурфилософіи, основанной на мѣняющихся воззрѣніяхъ науки; ухищреніями метафизики, съ ея діалектикой въ міровомъ масштабѣ у Гегеля, съ "я" и "не-я" Фихте, съ "міровой Душой" Шеллинга, съ Волей Шопенгауэра, съ "Безсознательнымъ" Гартмана; почувствовавъ непрочность всякаго логическаго метода въ теоріяхъ познанія, гдѣ мысль сама себя судитъ и одни части своего логическаго инвентаря осуждаетъ, а другимъ частямъ приписываетъ истинность, — разочаровавшись во всемъ этомъ, Западъ нашего времени утерялъ философскій порывъ, интеллектуальный энтузіазмъ и погрузился въ самое худшее, что можетъ дать подобное разочарованіе: въ отрицаніе всего того высшаго, что составляло до сихъ поръ гордость цивилизованнаго самосознанія.

Появился на смѣну всему величавому старому — ничтожный позорный экзистенціализмъ, нѣчто подобное міровоззрѣнію, но не міровоззрѣніе; нѣчто въ родѣ системы взглядовъ, но безсистемное; нѣчто сходное съ ученіемъ, но недостойное называться ученіемъ, такъ какъ нѣтъ въ немъ учителей, а есть вожаки, нѣтъ учениковъ, а есть сочувствующая толпа. И нѣтъ въ немъ даже руководящей идеи, а есть только однородное для всѣхъ животное самоощущеніе, повышенное констатированіе значенія своего "я".

А изъ философіи прошлаго вѣка экзистенціалисты взяли самое жалкое по морали и самое неглубокое по мысли, что дала эта эпоха: эгоцентрическую безпринципность датскаго полуфилософа - полуэстета Киркегора, кое-что изъ апологіи эгоизма Макса Штирнера и трескучую парадоксальность Фридриха Ницше.

Киркегоръ, вдохновлявшій Ибсена на созданіе ходульныхъ типовъ, въ родѣ Бранда или Строителя Сольнеса, такъ же какъ Ибсенъ боролся съ обществомъ во имя свободной личности; но эта борьба за свободную личность перешла у него въ эготизмъ, въ обожаніе самого себя. Борясь съ оффиціальнымъ, или какъ онъ говорилъ, съ "филистерскимъ" христіанствомъ, онъ сначала проповѣдывалъ "индивидуаль-

ное" благочестіе; но затѣмъ, придавая индивидуальности все большее значеніе, дошелъ до культа своеволія, безпощадности, оправданія грѣха и атеизма. Этотъ-то второразрядный писатель съ небольшимъ талантомъ, но съ огромной амбиціей, и считается офиціально основоположникомъ экзистенціализма.

Однако, фактически Ницше оказалъ на современныхъ экзистенціалистовъ, въ родѣ Сартра, не меньшее вліяніе, чѣмъ Киркегоръ. Для нынѣшняго поколѣнія, выросшаго среди волнъ безбожнаго коммунизма и наглаго расизма, подъ грохотъ воздушныхъ атакъ и разрушенія городовъ, среди звѣринаго приспособленія въ голодные годы войны; воспитаннаго на идеяхъ нюренбергскаго процесса, на общеніи съ совѣтскимъ тоталитаризмомъ, на детективныхъ романахъ, на полицейскихъ фильмахъ, на порнографической литературѣ, — для этого жуткаго поколѣнія буйная проповѣдь безпринципности и моральнаго нигилизма явилась вполнѣ подходящей духовной пищей, утоляющимъ идейную жажду нектаромъ. Этимъ любителямъ экзистенціализма, не имѣющимъ ни достаточнаго времени, ни достаточнаго образованія, ни достаточнаго таланта для тщательнаго изученія и углубленія въ область философскихъ идей, безотвѣтственная афористическая форма высказыванія Ницше подошла въ высшей степени. Здѣсь они нашли для себя заманчивые призывы къ моральному пребыванію "по ту сторону добра и зла"; къ объявленію "смерти Богу"; къ созданію изъ своей исключительной личности "юберменша", къ отрицанію всякихъ авторитетовъ; къ убѣжденности въ томъ, что для проявленія истинной свободы не должно быть никакихъ предѣловъ, что все дозволено, что все возможно.

Для экзистенціалистовъ, какъ и для Ницше, дурно все, что вытекаетъ изъ слабости; хорошо то, что увеличиваетъ мощь. Христіанство — величайшее зло, такъ какъ проповѣдуетъ равенство, любовь и состраданіе къ слабымъ. Неограниченный индивидуализмъ, безкрайное осуществленіе личной свободы — вотъ главныя вѣхи экзистенціальнаго отношенія къ міру.

А всякое теоретическое знаніе и философское мышленіе — условно и не даетъ истиннаго познанія. Отъ понятія къ сущности вещей нѣтъ дороги. Никакой умозрительной философской системы построить нельзя. Реальная философія состоитъ только въ констатированіи фактовъ, въ сознаніи и утвержденіи своихъ ощущеній.

Такъ дошла до низинъ паденія европейская философія къ серединѣ настоящаго вѣка. На востокѣ — насильственный оцѣпенѣвшій

матеріализмъ, пресѣкающій всѣ зарождающіяся теченія свободнаго мышленія. На западѣ — добровольный моральный интеллектуальный и религіозный нигилизмъ...

И всѣ грандіозныя былыя попытки философіи проникнуть въ сокровенную тайну бытія, прикоснуться познаніемъ къ кантовской запретной "вещи въ себѣ и для себя", смѣнились въ наше технически-машинное время низменнымъ обоготвореніемъ реально-доступной "вещи для насъ".

15.

ХАРАКТЕРЪ СОВРЕМЕННАГО СКЕПСИСА.

Разумѣется, по декаденсу эйнштейнизма или по экзистенціализму Сартра нельзя судить о томъ, что современная наука и современная философія являютъ собой полную картину безнадежности. Большихъ выдающихся ученыхъ въ научныхъ дисциплинахъ встрѣчаемъ мы и въ наше смутное время. Философская мысль продолжаетъ достойно работать въ замкнутыхъ академическихъ кругахъ. Но все это не доходитъ до широкихъ массъ современнаго культурнаго общества. Со временъ прошлаго вѣка исчезла та общественная элита, которая чутко откликалась на прогрессъ теоретической научной и философской мысли.

Происшедшая соціальная перестройка, поднявшая вверхъ низшіе демократическіе слои, значительно ослабила интересъ общества ко всему отвлеченному, не имѣющему практически-реальнаго отношенія къ жизни. Здравый смыслъ, опирающійся на наивный реализмъ, утверждающій неопровержимость единственно истиннаго, конкретно ощущаемаго міра, сталъ все болѣе и болѣе увеличивать равнодушіе культурныхъ массъ къ ухищреніямъ отвлеченной науки, къ оторваннымъ отъ жизни построеніямъ философской мысли.

И главную роль въ подобномъ процессѣ сыграла техника. Это единственное достиженіе человѣческой мысли, которое всегда побѣдоносно идетъ впередъ, не испытывая колебаній и уклоненій, не несетъ въ себѣ противорѣчія идей, не разрушаетъ своихъ основъ, чтобы замѣнить ихъ другими, не вызываетъ горячихъ дискуссій и споровъ. Все новое, что создаетъ техника, не противорѣчитъ старому, но его только дополняетъ, привлекая въ кругъ своихъ завоеваній новыя плодотворныя области.

И что по сравненію съ нею для культурнаго обывателя всѣ другія построенія мысли, всѣ эти метагеометрическія пониманія пространства, всѣ эти теоріи эволюціи, всѣ эти споры о самопроизвольномъ зарожденіи, всѣ методы самонаблюденія или эксперимента надъ гипотетической человѣческой душой?

Изъ всего того, чѣмъ обладаетъ теоретическая наука, единственно неоспоримыми всегда остаются только тѣ дары, которые она приноситъ техникѣ. Научныя теоріи могутъ смѣнять другъ друга, замѣняться противоположными; но телескопы, микроскопы, спектроскопы, микрометры, манометры, микрофоны, вольтаметры — остаются незыблемыми.

И — существуетъ-ли на самомъ дѣлѣ міровой эфиръ, или нѣтъ, это гадательно. Но что существуетъ эфиръ, весьма полезный для медицины, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія.

Конечно, скепсисъ по отношенію къ идеямъ отвлеченнаго мышленія въ наше время обязанъ своимъ происхожденіемъ не только преклоненію передъ успѣхами техники, но и общему опрощенію мысли въ этотъ практическій вѣкъ. Вспышки скептицизма, какъ извѣстно, бывали въ исторіи европейской культуры и въ древности и въ началѣ новыхъ вѣковъ. О своемъ разочарованіи въ способносяхъ разума еще до нашей эры говорили скептики, въ лицѣ Пиррона, Карнеада и Секста Эмпирика; они "ничего не утверждали, не утверждали даже того, что ничего не утверждаютъ". Пирронъ въ силу этого звалъ къ "атараксіи", къ невозмутимости, къ полному равнодушію ко всякому знанію. Много столѣтій спустя, Монтэнь возстановилъ этотъ скептицизмъ стоически-эпикурейскаго типа, задавая себѣ безнадежный вопросъ: "Что я знаю?" Еще много времени послѣ него къ скептицизму пришелъ и великій философъ Юмъ, сводившій принципъ причинности къ простой привычкѣ при повтореніи одинаковыхъ случаевъ и отрицавшій возможность какъ либо доказывать существованіе Бога и безсмертіе души. По отношенію къ способностямъ разума былъ скептикомъ также и Кантъ.

Но всѣ эти формы скептицизма были проявленіями скепсиса интеллектуальнаго, въ томъ или иномъ видѣ были философскими теоріями и даже ученіями. Скепсисъ же нашего времени глубже и безнадежнѣе, такъ какъ носитъ характеръ не интеллектуальный, а обще-психологическій. Скептически-равнодушной ко всѣмъ крайнимъ вопросамъ науки и философіи сдѣлалась вообще вся психика современнаго человѣка: и мало образованнаго и даже вполнѣ образованнаго.

Міръ для современнаго человѣка, воспитаннаго на конкретныхъ

завоеваніяхъ техники, не загадка, а нѣчто понятное, естественное, хотя подчасъ и утомительно-сложное. Не имѣя передышки въ торопливомъ устройствѣ личной или общественной жизни, нашъ обыватель никогда не задается вопросомъ, глядя по сторонамъ: — откуда все это? Онъ не скажетъ съ изумленіемъ: — какъ я сюда, на эту землю, попалъ? Вѣдь ему отлично знакомъ и городъ, и улица и номеръ дома, въ которомъ онъ благополучно существуетъ при наличіи центральнаго отопленія и электрическаго освѣщенія.

И къ научному толкованію міра, если онъ ознакомится съ нимъ, отнесется современный обыватель вполнѣ равнодушно, какъ къ прихотливой игрѣ мыслей. Для теоретической науки нѣтъ ни запаховъ, ни звуковъ, ни цвѣта, ни свѣта; есть только единообразная матерія, есть движеніе частицъ... Но какъ вѣрить этому, если жарящійся на сковородѣ эскалопъ издаетъ реально-апетитный запахъ, если вино въ стаканѣ темно-краснаго цвѣта, если ревущій въ радіоаппаратѣ джазъ состоитъ изъ чарующихъ раздирающихъ звуковъ?

И, если нѣтъ у такого влюбленнаго въ свою земную "экзистенціальность" обывателя внутренняго довѣрія къ научному истолкованію міра, то тѣмъ болѣе равнодушія въ немъ ко всякимъ философскимъ концепціямъ. Тутъ, въ философіи, помимо міра реальнаго воспріятія, съ его свѣтомъ и звуками, и помимо міра научнаго, съ движеніемъ матеріи, — появляется третья картина всего окружающаго, притомъ — въ различныхъ варіантахъ, сообразно съ даннымъ философскимъ ученіемъ: если система имѣетъ монадологическій характеръ, какъ у Лейбница, Гербарта или Вундта, то матеріальные атомы нужно мыслить не безжизненными, какъ объ этомъ учитъ наука, а одухотворенной субстанціей — или интеллектуальной, какъ у Лейбница и Гербарта, или волевой, какъ у Вундта. Если же философская система имѣетъ характеръ не монадологическій, а, напр., иллюзіонистскій, какъ у Беркли или у Шопенгауэра, то картины одновременныхъ трехъ міровъ — реальнаго, научнаго и философскаго — еще болѣе противорѣчатъ другъ другу. Съ одной стороны — ясно ощутимыя звуковыя и свѣтовыя впечатлѣнія; съ другой стороны — движеніе атомовъ. И съ третьей — полная иллюзорность того и другого.

Какое же довѣріе, съ точки зрѣнія современнаго здраваго смысла, можно при такой противорѣчивости оказать философіи? И даже выводамъ научно-теоретической мысли? Кто правъ во всемъ этомъ хорѣ различныхъ утвержденій? Дарвинъ или Бергсонъ? Евклидъ или Лобачевскій и Риманъ? Кто ближе къ истинѣ: Контъ или Кантъ? Гегель или

Шеллингъ? Если у Канта вещь въ себѣ непознаваема, а у Гегеля она познаваема въ видѣ мірового Духа, у Шеллинга въ видѣ міровой Души, у Шопенгауэра въ видѣ Воли, у Гартманна въ видѣ Безсознательнаго, — то не проще-ли предположить, что философскія субстанціи вообще очень спорны и представляютъ простую игру умозрѣнія?

И удивительно-ли, что всѣ эти безполезныя ухищренія разума теряютъ интересъ и стушевываются передъ той практической дѣятельностью человѣческой мысли, которая направлена на развитіе благодѣтельной техники? Здѣсь все опредѣленно и ясно, нѣтъ разныхъ картинъ міра: остается одна — исконная, основная реальность обывательскаго существованія, въ предѣлахъ которой побѣдно шествуетъ техника и которую преобразуетъ согласно съ человѣческой волей, стремящейся къ завоеванію жизненныхъ благъ.

"Удивленіе" передъ тайнами міра, уже съ древности увлекавшее людей въ область теоретической мысли, сейчасъ изсякаетъ. И смѣняется удивленіемъ передъ чудесами практическаго ума, неограниченнаго въ своихъ изобрѣтеніяхъ.

16.

ПАДЕНІЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Грустную картину въ современной культурѣ представляетъ область угасающей отвлеченной мысли. Рѣдко въ комъ вызываетъ къ себѣ интересъ безполезное пареніе въ философскихъ эмпиреяхъ. Гораздо чаще обращаются взоры къ небу для наблюденія за пареніемъ геликоптеровъ, за дерзновеннымъ ростомъ строющихся небоскребовъ, за гигантскими трубами доменныхъ печей.

Но не болѣе радостно зрѣлище, представляемое сейчасъ другой великой областью духовной культуры — художествнным творчествомъ. Въ литературѣ, въ музыкѣ, въ зодчествѣ, въ живописи.

Девятнадцатый вѣкъ былъ поистинѣ золотымъ вѣкомъ литературы. Какое богатство талантовъ, какой порывъ вдохновенія, какой взлетъ крылатой фантазіи!

И какія неумирающія имена: Гете, Шиллеръ, Байронъ, Вальтеръ Скоттъ, Диккенсъ, Гюго, Ламартинъ, Готье, Флоберъ, Бальзакъ, наши Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Тургеневъ, Достоевскій, Толстой... И сколько другихъ, украшавшихъ эту эпоху!

Вырвавшись изъ тѣсныхъ рамокъ ложнаго классицизма и отбросивъ приторность сентиментализма, европейская литература въ серединѣ вѣка достигла въ романтизмѣ полнаго расцвѣта всѣхъ своихъ силъ. Оставивъ позади подражаніе формальнымъ условіямъ классиковъ, нарочитую любовь къ природѣ и къ человѣку сентименталистовъ, романтизмъ создалъ въ своихъ твореніяхъ высокіе образы, вызвалъ очищающую радость при изображеніи нелегкой побѣды добра надъ зломъ, проявилъ стремленіе ко всему значительному, подчасъ грандіозному, высказалъ неудовлетворенность обыденной жизнью.

Среди всѣхъ представителей этого теченія — Шлегелей, Тика, Байрона, Вальтеръ Скотта, Шатобріана, нашего Жуковскаго — Викторъ Гюго былъ главной центральной фигурой. Художникъ-проповѣдникъ безъ проповѣдей, великій учитель безъ поученій. Человѣкъ неисчерпаемаго вдохновенія, носитель неизсякаемыхъ жизненныхъ силъ, онъ поднялъ литературное творчество до исключительныхъ эстетически-моральныхъ высотъ.

Послѣдовавшій послѣ романтизма литературный реализмъ перешелъ къ художественному изображенію жизни уже въ болѣе естественныхъ, неприкрашенныхъ ея проявленіяхъ. Уже Бальзакъ, а затѣмъ и Флоберъ, не брезговали "сѣрой дѣйствительностью". Толстой, въ предѣлахъ реалистической трактовки своихъ темъ, достигъ высочайшаго совершенства. Но уже съ переходомъ реализма въ натурализмъ, какъ у Зола въ его "экпериментальныхъ романахъ", начинается сниженіе литературы. Излишнее нагроможденіе внѣшнихъ признаковъ, чрезмѣрное детализированіе фона картинъ, фотографированіе подробностей, — все это говоритъ объ изсяканіи художественнаго вымысла, о переходѣ искус ства въ ремесленность. А затѣмъ, послѣ натурализма, начинается окончательное паденіе. Нарочитость и предвзятость въ трактовкѣ и въ выборѣ темъ; отрицаніе тѣхъ высшихъ цѣнностей, въ которыхъ сама духовная культура имѣетъ истоки.

Нарождается модернизмъ.

Модернизмъ — это бунтъ противъ "регламентаціи", противъ "мѣщанской" морали, противъ всякихъ условностей. Это — основа "новой поэзіи".

Какъ въ квази-художественной беллетристикѣ, посвященной рѣшенію соціальныхъ проблемъ въ соціалистическомъ духѣ, въ родѣ "Что дѣлать?" Чернышевскаго,— такъ и въ произведеніяхъ модернистовъ появляется своего рода тенденціозность, одностороннее освѣщеніе жизненныхъ положеній и типовъ, неприкрытое навязываніе читате-

лю предвзятыхъ идей.

Ученикъ "эгоцентриста" Киркегора — Ибсенъ въ своихъ пьесахъ началъ проводить идею выдающейся личности. Согласно поучительнымъ дѣйствіямъ и монологамъ его героевъ, главное назначеніе такой сильной личности — стать выше предразсудковъ окружающаго общества, хотя бы эти предразсудки и основывались на здравомъ разсудкѣ. Но нужно отдать справедливость Ибсену: всѣ его Бранды, Боркманы, Стокманы, Сольнесы,— пока еще только маленькіе будущіе Заратустры Ницше. Они не достигаютъ безграничнаго своеволія своего "я" и держатся въ пріемлемыхъ рамкахъ морали. О переходѣ же "по-ту сторону добра и зла" и о проповѣди полнаго презрѣнія къ нравственности стали заботиться уже модернисты послѣдующаго поколѣнія.

Вообще, модернизмъ въ первой своей стадіи расшатывалъ не столько довѣріе къ устоямъ морали, сколько вѣру въ силу и достоинство интеллекта.

Теоретикъ и поэтъ модернизма Метерлинкъ разочарованъ въ разумномъ постиженіи реальнаго міра; онъ считаетъ, что разумъ не можетъ раскрыть смыслъ и тайны существованія, и потому ищетъ выхода въ символизмѣ и въ мистицизмѣ. По его мнѣнію, поэзія должна оставить реальный міръ, міръ логики, и ввести человѣка въ высшую область, гдѣ можно услышать "шопотъ боговъ".

Точно такое же недовѣріе къ уму выказываетъ и эстетъ - модернистъ Оскаръ Уайльдъ, не признающій выводовъ "мѣщанской" науки. Онъ порицаетъ литературный реализмъ, выросшій на основахъ положительнаго научнаго знанія. "У реалистовъ есть только одинъ небольшой уголокъ мірозданія, въ которомъ они копаются какъ ученые со своимъ микроскопомъ". Реальный міръ вообще не важенъ: чтобы быть цѣннымъ, онъ долженъ быть преображенъ творческой фантазіей поэта.

Такимъ образомъ у Уайльда ложный вымыселъ гораздо выше жизненной правды. Только ложь возводитъ человѣка на высоту истиннаго познанія. И эта уайльдовская ложь находитъ родственный откликъ у другого модерниста — Кнута Гамсуна, объявившаго истиннымъ факторомъ проникновенія въ сущность міра и жизни — "безуміе". Безуміе въ "Мистеріяхъ" Гамсуна освобождаетъ человѣка отъ оковъ мѣщанства и дѣлаетъ его совершенно свободнымъ.

Не трудно понять, куда долженъ былъ пойти модернизмъ въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи послѣ такой яростной атаки на "мѣщанство" и послѣ такой упорной защиты свободы человѣческой личности. Сверхчеловѣкъ Ницше и Ибсена, ложь Уайльда и безуміе Гамсуна дол-

жны были принести свои плоды. И эти плоды мы видимъ у Шницлера, у Октава Мирбо, у Пшибышевскаго.

Борьба съ мѣщанствомъ и неограниченная свобода Шницлера приводятъ къ любованію и возвеличенію чувственной природы человѣка. Для людей, освобожденныхъ отъ всякихъ условностей, вся жизнь — только игра. И правда и ложь сплетаются вмѣстѣ. Наслажденіе — главная цѣль "Анатоля". Въ смѣнѣ такихъ ощущеній — высочайшее, глубочайшее откровеніе...

Октабъ Мирбо идетъ еще дальше въ любовномъ созерцаніи порочныхъ сторонъ нашей природы. Преступленіе притягиваетъ къ себѣ "индивидуалиста", даетъ широкое поле дѣйствія гордой личности, завоевавшей свободу. Индивидуалисты становятся здѣсь какъ бы жрецами утонченнаго разврата, опьяненія, садизма. Создавая свои мрачные типы, Мирбо пытается принять позу обличителя нравовъ, созданныхъ недостатками современнаго буржуазнаго общеcва. Но этотъ протестъ противъ общества у него болѣе искрененъ, чѣмъ осужденіе своихъ героевъ - преступниковъ. Къ этимъ сильнымъ личностямъ онъ совсѣмъ благосклоненъ. Да и какъ же иначе, если, по его мнѣнію, "церковь, правительства, науки, печать, искусство — все это только разные виды спекуляціи"?

Точно такъ же разсматриваетъ культурныя духовныя цѣнности и Пшибышевскій, для котораго сладострастіе, садизмъ и извращенія являются естественными свойствами освобожденной души. По его мнѣнію, Злой Богъ далъ намъ все лучшее земное до Христа; онъ велъ насъ по вѣрному пути инстинктовъ, жизненной радости, опьяненія. Добрый же Богъ — Христосъ все это возненавидѣлъ и остановилъ развитіе человѣческой личности. Что же касается науки, то она не имѣетъ никакой цѣнности. Ея мозгъ — для "плебеевъ". На всѣ вопросы можетъ отвѣтить только душа, которая есть "голая индивидуальность".

Такимъ образомъ, послѣ исчезновенія романтизма и упадка реализма, вотъ передъ какими литературными богатствами оказался лицомъ къ лицу нашъ гордый и великій двадцатый вѣкъ. Хотя ознакомленіе съ классиками, романтиками и реалистами продолжалось своимъ чередомъ, однако вастителями думъ оказались они — модернисты. Своимъ раскрѣпощеніемъ личности отъ моральныхъ условностей при помощи порока, опьяненія и сладострастья вызвали они въ обществѣ интересъ къ полицейскимъ, авантюрнымъ романамъ и къ порнорграфической литературѣ, достигшей своего завершенія въ нынѣшнемъ нигилистическомъ экзистенціализмѣ. Проповѣдью творческой лжи и безумія

довели символизмъ до загадочныхъ формъ изложенія, до превращенія своихъ произведеній въ шарады и ребусы, и докатились, наконецъ, до футуризма, превратившаго литературный языкъ въ мычаніе, ржаніе и хрюканье.

Конечно, параллельно съ этимъ продолжала существовать и достойная литература, продолжавшая традиціи прежняго времени. Но былой творческій пафосъ исчезъ, усталость охватила область художественнаго слова и вымысла. Романъ на вѣчныя темы для современнаго общества сталъ прѣснымъ, ненужнымъ. Чтобы получить одобреніе публики, онъ долженъ удовлетворять не чувство прекраснаго, а любопытство. Историческіе сюжеты, романсированныя біографіи, исключительныя положенія героевъ въ экзотикескихъ странахъ, въ снѣгахъ дальняго сѣвера...

А въ Россіи съ начала столѣтія настоящій художественный романъ исчезъ, разбившись на блестящіе осколки разсказовъ Чехова, Горькаго, Бунина. Затѣмъ, при грохотѣ революціи вождь футуризма Маяковскій побѣдоносно въѣхалъ въ Москву, сидя задомъ напередъ на бѣломъ конѣ. И величайшая россійская литература окончилась на русской землѣ, превратившись въ одну изъ отраслей совѣтской тяжелой промышленности.

17.

ОТЪ ЭВФОНІИ КЪ КАКОФОНІИ.

А вотъ область музыкальнаго творчества... Прежде и теперь. Чтобы вполнѣ оцѣнить тѣ высоты, какихъ достигла музыка около середины прошлаго вѣка, очень полезно нынѣшнему культурному человѣку въ программѣ радіопередачъ выбрать "фестиваль" современныхъ композиторовъ, сѣсть поудобнѣе въ кресло, открыть аппаратъ и начать слушать хотя бы симфонію Шостаковича или Прокофьева.

Въ изображеніи работы сталелитейнаго или рельсо-прокатнаго завода Шостаковичъ незамѣнимъ. Никто, какъ онъ, не можетъ съ такой силой передать лязгъ желѣза, гулъ машинъ, шумъ приводныхъ ремней и мощное дыханіе раскаленныхъ печей. Весь этотъ ревъ никогда не доходилъ до такой мощности въ музыкѣ, которая, впрочемъ,никогда въ немъ не нуждалась.

Но на душу слушателя подобная симфонія обычно производитъ

очищающее благотворное вліяніе. Она поневолѣ заставляетъ думать о произведеніяхъ другихъ, старыхъ авторовъ, уноситъ человѣка мечтами въ прошлое время, когда какофоніи въ музыкѣ не было, когда диссонансы встрѣчались рѣдко, да и то всегда получали свое разрѣшеніе. А чтобы подобныя мечты о прошломъ углубились, расширились, хорошо по окончаніи симфоніи Шостаковича послушать уже болѣе спокойную симфонію Прокофьева — напримѣръ, номеръ пятый.

Какое удобное время, чтобы путемъ сравненія оцѣнить прелесть Моцарта, величіе Бетховена и романтизмъ Шумана!

Въ пятой Прокофьева, вообще говоря, не изображается ничего. Нѣтъ въ ней темы, нѣтъ мелодіи, нѣтъ гармоніи; быть можетъ, есть только контрапунктъ для желающихъ. И потому подъ нее легко думать, не тревожась за слухъ, какъ на заводѣ у Шостаковича.

И, вотъ, подъ симфонію Прокофьева, пока она еще не кончилась, можно вспомнить вкратцѣ этапы музыки за послѣдніе сто лѣтъ.

Во всѣ времена люди шумѣли на землѣ, сотрясая воздухъ. Расходились вокругъ звуковыя волны проклятій, любви, стоновъ, восторговъ, звона мечей, взрывовъ пороха, мирной пѣсни, дрожаніе искусственныхъ струнъ вмѣстѣ съ моленіями голоса къ небу.

Но ни одинъ вѣкъ, приводя въ трепетаніе воздухъ, не давалъ человѣчеству столько красотъ звучаній, какъ этотъ, минувшій.

Какая торжественность, какая чистота и величіе въ симфоніяхъ Бетховена! Возвышенная строгость "героической". Примиренная любовь къ землѣ въ "Пасторальной". И какая нѣжная пѣвучесть, безъ сентиментальности, у Шуберта, особенно въ его "Неоконченной". Какая потеря, что она неокончена! Если бы вмѣсто Шуберта не окончилъ своей симфоніи кто-нибудь изъ нынѣшнихъ композиторовъ!

А затѣмъ — бурный романтизмъ Шумана. И своеобразно русская романтика симфоній Чайковскаго, то ищущая опоры въ народныхъ напѣвахъ, то уходящая вверхъ, къ загадкамъ бытія и судьбы человѣка.

Полнота оркестроваго ансамбля уже у Бетховена достигла огромныхъ высотъ. До предѣльнаго звучанія довели его Шуманъ и Вагнеръ.

Но эта исчерпанность оркестра въ его классическихъ рамкахъ гармоніи и дала начало исканію "новыхъ" путей. Появляется Рихардъ Штраусъ съ его нагроможденіемъ диссонансовъ, со взвихренной, хотя и блестящей въ силу большого таланта, трактовкою темъ. Въ " Тилѣ Эйленшпигелѣ" и въ "Донъ Жуанѣ" талантъ автора самъ энергично борется противъ умышленнаго искаженія нормъ. Однако, увы, конецъ

симфонической музыки уже предрѣшенъ.

Ко второй половинѣ вѣка достигъ своей полнозвучности и рояль, начиная съ сонатъ Бетховена. Шопенъ сдѣлалъ изъ него друга своей пѣвучей души, спутника слушателей, зачарованныхъ нѣжностью музыкальныхъ мечтаній. Листъ и Шуманъ довели его до крайней мощи, связанной съ истиннымъ огнемъ вдохновенія, со сверкающей техникой. Для большей полноты вступалъ рояль иногда въ соединеніе съ оркестромъ, достигая совершенства въ концертахъ Бетховена, Шопена, Листа, Шумана, Грига. Начиная съ колдуна Паганини параллельно съ роялемъ выдвинулась въ своихъ самостоятельныхъ концертахъ и скрипка, этотъ первенствующій голосъ оркестровыхъ хоровъ.

Но прошло время. Насытился слухъ сладостью мелодій, радостью гармоніи. Отъ чрезмѣрнаго богатства музыкальныхъ сокровищъ меломаны пресытились прѣсными консонансами. Потребовалось нѣчто необычное, острое, щекочущее вкусъ новизной... И со ступеньки на ступеньку стала спускаться музыка въ сторону фальши. Съ безнадежностью во взорѣ, не зная, чѣмъ начать и чѣмъ кончить, тоскливый Дебюсси уныло бродилъ руками по клавишамъ рояля, пытаясь найти нѣчто такое, чего не было раньше. Вслѣдъ за нимъ начали появляться загадочные модернистскіе таланты, старающіеся дать міру новое откровеніе въ сочетаніи несочетаемыхъ звуковъ, боящіеся обнаружить въ своей душѣ что-либо въ родѣ мелодій. И вотъ, во главѣ съ Равелемъ на Западѣ и съ Прокофьевымъ на Востокѣ, шумятъ они, грохочутъ, скрежещутъ, дребезжатъ, тихо бормочутъ о чемъ-то на коцертныхъ рояляхъ, на скрипкахъ Страдиваріуса, на всѣхъ инструментахъ оркестровъ, сообразуясь съ правилами "математической" музыки.

Отцвѣла къ настоящему времени и опера, сочетающая въ себѣ, помимо музыкальнаго содержанія, элементъ драматическаго дѣйствія, живописно-декоративнаго оформленія. Относительно художественной цѣнности оперы могутъ быть различныя мнѣнія; Шопенгауэръ утверждалъ, что "опера не можетъ быть произведеніемъ чистаго искусства", что она — "остатокъ варварства, стремленіе повысить эстетическое наслажденіе нагроможденіемъ различныхъ средствъ". Вагнеръ, наоборотъ, считалъ, что очищенная отъ наивностей и дешевыхъ эффектовъ опера, превращенная въ "музыкальную драму", станетъ въ концѣ концовъ наивысшимъ видомъ художественнаго творчества, представляя собой синтезъ драмы, музыки и танца на фонѣ живописнаго ландшафта.

Но какъ ни смотрѣть на эстетическую цѣнность оперы, небывалый рас-

цвѣтъ ея въ прошломъ столѣтіи несомнѣнно оказалъ огромное вліяніе на музыкальное воспитаніе общества.

Не было особенныхъ глубинъ въ итальянскихъ операхъ, начиная съ Беллини и кончая Пуччини; но вся Европа напѣвала аріи изъ Доницетти, Россини, Верди. Повсюду звучали кантилены Гуно, Бизе, раздавались неприхотливо - плѣнительные звуки жизнерадостныхъ опереттъ Планкетта, Одрана, Лекока, Оффенбаха. Благоговѣйно серьезничали нѣмцы, умиляясь тягучей красотой вагнеровскихъ оперъ. Легковѣсные вѣнцы нѣжились въ сладостныхъ звукахъ Іоганна Штрауса, Линке, Зуппе. Въ Россіи широкимъ потокомъ шло впередъ музыкальное творчество въ оперныхъ формахъ: Глинка, Даргомыжскій, Мусоргскій, Чайковскій, Римскій Корсаковъ, Бородинъ...

А сейчасъ? Въ нашемъ вѣкѣ, на протяженіи послѣднихъ десятилѣтій? Никого, ничего.

Одна только Луиза Шарпантье да Морандръ у Анри Барро пытаются что-то пропѣть. Но какъ трагично ихъ положеніе при выкрикахъ смѣнившихъ прежнюю радость мелодіи.

18.

ЖУТКАЯ КАРТИНА ЖИВОПИСИ.

А вотъ одна изъ выставокъ послѣднихъ произведеній Пикассо въ Парижѣ.

У самаго входа полотно: старецъ зеленаго цвѣта съ двойнымъ носомъ и съ глазомъ, расположеннымъ подъ нижней губой, у подбородка.

Затѣмъ: портретъ молодой женщины. Лица въ общемъ нѣтъ, вмѣсто него только два глаза, смотрящіе въ разныя стороны. И наверху, гдѣ полагается быть волосамъ, пышный хвостъ. По всей вѣроятности, лошадиный.

А потомъ — различные варіанты тѣхъ же одиночныхъ глазъ, тѣхъ же многократныхъ носовъ; свороченныя на бокъ скулы, брови на мѣстѣ усовъ, усы возлѣ лба, лобъ спустившійся къ щекамъ, ухо взобравшееся на переносицу. На какомъ - то ложѣ, составленномъ изъ чемодановъ, ящиковъ и сундуковъ, лежитъ человѣческое существо, не то старушка, не то дѣвочка, съ катарактомъ, заполнившимъ глазныя впадины, съ двумя правыми руками и безъ одной лѣвой. Но лицо дѣвочки — старушки спокойно: благодаря слѣпотѣ она не видитъ, что вблизи нея

находятся натюрь морты художника. А натюрь морты, дѣйствительно, даже на нее произвели бы волнующее впечатлѣніе. Чего въ нихъ нѣтъ изъ того, что не должно быть! И апельсины въ образѣ спаржи; и лиліи подобныя цаплямъ; и розы, полученныя отъ скрещенія арбуза съ яблокомъ.

Вотъ такую выставку можно было видѣть въ нынѣшнемъ году, въ нашемъ вѣкѣ, въ нашей Европѣ. Наряду съ другими подобными выставками современной плеяды художниковъ апокалиптическихъ школъ: имажинистовъ, фовистовъ, сюрреалистовъ. И что удивительно: и внутри и снаружи выставочнаго помѣщенія все было тихо: никто не билъ автора, никто не призывалъ парижанъ къ возстанію, никто не строилъ баррикадъ; никто не писалъ углемъ или мѣломъ на троттуарахъ "а ба Пикассо". Даже полицейскихъ вокругъ не было видно. Наоборотъ: публика съ благоговѣйнымъ молчаніемъ ходила по залѣ, почтительно останавливаась передъ полотнами и картонами властителя своихъ художественныхъ думъ, вперяла въ нихъ внимательный взглядъ, какъ раньше смотрѣли туристы на Мадонну Рафаэля въ дрезденскомъ Цвингерѣ. И тихо перешептывалась, сообщая сосѣдямъ почтительныя догадки о тайнахъ скрытыхъ красотъ.

У старца два носа? Такъ что-жъ? Какъ эстетическая хирургія можетъ изъ этихъ двухъ органовъ сдѣлать одинъ, такъ и эстетическое воспріятіе въ состояніи слить ихъ вмѣстѣ, въ видѣ символа изощреннаго утонченнаго чутья. И одинъ глазъ, съѣхавшій внизъ, къ подбородку, тоже имѣетъ свой смыслъ, особенно при двухъ носахъ: оказавшись не на мѣстѣ, онъ, конечно, видитъ весь міръ съ новой точки зрѣнія; и это создаетъ въ немъ психику исключительнаго человѣка, видящаго то, что другіе не видятъ, обоняющаго то, что другіе не обоняютъ. И поэтому старикъ на портретѣ не бѣлый, не черный, не желтый, а зеленый: чтобы всѣ угадали, что онъ — особенный.

Благодаря двойнымъ носамъ, подбородочнымъ глазамъ и вывернутымъ скуламъ Пикассо считается въ наше время непревзойденнымъ художникомъ. Для богатаго буржуа имѣть его произведеніе на стѣнѣ своего кабинета — великая честь. Находить откровеніе въ его творчествѣ — признакъ изысканнаго вкуса эстета.

До нѣкоторой степени приходится Пикассо дѣлиться своей славой съ другимъ вдохновеннымъ творцомъ — съ Матиссомъ. Но Матиссу, съ его одиночными носами портретовъ, съ глазами находящимися приблизительно на своихъ мѣстахъ и съ ушами, располагающимися гдѣ-то по бокамъ головы, — далеко до художественнаго взлета своего

конкуррента. Портреты Матисса, съ деформированными черепами, съ лицами залитыми кровоподтеками различныхъ цвѣтовъ, сильно грѣшатъ противъ требованій нашей эпохи въ томъ смыслѣ, что на нихъ нерѣдко можно замѣтить признаки дѣйствительнаго человѣческаго лица, хотя и сильно пострадавшаго или при паденіи съ лѣстницы или при автомобильной катастрофѣ. Бываютъ у Матисса даже необъяснимыя сниженія въ творчествѣ, когда портретъ его, вдругъ, становится слегка похожимъ на оригиналъ. Очевидно, это пережитки устарѣвшаго "фовизма" временъ сотрудничества художника съ Маркэ, Руо, Ванъ Донгеномъ...

Однако, несмотря на такіе случайные провалы въ живописномъ искусствѣ, художественная молодежь стойко стоитъ сейчасъ на стражѣ прогресса и не допускаетъ возврата къ жалкому прошлому. Гарантіей этому служитъ новѣйшая "абстрактная" живопись, въ портретахъ которой уже нѣтъ ни одного носа, ни одного уха и никакого глаза: ни возлѣ лба, ни около подбородка. И въ пейзажахъ "абстрактныхъ" художниковъ тоже нѣтъ пережитковъ моря, неба, скалъ и растительности, которые встрѣчаются у Пикассо и Матисса. Портретъ, марины, ландшафтъ — все сливается здѣсь въ одно синтетически-цѣлое, въ перекрестныхъ линіяхъ — справо налѣво внизъ и слѣва внизъ направо. Художникъ въ данномъ случаѣ даетъ наслаждающемуся зрителю только первый толчекъ къ восприятію; все же остальное зритель долженъ дополнить самъ, конгеніально участвуя въ дальнѣйшемъ вдохновеніи вмѣстѣ съ художникомъ.

Обо всей этой живописи современныхъ мастеровъ съ ихъ "заумной" концепціей не стоило бы и говорить, если бы рядомъ съ нею существовала живопись настоящая, основанная на традиціи прошлаго, не копирующая старые образцы, но творчески развивающая тѣ стороны искусств, которыя приводятъ къ истинному ощущенію прекраснаго. Однако, гдѣ они, эти таланты и геніи, дающіе дѣйствительныя формы и содержаніе искусству? Быть можетъ потенціально они гдѣ-то и существуютъ, быть можетъ тщетно и пытаются пробиться сквозь поросли сорной травы современности. Но ихъ не видно, объ нихъ не знаютъ. Нынѣшніе эстеты-критики, сами взрощенные на извращеніяхъ всякаго рода, не дадутъ о нихъ отзыва, не введутъ въ кругъ журнальной и газетной рекламной шумихи.

И какая жуткая картина — при сравненіи съ чудомъ прошлыхъ вѣковъ!

Возрожденіе. Флоренція. Римъ. Чимабуэ со своимъ ученикомъ

Джотто. Боттичели, съ одинаковымъ вдохновеніемъ воплощающій и святую Мадонну и рождающуюся изъ моря Афродиту. Леонардо, Микель Анджело, Рафаэль, Андреа дель Сарто... Нидерланды. Рубенсъ, полный страсти и жизни. Рембрандтъ въ игрѣ свѣта и тѣни. Когда это было?

И какой расцвѣтъ живописи въ прошломъ вѣкѣ тутъ-же, во Франціи, гдѣ теперь владычествуетъ Пикассо. Сначала Энгръ, вдохновенно изучавшій Рафаэля, безъ подражанія отгадавшій прелесть античности. Затѣмъ — глава романтической школы — Делакруа, сведшій красоту съ неба, чтобы найти ее въ природѣ, не требующей никакихъ условныхъ прикрасъ. Основатель реализма — Курбэ, оставившій позади и классицизмъ и романтизмъ, но превосходный въ естественныхъ жизненныхъ темахъ. Наконецъ, возглавитель импрессіонистовъ — Манэ, перешедшій на сторону "независимыхъ", но не порвавшій съ предшественниками, перемѣнившій вмѣстѣ со своими послѣдователями манеру письма на характеръ "пятенъ", мазковъ и нашлепокъ. Помимо него — Коро, со своими сумеречными картинами, боящимися яркаго свѣтца. Вышедшій изъ натурализма Клодъ Монэ, Ренуаръ...

Модернизмъ съ этими "пятнами" уже прочно завоевалъ свои позиціи. Въ угоду краскамъ съ ихъ нашлепками отходилъ на второй планъ классическій старый рисунокъ. Но импрессіонистическая манера еще знала предѣлъ. Никто не помышлялъ въ первое время о такой свободѣ рисунка, когда носъ на портретѣ раздваивается, ухо лѣзетъ на темя, а глазъ из-подъ подбородка смотритъ на міръ. Но постепенно пришли футуристы, кубисты... За ними — сюрреалисты, абстрактисты. И, въ результатѣ, послѣ Рафаэля, Рубенса, Рембрандта, Делакруа — перекрещивающіяся цвѣтныя линіи по діагоналямъ: справа налѣво, слѣва направо...

Не много далъ нынѣшней живописи ея предшествующій многовѣковый прогрессъ!

Далъ столько же, сколько былое европейское зодчество дало современной архитектурѣ-модернъ: вмѣсто величавыхъ соборовъ — парижскаго, амьенскаго, кельнскаго, церкви — отели Матисса; вмѣсто луарскихъ замковъ и версальскихъ дворцовъ — дома въ видѣ фабрикъ и броненосцевъ. Во главѣ съ высочайшей дырявой башней Эйфеля.

19

ТЕХНИКА И ИСКУССТВО.

Разсматривая причины паденія художественнаго творчества въ литературѣ, въ музыкѣ и въ пластическихъ искусствахъ, мы не можемъ, конечно, объяснить это извращеніе идеи прекраснаго однимъ только фиглярствомъ и жалкой саморекламой. Разумѣется, въ наше время, какъ никогда, шарлатаны легко проникаютъ на верхи культурной жизни народовъ. Точно такъ же, въ силу продажности бульварной печати, реклама сплошь и рядомъ создаетъ изъ бездарностей таланты, изъ заурядныхъ людей — исключительныхъ дѣятелей.

Но наряду со всей этой накипью современной нечистоплотной морали проявляется во всѣхъ областяхъ искусства и подлинная трагедія, вызванная причинами болѣе глубокаго свойства.

Какъ всякое жизненное проявленіе, области духовнаго творчества естественно требуютъ обновленія, роста и развитія формъ. Какъ ни замѣчательны были одиночные образцы древней литературы, какія вспышки таланта ни дало Возрожденіе съ послѣдующими вѣками, но нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что литература девятнадцатаго вѣка принесла міру наиболѣе великое и наиболѣе блестящее изъ всего того, что получила до сихъ поръ европейская цивилизація съ древнѣйшихъ временъ.

Обогащался языкъ, шлифовалась его внѣшняя форма, накоплялись художественные образы, развивалось изящество стиля; множились люди, искусно владѣвшіе перомъ. Вмѣсто одинокихъ трубадуровъ и миннезингеровъ среднихъ вѣковъ разсыпались плеяды утонченныхъ поэтовъ. Плоды творческаго вдохновенія стали затоплять своимъ богатствомъ культурное общество.

Чутко прислушиваясь къ эстетическимъ запросамъ своихъ цѣнителей, а иногда и ведя ихъ за собой, литература смѣняла теченія, переходя отъ сентиментализма къ романтизму, отъ романтизма, къ реализму, къ натурализму. Эта смѣна направленій въ силу многочисленности яркихъ литературныхъ талантовъ и ихъ естественнаго соревнованія, происходила довольно быстро; но касалась она главнымъ образомъ не стиля и внѣшней формы изложенія, а внутренняго отношенія автора къ темамъ и къ изображенію жизни. Во всѣхъ этихъ трактовкахъ были перепробованы различныя отраженія души на внѣшній міръ, на многоцвѣтность человѣческой психики. И нѣжный откликъ на все прекрасное

и въ природѣ и въ жизни; и патетизмъ въ обрисовкѣ стихій и страстей; и лиризмъ въ трогательномъ, и эпичность въ великомъ; и романтическая грандіозность въ охватѣ цѣлыхъ эпохъ, и натуралистическая многословность въ любви къ мелочамъ и обыденности. И послѣ всей этой исчерпанности покачнулось художественное равновѣсіе свѣта и тѣни въ сюжетахъ: пришелъ модернизмъ съ уродливой односторонностью, съ нарочитымъ болѣзненнымъ психологизмомъ, съ любованіями эгоизмомъ, извращеніями, съ безплодными попытками найти въ безобразномъ прекрасное.

И рядомъ съ этимъ стихотворная поэзія, старшая сестра прозы, испробовавъ всѣ углы отраженія жизни, использовавъ всю утонченность изысканныхъ формъ, ушла въ крайность субъективизма, въ пифійскую загадочность словотворчества.

При безконечномъ разнообразіи жизненныхъ положеній и достойнаго фона для воспроизведенія истинное вдохновеніе могло бы безъ срока создавать все новые и новые образы. Но сталъ изсякать пафосъ, художественное наслажденіе читателей смѣнилось нездоровымъ любопытствомъ къ болѣзненнымъ темамъ... И вдохновеніе стало уступать мѣсто побужденіямъ соревнованія.

Такую же картину угасанія настоящаго творчества мы наблюдаемъ и въ музыкѣ, и въ пластическихъ искусствахъ.

Разумѣется, съ точки зрѣнія темъ, настроеній и кантиленъ область музыки безгранична. Человѣческая душа по природѣ своей всегда поетъ, когда къ ней прикасается Богъ. Рисунки мелодій и темпы могутъ въ своихъ сочетаніяхъ варіироваться безпредѣльно. Но нельзя того же сказать относительно гармонизаціи и инструментировки. Эстетическое воспріятіе требуетъ одновременнаго соединенія звуковъ, только въ простѣйшихъ сочетаніяхъ колебаній. Гармонія, въ противоположность мелодіи, заключена въ опредѣленныя рамки и терпитъ диссонансы при обязательномъ ихъ разрѣшеніи. Кромѣ того, темперированная гамма бѣдна. При такомъ ограниченіи для автора, желающаго или искренно расширить область музыкальнаго творчества, или нарочито выдвинуться изъ ряда другихъ, легко возникаетъ соблазнъ.

И соблазнъ побѣдилъ.

А наряду съ этимъ дошла до исчерпанности и инструментировка, какъ въ звучаніи отдѣльныхъ инструментовъ, такъ и въ полифоніи. Недаромъ Вагнеръ, чувствуя недостаточность въ оркестрѣ гобоя и фагота, заказалъ мастеру Заксу особый инструментъ, названный "саксофономъ". Но, по ироніи судьбы, саксофонъ понадобился впослѣд-

ствіи не столько для симфоническихъ выступленій, сколько для негритянской музыки джаза.

Въ общемъ, съ музыкой, въ смыслѣ отступленія отъ гармоническихъ нормъ, произошло то же, что съ живописью, которая послѣ блестящаго равновѣсія между рисункомъ и красками, незаконно вышла за предѣлы рисунка, стала заливать полотна игрою колорита, безъ формы и содержанія.

А тѣмъ временемъ, въ силу быстраго развитія матеріальной культуры, общественная жизнь постепенно ускоряла свой темпъ и вмѣстѣ съ этимъ сокращала тотъ досугъ, который такъ необходимъ для процвѣтанія искусства. Въ концѣ прошлаго столѣтія и въ началѣ настоящаго полновѣсные романы Вальтеръ Скотта, Диккенса и даже Гюго стали казаться слишкомъ тягучими; ихъ возможно было читать въ эпоху дормезовъ, а не во времена курьерскихъ поѣздовъ; или въ усадьбахъ свободнаго отъ труда высшаго класса, а не въ городскихъ квартиркахъ служилыхъ и отягощенныхъ работой интеллигентныхъ людей. Интересъ къ искусству становился все болѣе суженнымъ, отрывочнымъ, торопливымъ. Только тѣ теченія и произведенія, которыя сопровождались рекламными выкриками и шумомъ кружковщины, стали привлекать вниманіе массъ. Любовь къ наслажденію прекраснымъ превратилась въ любопытство къ невиданно-необычному.

Но все это сниженіе вкуса и вся эта усталость, какъ въ творческомъ вдохновеніи, такъ и въ эстетическомъ воспріятіи его, сами по себѣ не были такъ грозны: послѣ періода временной расслабленности и блужданій въ поискахъ синей птицы — могла бы вновь наступить эра новаго взлета, эра синтеза нерушимо-стараго съ освѣжающимъ новымъ. И это, быть можетъ, пришло бы, если бы не тѣ изобрѣтенія механической техники, которыя могутъ нанести истинному искусству непоправимый ударъ:

Фотографія. Кинематографъ. Радіофонія.

Мы не знаемъ, что произошло бы съ живописью эпохи Возрожденія, если бы фотографія была изобрѣтена не въ прошломъ столѣтіи Дагерромъ и Ніэпсомъ, а, напримѣръ, въ пятнадцатомъ вѣкѣ учителемъ Рафаэля Перуджино. Навѣрно, былъ бы тогда Рафаэль прекраснымъ фотографомъ, но мы бы не видѣли послѣ него ни Сикстинской Мадонны, ни "Прекрасной Садовницы". И Тиціанъ, должно быть, не написалъ бы портрета герцогини Урбинской, а снялъ бы съ нея фотографію. И Ванъ Дейкъ въ Нидерландахъ, вмѣсто того, чтобы писать свои портреты, просто снималъ бы ихъ за опредѣленную плату, талантливо ретушируя и

кое-гдѣ подрисовывая. И вообще, сколько было бы въ исторіи прекрасныхъ фотографовъ! Рембрандтъ, Рубенсъ, Рейнольдсъ, Ватто, Давидъ, Делакруа...

Появленіе фотографіи сразу уменьшило число художниковъ, выходящихъ изъ среды обыкновенныхъ любителей. Сколько прекрасныхъ фамильныхъ портретовъ безъ подписи хранилось въ старинныхъ домахъ и усадьбахъ, написанныхъ безымянными родственниками или друзьями. А сейчасъ, вмѣсто этого. на всѣхъ стѣнахъ — фотографіи, фотографіи, фотографіи...

А что было бы съ литературой и съ драматическимъ театромъ, если бы кинематографъ появился давно, напримѣръ, въ Англіи незадолго передъ царствованіемъ королевы Елизаветы, передъ тѣмъ какъ Шекспиръ приступилъ къ своей дѣятельности? На экранѣ появились бы страшно-комическія сценки "Много шуму изъ ничего", "Виндзорскія Кумушки". Затѣмъ — драмы въ три тысячи метровъ: "Юлій Цезарь", "Король Лиръ". И уже черезъ пятьдесятъ лѣтъ никто бы не зналъ, что существовалъ кинематографическій сценаристъ Шекспиръ, очень способный, смѣненный очереднымъ другимъ авторомъ на томъ же плоскомъ экранномъ фонѣ. И о сценаристѣ Мольерѣ забыли бы уже при Людовикѣ пятнадцатомъ, и ничего не знали бы о немъ, какъ не помнятъ и не знаютъ о сценаристахъ нашего времени.

А кинематографъ по существу своему, дѣйствительно, не можетъ дать генія-автора. Онъ способенъ поднять на огромную высоту талантъ режиссера, но создать вдохновенно-геніальнаго автора — никогда. И не потому, что такихъ исключительныхъ дарованій вообще нѣтъ, но потому, что самъ кинематографъ не искусство, а только его суррогатъ. Какъ художественная фотографія суррогатъ живописи.

Между истиннымъ произведеніемъ искусства и воспринимателемъ-перципіентомъ его не должно быть механическихъ мертвыхъ посредниковъ. Можно увѣсить стѣны огромнаго зала фотографическими снимками съ произведеній всѣхъ лучшихъ итальянскихъ мастеровъ; можно имѣть ихъ даже цвѣтными. Ознакомленіе съ исторіей живописи будетъ солидное. Изучившаго снимки можно зачислить даже въ разрядъ современныхъ эстетовъ. Но всѣ эти снимки, вмѣстѣ взятые, не стоятъ одного живого полотна, къ которому прикасалась непосредственно кисть художника. Во всякомъ воспріятіи прекраснаго должна существовать непосредственная связь между перципіентомъ и объектомъ, будь то творческая природа или твореніе человѣка. А фотографическая стѣна-экранъ кинематографа умерщвляетъ неуловимую, но реальную ми-

стику театра. Между актерами и зрителями настоящаго театра существуетъ не только зрительная и слуховая связь, но то, что называется контактомъ между сценой и заломъ. Подобнаго психическаго контакта, о чемъ мы уже говорили, раньше, въ кинематографѣ нѣтъ. Зритель фильма испытываетъ всѣ полагающіяся въ каждомъ случаѣ эмоціи: плачетъ, смѣется, восторгается, негодуетъ. Но холодная стѣна остается.

И вотъ, наконецъ, радіофонія. Область столь важная для музыкальнаго образовванія публики.

Несмотря на несомнѣнную пользу, сколько вреда и какую заразу разноситъ радіо своими передачами модныхъ авторовъ, этихъ членовредителей музыкальнаго слуха! Какъ опошляетъ вкусъ шансонетками, первобытными танцами, джазомъ, назойливо врываясь въ атмосферу благопристойныхъ частныхъ домовъ!

Из-за радіофоніи теперь, не въ примѣръ прошлымъ временамъ, весьма рѣдко встрѣтишь кого-нибудь, играющаго на музыкальномъ инструментѣ. Не то что раньше, когда почти каждая интеллигентная дѣвушка училась игрѣ на фортепіано, когда многіе юноши увлекались или скрипкой, или віолончелью... Исчезли эти многочисленные кадры любителей, составлявшіе массы истинныхъ цѣнителей музыки.

Сейчасъ вмѣсто этого — кнопка аппарата. Длина волны. Чередованіе великихъ творцовъ съ создателями новѣйшихъ какофоній...

И, какъ въ мертвомъ кинематографѣ, — отсутствіе живого контакта.

20.

ИСТОКИ СОВРЕМЕННАГО АТЕИЗМА.

Религія и область нравственныхъ нормъ — высшая сторона духовной культуры. Религіозное міроощущеніе на всѣхъ ступеняхъ жизни народовъ углубляетъ сознаніе, создаетъ чувство отвѣтственности, отвѣчаетъ въ первичномъ видѣ на потребность познанія окружающихъ явленій и удовлетворяетъ чувство красоты въ священныхъ образахъ.

Для дикаря, поклоняющагося фетишамъ или силами и предметамъ природы, его религіозныя воззрѣнія соотвѣтствуютъ теоретической наукѣ цивилизованнаго человѣка; созданіе идоловъ, украшеніе капищъ, пышное одѣяніе жрецовъ съ раскраской ихъ лицъ — присоединяютъ ощущеніе прекраснаго: ритуальныя правила, прещенія, табу — создаютъ начальныя нормы моральнаго долженствованія. И во всѣ времена, на всѣхъ ступеняхъ роста духовной культуры, въ религіи сочетаются всѣ эти элементы — истиннаго, прекраснаго, долженствующаго, хотя бы въ неясномъ или искаженномъ видѣ. Ибо въ каждой религіи даже въ самыхъ начальныхъ ея проявленіяхъ, сквозь муть загрязненныхъ человѣческихъ душъ божественное просвѣчиваетъ въ сліяніи высшихъ цѣнностей духа: истины, красоты и добра.

Въ историческихъ религіяхъ та или иная сторона этого сочетанія выступала впередъ, соотвѣтственно съ характеромъ и духомъ народа. Въ религіи древней Греціи, напримѣръ, ярко сказывается элементъ эстетизма: персонификація явленій природы или отдѣльныхъ человѣческихъ качествъ составляетъ здѣсь цѣлый міръ художественныхъ образовъ. Зевесъ олицетворяетъ у грековъ могущество природы и человѣческой воли; Аресъ — физическую силу, Афродита — красоту женственности, Афина — мудрость. На основѣ этого религіознаго эстетизма Платонъ строитъ свое величественное ученіе: художественное созерцаніе прекраснаго на землѣ приводитъ душу человѣка къ истинному познанію потустороннихъ идей.

У древнихъ евреевъ религіозное міровоззрѣніе, наоборотъ, мало сочеталось съ ощущеніемъ прекраснаго; но зато тѣсно сплеталось съ божественно-нравственнымъ, съ долженствованіемъ, съ "Закономъ", что придавало ихъ религіи, сравнительно съ греческой, строгій суровый характеръ.

Христіанство же, какъ религія истинная, окончательная, выявляющая Ликъ Божій безъ искаженій язычества и безъ односторонней

узости еврейскаго Закона, — принесло съ собой всю полноту Божественнаго въ неразрывномъ сочетаніи добра, красоты, истины. И въ этой полнотѣ осуществилось въ Православіи.

Западъ же пережилъ три эпохи:

Средніе вѣка — съ превалированіемъ формальнаго долженствованія. Какъ въ Законѣ евреевъ.

Возрожденіе — съ поклоненіемъ красотѣ. Какъ въ Греціи.

И новые вѣка — съ преимущественнымъ обоготвореніемъ интеллекта.

Христіанство какъ Церковь продолжало прочно существовать. Но христіанство какъ общее міроощущеніе постепенно мѣнялось. Реформація, возникшая для очищенія религіозныхъ установленій отъ засоренія интересами земного порядка, въ то же время отвоевала для человѣческаго интеллекта значительную роль арбитра въ обсужденіи теологическихъ истинъ. Религіозно — философскій раціонализмъ дальнѣйшихъ временъ имѣетъ корни именно въ ней. Начавшійся же въ Западной Европѣ прогрессъ науки, въ ущербъ религіи, постепенно сталъ приписывать уму все большее и большее значеніе въ рѣшеніи загадокъ бытія.

Система Коперника, лишившая человѣка центральнаго положенія во вселенной, произвела значительное потрясеніе въ общемъ міровоззрѣніи. Открытія Кеплера, Галилея, Ньютона, Паскаля, установленіе первыхъ незыблемыхъ законовъ природы выдвинули интеллектъ на первое мѣсто. Возникшій на этомъ исключительномъ довѣріи къ разуму раціонализмъ Декарта, Спинозы и Лейбница повлекъ за собой и раціонализацію религіознаго сознанія христіанскаго общества. По мѣрѣ открытія новыхъ законовъ естества божественный Разумъ становился главнѣйшимъ аттрибутомъ Творца вселенной, а человѣческій разсудокъ — единственно-истинной основой познанія. Всѣ другія стороны Божественной сущности — Добро, съ императивами долженствованія и съ вѣчнымъ началомъ любви, Красота, зовущая къ восторгамъ преклоненія передъ прекраснымъ осуществленіемъ міра, — отошли на второй планъ.

И, какъ результатъ этого, наряду съ церковной религіозностью появилась религіозность лаическая, основанная на безцерковномъ признаніи высшаго Разума: деизмъ.

Представители деизма — Шефтсбери, Матвѣй Тиндаль, Вольтеръ, Руссо, нѣкоторые энциклопедисты, — основываясь на достиженіяхъ науки, преклоняясь передъ наблюдаемой въ природѣ закономѣрностью, признавали первопричиной мірового порядка Божество, но Бо-

жество безъ христіанскаго Промысла, не вмѣшивающееся въ предустановленную связь причинъ и слѣдствій. Это еще не былъ атеизмъ; но христіанское пониманіе Бога значительно искажалось тутъ признаніемъ только одной стороны Его сущности — Разума. Вольтеръ, напримѣръ, отрицавшій христіанскую Церковь и признававшій только "религію разума", отрицалъ въ то же время и атеизмъ, считая, что онъ противорѣчитъ проявленіямъ разумности въ мірѣ.

Однако, достаточно отъ Бога отдѣлить этотъ послѣдній аттрибутъ Разума и перенести его на природу въ качествѣ разсудочныхъ функцій — и деизмъ превращается въ матеріализмъ. Энциклопедистъ Гольбахъ въ своей "Системѣ Природы" установилъ "евангеліе матеріализма", въ которомъ мысль сводилъ къ движенію матеріи, нравственность — къ чувству самосохраненія, а понятіе Божества во всякой возможной формѣ религіи отрицалъ совершенно. Кабанисъ проповѣдовалъ матеріализмъ психологическій, истолковывая душевныя явленія какъ особый видъ движенія матеріальныхъ частицъ. Затѣмъ, уже въ 19-омъ вѣкѣ, огромное вліяніе оказалъ на общественную мысль Бюхнеръ, изложившій свою систему матеріализма въ "Силѣ и Матеріи". Не меньшее значеніе для разложенія европейской духовной культуры имѣлъ и Молешоттъ, стяжавшій успѣхъ и у насъ, въ Россіи, въ шестидесятыхъ годахъ, въ печальную эпоху нигилизма. Съ увлеченіемъ знакомилась широкая публика и съ "Жизнью Христа" Давида Штрауса, отрицавшаго чудеса, какъ незаконные перерывы въ ходѣ явленій природы, отвергавшаго всѣ христіанскіе догматы, какъ искуственныя построенія религіозной мысли.

И, среди этихъ всѣхъ новыхъ "учителей" цивилизованнаго общества, разумѣется, — Карлъ Марксъ, Энгельсъ и вся дальнѣйшая цѣпь соціалъ-демократическихъ проповѣдниковъ, въ своемъ атеистическомъ историческомъ матеріализмѣ подтачивавшіе не только религію, но и вообще всѣ цѣнности духовной культуры, низводя ихъ къ производнымъ функціямъ отъ экономическихъ факторовъ и соціальной борьбы.

Естественно, поэтому, что при подобномъ отрицаніи религіи и особенно Церкви, — сама теоретическая наука снисходительно взялась за задачу опредѣлить: что такое религія. Научная соціологія и этнологія, разумѣется, должны были считаться съ фактомъ всеобщаго существованія религіознаго чувства; но, слѣдуя своему позитивному методу, всѣ эти чувства стали сводить къ причинамъ психологическимъ вторичнаго свойства, какъ бытъ, мифы и нравы. Вспоминая древнее

изреченіе, что "страхъ создалъ боговъ", Шлейермахеръ нашелъ въ религіозныхъ вѣрованіяхъ только "проявленіе абсолютнаго чувства зависимости". Спенсеръ происхожденіе религіи объяснялъ "страхомъ передъ духами умершихъ". Максъ Мюллеръ перенесъ опредѣленіе въ область интеллектуальную: "религія есть способность ума, которая независимо отъ чувствъ и разума удовлетворяетъ человѣческое желаніе познать безконечное". Тейлоръ ограничивается только анимистической стороной: "это вѣрованіе человѣка въ духовныя существа".

Нельзя сказать, что наука въ своихъ опредѣленіяхъ религіозной потребности человѣчества дала много глубокаго. Какъ исключеніе мы встрѣчаемъ убѣдительную характеристику этого неистребимо священнаго свойства души у психолога Вундта: "Религіозное чувство есть общее свойство человѣческаго рода... Религіозныя представленія получили въ сознаніи народовъ такую опредѣленную форму, что своей живостью едва уступаютъ представленіямъ чувственнаго воспріятія". Однако, даже такія правдивыя признанія ученыхъ въ универсальности религіознаго чувства не позволяли наукѣ идти дальше и умозаключать отъ существованія вѣры къ бытію самого объекта этой вѣры — къ бытію Бога. Для науки девятнадцатаго вѣка такія умозаключенія не имѣли цѣны, такъ какъ ея экспериментально-логическій методъ изслѣдованія былъ совершенно инымъ, чѣмъ методъ познанія путемъ религіознаго опыта.

Приблизительно въ такомъ же положеніи, какъ наука, оказалась по отношенію къ религіи и западная философія той же эпохи. Христіанское міроощущеніе еще сохранялось у Канта, у котораго все религіозное и нравственное было перенесено въ область "практическаго" разума и должно было познаваться внѣ категорій разсудка, ибо теоретическій разумъ при подобныхъ крайнихъ вопросахъ бытія запутывается въ потиворѣчіяхъ антиномій. Явно религіознымъ настроеніемъ проникнуты, напримѣръ, слѣдующія слова Канта: "Есть двѣ вещи, наполняющія насъ все большимъ благоговѣніемъ, чѣмъ больше мы ими занимаемся — это звѣздное небо надъ нами и внутренній законъ въ насъ."

Но уже начиная съ Конта религія въ западной философіи начинаетъ терять прежнее высокое значеніе. Устанавливая свои три стадіи развитія человѣческаго духа, Контъ далъ стадіи религіозной низшее мѣсто: первая, самая примитивная стадія теологическая, вторая — метафизическая, и третья, высшая — позитивная, изслѣдующая научнымъ путемъ явленія міра. Ясно, что такая концепція контовскаго по-

зитивизма, пренебрегая не только религіей, но даже метафизикой, и возвеличивая значеніе науки, естественно способствовала развитію и укрѣпленію матеріалистическаго міровоззрѣнія.

Изъ боязни соприкосновенія съ Церковью западная философія вообще старалась избѣгать имя Божье, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда въ своихъ умозрѣніяхъ близко подходила къ нему. Если когда-то раньше Спиноза въ своемъ пантеизмѣ не боялся говорить "Богъ или Природа", то теперь этой смѣлости не было. Все высшее, общее, всякая субстанція міра того или иного мыслителя называлась или Духомъ, какъ у Гегеля, или Душой, какъ у Шеллинга, или Волей, какъ у Шопенгауэра, или Безсознательнымъ, какъ у Гартмана, но только не Богомъ. И не удивительно, что Спенсеръ, устанавливая свой "агностицизмъ", все высшее, недоступное нашему знанію, назвалъ просто "непознаваемымъ".

Въ западной философіи послѣдней эпохи Господь Богъ могъ выступать только подъ псевдонимомъ.

21.

ОБОГОТВОРЕНІЕ ЧЕЛОВѢКА

Отходъ западнаго міроощущенія отъ христіанства и вообще отъ всякой религіозности особенно обнаружился во второй половинѣ прошлаго вѣка.

Прежде всего говорятъ объ этомъ философскія системы Шопенгауэра, Гартмана, Ницше. Мрачныя идеи Шопенгауэра и Гартмана не только далеки отъ христіанскаго духа, но въ основѣ своей противорѣчатъ ему. Ученіе же Ницше открыто ведетъ къ борьбѣ съ высшими христіанскими цѣнностями.

По Шопенгауэру всѣ объекты познанія — представленія субъекта. Единственная міровая реальность — воля есть не только сознательное желаніе, но и безсознательное влеченіе, даже въ неорганической природѣ. Но хотѣнія никогда не получаютъ истиннаго удовлетворенія, приводятъ только къ страданію. И единственный выходъ изъ этого — умерщвленіе воли, какъ главнаго начала жизни. Буддійскій окончательный абсолютный покой, то-есть нирвана.

Точно такъ же у Гартмана — въ его ученіи о "Безсознательномъ" неразумная воля создала бытіе. Это созданіе неразумной воли —

безсмысленно и приводитъ къ страданію. Такимъ образомъ, міръ въ своей сущности дуренъ, небытіе лучше его. И высшая мудрость — стараться, чтобы воля и представленія вернулись въ первичное состояніе небытія. Ничего не чувствовать лучше, чѣмъ чувствовать что-нибудь.

О нападкахъ Ницше на христіанство съ его любовью къ ближнимъ и съ состраданіемъ къ слабымъ мы уже говорили. Штирнеръ, Киркегоръ, Ницше постепенно со своими послѣдователями привели западное сознаніе къ безпринципному индивидуализму, къ эгоцетризму, къ конечному экзистецiализму, отрицающему всѣ святыни морали и вѣры.

А подобно философіи постепенно отдалялась отъ религіи и западная художественная литература. Въ противоположность литературѣ русской, она вообще не отличалась близостью къ вопросамъ религіи и къ богоискательству. У Запада прошлаго вѣка не могли появиться писатели съ такой религіозной проникновенностью, какъ Гоголь или Достоевскій: формалистическій католицизмъ и выхолощенный протестантизмъ не способствовали сліянію религіи съ художественнымъ творчествомъ. И если вначалѣ, въ эпоху романтизма, западная литература еще поддерживала. христіанскія моральныя цѣнности, то въ реализмѣ, а тѣмъ болѣе въ натурализмѣ, и этотъ элементъ сталъ исчезать. Атеизму научному, демократическому и соціалистическому художественная литература не противопоставляла ничего. Наоборотъ. Къ нашему времени она охотно примкнула къ общему хору модернистовъ, воспѣвающихъ жизнь внѣ Бога внѣ добра и даже, внѣ красоты.

Конечно, были раньше, появляются и теперь отдѣльные представители науки, философіи и литературы, далекіе отъ атеистическаго матеріализма. Таковыми были, напримѣръ, Вундтъ, Бергсонъ, Фламмаріонъ. Физикъ Круксъ, если не очень вѣрилъ въ Бога, то вѣрилъ хотя бы въ спиритизмъ. Д-Арсонваль тоже. Профессоръ Рише пріобрѣлъ не мало сторонниковъ своими работами по метапсихикѣ, что до сихъ поръ среди матеріалистовъ-ученыхъ считается научнымъ занятіемъ плохого тона.

Но въ общемъ міроощущеніи европейскихъ массъ матеріалистическій атеизмъ прогрессируетъ. И не въ силу какой-либо пропаганды, а самъ собой, отвѣчая настроенію общества. Современному внѣшнекультурному человѣку Богъ просто неинтересенъ, и напоминанія о Немъ вызываютъ зѣвоту. Та сторона души, которая раньше откликалась на все возвышенное, проявляла мистическое удивленіе и благоговѣніе передъ тайнами бытія, теперь заполнена цивилизованнымъ самодовольствомъ. Чувствуя себя дѣйствительнымъ хозяиномъ на землѣ въ силу

небывалыхъ завоеванiй техники, цивилизованный обыватель все рѣже и рѣже находитъ поводъ вспоминать о томъ непрiятномъ обстоятельствѣ, что надъ нимъ есть высшiй Хозяинъ, которому иногда поневолѣ приходится подчиняться. И эту психологическую основу отталкиванiя отъ Бога, помимо науки, техники и соцiалистическихъ приманокъ земного рая, въ большой мѣрѣ поддерживаетъ крайнiй демократическiй строй современной соцiальной жизни.

Въ самомъ дѣлѣ, демократизмъ, создающiй изъ каждаго обывателя, независимо отъ его индивидуальныхъ качествъ и его личныхъ достоинствъ, священный атомъ общественнаго коллектива, развиваетъ въ человѣкѣ ощущенiе своей значительности, своего возвышеннаго положенiя въ земномъ окруженiи. Демократическое мiровоззрѣнiе, полезное для чуткихъ и нравственно развитыхъ душъ, губительно для психики неразвитого и морально-примитивнаго обывателя, наполняя его незаслуженнымъ самоудовлетворенiемъ и самомнѣнiемъ. Примитивный демократъ, составляющiй главную массу современнаго общества, ощущаетъ себя, на основахъ свободы и равенства, распорядителемъ земныхъ судебъ человѣческихъ; а отъ этого величiя ограниченному уму недалеко и до отрицанiя всякой неограниченной власти надъ собой, даже божественной. Между тѣмъ, современная демократiя, обнаруживая все больше и больше пренебреженiя къ христiанству, проявляетъ къ нему, не сознавая того, полную неблагодарность: вѣдь именно христiанство со временъ реформацiи дало европейскому обществу высокiе принципы свободы, равенства, братства, которые вошли въ основу демократизма. Только по существу и свобода и равенство и братство являются дѣйствительнымъ благомъ лишь при условiи нравственной жизни во Христѣ; иначе свобода превращается въ своеволiе, равенство — въ стадность, а братство — въ партiйное соучастiе безъ моральной основы.

Именно эту картину мы и наблюдаемъ сейчасъ при общемъ угасанiи на Западѣ религiознаго чувства. Научно-техническiй позитивизмъ, космологическiй, психологическiй и экономическiй матерiализмъ и оторванный отъ христiанства демократизмъ — всѣ ведутъ цивилизацiю къ безбожью.

А такъ какъ чувство мистическаго преклоненiя свойственно человѣческой природѣ, то цивилизованный человѣкъ перенесъ Бога на землю, обожествилъ самого себя въ своемъ коллективѣ, въ углубленiяхъ своей теоретической мысли, въ чудесахъ практическихъ изобрѣтенiй, и сталъ самъ себѣ поклоняться.

Обожествляется сейчасъ не разумъ даже, а разсудокъ, со

всѣми его завоеваніями въ области изученія вселенной, въ машинномъ прогрессѣ и въ техникѣ. Божествомъ становится также построенная по типу атомныхъ соединеній человѣческая коллективная воля, верховная, какъ Мойра, какъ Рокъ древности, не подлежащій никакой аппеляціи. Обожествляется наконецъ, красивая жизнь, съ комфортомъ, съ удобствами, не нуждающаяся ни въ какихъ видахъ высшихъ красотъ.

Всего этого достигло въ наше время европейское сознаніе при своемъ отрывѣ отъ религіозныхъ началъ. И ни католицизмъ, ни протестантизмъ не нашли въ себѣ духовныхъ силъ противостоять этому.

Между тѣмъ, трагическій процессъ постепенной атеизаціи Запада уже съ начала прошлаго столѣтія былъ объектомъ пристальнаго вниманія со стороны нашихъ русскихъ мыслителей, пытавшихся опредѣлить историософическую роль Россіи среди другихъ культурныхъ народовъ. Всѣ эти мыслители — не только западники, но и славянофилы, и почвенники — не были принципіальными врагами Запада. Наоборотъ, даже тѣ, которые приписывали Россіи исключительное мессіанское значеніе для всего человѣчества, какъ Гоголь или Достоевскій, относились къ Европѣ съ любовью и съ уваженіемъ къ цѣнностямъ ея великой прошлой культуры. И какія горестныя слова мы слышимъ отъ нихъ относительно вырожденія западнаго міросознанія!

Уже въ сороковыхъ годахъ Одоевскій писалъ, что на Западѣ "религіозное чувство погибаетъ". Разсматривая европейскую культуру, Гоголь, видитъ ея "неправду" въ отходѣ отъ Церкви, ибо одна только Церковь въ состояніи разрѣшить всѣ недоумѣнія и высшіе вопросы культурной жизни. Для Запада — только умъ — святыня. "Во всемъ усумнится онъ — въ сердцѣ человѣка, въ правдѣ, въ Богѣ, но не усумнится въ своемъ умѣ."

Славянофилы критиковали Западъ за его безрелигіозность, за ложную идею личности, оторванную отъ христіанскаго самоотреченія. О такомъ же отрывѣ личности отъ Бога говоритъ Тютчевъ. Видя распространеніе безбожья въ Европѣ и обоготвореніе человѣка, Герценъ справедливо спрашиваетъ: Почему вѣрить въ Бога смѣшно, а вѣрить въ человѣчество не смѣшно?"

Достоевскій пишетъ, что на "Западѣ Христа потеряли", что "христіанская связь, до сихъ поръ соединявшая народы, съ каждымъ днемъ теряетъ свою силу". Владиміръ Соловьевъ, наблюдая кризисъ христіанства на Западѣ, находитъ, что "западная цивилизація стремится прежде всего къ исключительному утвержденію безбожнаго человѣка".

Такія единодушныя мнѣнія о религіозномъ обнищаніи Европы мы встрѣчаемъ у нашихъ писателей и мыслителей различныхъ теченій и направленій въ прошломъ столѣтіи. Послѣднія же десятилѣтія текущаго вѣка окончательно подтверждаютъ дѣйствительность этой картины. Такого отрыва отъ религіозно-божественнаго не было на нашемъ Западѣ даже во времена язычества, когда германцамъ богобоязненность внушалась Вотаномъ, когда галльскія божества Тейтатъ и Таранисъ регулировали своевольную жизнь, и священныя рощи создавали благоговѣніе передъ высшими силами внѣ человѣка.

Въ качествѣ прекрасныхъ памятниковъ зодчества стоятъ сейчасъ католическіе храмы, привлекая къ себѣ вниманіе туристовъ. Шумитъ вокругъ равнодушная толпа, занятая дарами современных машинныхъ боговъ. Иногда, одинъ изъ ста, зайдетъ внутрь кто-нибудь помолиться о поднятіи цѣнныхъ бумагъ, или объ отысканіи той вещи, которую не удалось найти въ квартирѣ послѣ тщательныхъ поисковъ... Встрѣчаются вокругъ фигуры священнослужителей, наполовину принадлежащихъ къ партіямъ соціалистовъ и коммунистовъ... И въ протестантскіе храмы не ломится толпа вѣрующихъ, какъ ломится она въ кинематографы... Не увлекаютъ ее проповѣдники своимъ ораторскимъ умѣніемъ приближать къ Богу, хотя здѣсь внутри, все такъ хорошо и удобно, какъ въ просторномъ лекціонномъ помѣщеніи съ центральнымъ отопленіемъ и электрическимъ освѣщеніемъ.

Мало отклика на это все, устарѣлое.

И ждетъ долготерпѣливый Христосъ, пока какъ-нибудь трое соберутся во имя Его.

22.

БЕЗРЕЛИГІОЗНАЯ НРАВСТВЕННОСТЬ.

Параллельно съ тѣмъ, какъ въ западно-европейскомъ обществѣ подъ вліяніемъ позитивизма и матеріализма угасало религіозное міроощущеніе, постепенно расшатывались и основы христіанской морали.

Безъ религіи, хотя бы въ самыхъ первичныхъ ея формахъ, не можетъ быть въ человѣкѣ какихъ-либо правилъ нравственнаго долженствованія. Не ощущая въ себѣ никакой внутренней отвѣтственности передъ внѣшней божественной силой за свои дѣйствія, человѣкъ можетъ руководствоваться въ поступкахъ однимъ только страхомъ передъ возмездіемъ себѣ подобныхъ: сосѣдей, общества, или тирана, распоряжающагося судьбами своихъ подчиненныхъ. Безъ ощущенія зависимости отъ высшихъ нормирующихъ началъ человѣкъ теряетъ внутреннія ощущенія совѣсти, его этика въ лучшемъ случаѣ превращается въ юриспруденцію.

Средніе вѣка, какъ будто бы дали Западу нравственность, насквозь пронизанную христіанскими нормами. Блаженный Августинъ и Фома Аквинскій этими нормами охватили всю жизнь Средневѣковья. Но подобная связь, основанная не на христіанской любви, а на формальномъ подчиненіи Церкви, оказалась не благостной связью, а путами; именемъ Христа католичество не спаяло людей внутреннимъ огнемъ братской связанности, а сковало внѣшнимъ образомъ желѣзными обручами папизма. Свободный христіанскій духъ, который долженъ дышать гдѣ хочетъ, нигдѣ не дышалъ.

И, если впослѣдствіи, послѣ Возрожденія и Реформаціи, начавшая быстро развиваться наука обнаруживала явное отталкиваніе отъ религіи и перенесла поклоненіе съ Бога на разумъ, а философія ушла въ раціонализмъ, а затѣмъ въ позитивизмъ то въ этомъ не малая вина лежитъ на средневѣковомъ католицизмѣ; судъ, учиненный надъ Галилеемъ, вызвалъ еще болѣе несправедливый судъ науки надъ христіанской религіей и христіанской моралью.

Никакіе позитивисты и никакіе матеріалисты не повредили такъ христіанскому міроощущенію общества, какъ папскій средневѣковый теократизмъ.

Естественно, что новая этика легко отдѣлилась отъ этики религіозной и стала обосновывать свою автономность сначала на раціо-

нализмѣ, а затѣмъ на поверхностномъ эмпиризмѣ. Декартъ, Спиноза, Лейбницъ, Кантъ, Гегель выводили нравственные постулаты изъ общихъ положенiй своихъ умозрительныхъ системъ; эмпиристы — Гоббсъ, Локкъ, Бентамъ, Милль, Спенсеръ — изъ наблюденiй надъ человѣческой жизнью. Бентамъ и Милль въ основу своихъ этическихъ взглядовъ ставили принципъ пользы и видѣли въ утилитаризмѣ достиженiе высшаго блага: "возможно большую сумму счастья для возможно большаго числа людей". Спенсеръ утверждалъ, что "нравственныя воззрѣнiя суть результаты накопленiя опытовъ полезности. Постепенно организуясь и переходя по наслѣдству, они сдѣлались, наконецъ, совершенно независимыми отъ сознательнаго опыта."

Эта эмпиристическая утилитаристическая этика, разумѣется, неизмѣримо ниже рацiоналистической и вообще умозрительной; у Спинозы, напримѣръ, хотя этика и построена, какъ вся остальная система, "по геометрическому" методу, однако у нея есть связь съ Божествомъ: высшее нравственное поведенiе заключается здѣсь въ познанiи, въ успокоенiи души, исходящемъ изъ созерцанiя Божественнаго; высшая добродѣтель это — "интеллектуальная любовь къ Богу". Высокое значенiе придаетъ морали и Кантъ, для котораго нравственный законъ имѣетъ безусловную общеобязательность, выражаясь въ формѣ "категорическаго императива". Категорическiй императивъ не эмпириченъ, а апрiоренъ.

Ясно, что эмпиристическая этика, отвергая необходимость религiозной основы для созданiя нравственныхъ постулатовъ, не въ состоянiи объяснить той нормативности, той силы принужденiя совѣсти, которыя регулируютъ дѣйствiя человѣка. Какъ бы ни "накапливались" спенсеровскiе "опыты полезности", какъ бы ни закрѣплялись въ силу наслѣдственности, — все равно они не могутъ создать въ человѣческой душѣ настоящаго ощущенiя совѣсти и чувства раскаянiя. Построенная на началахъ личной или коллективной выгоды совѣсть уже не совѣсть, а неясное сужденiе разсудка о разумности того или иного поступка, а раскаянiе — не очищающее душу сознанiе совершеннаго зла, а скрытая боязнь личной отвѣтственности за свои дѣйствiя.

Однако, съ постепеннымъ отходомъ западнаго общества отъ христiанства, утилитаризмъ развивался и крѣпъ, несмотря на свою внутреннюю ничтожность. Поверхностному демократическому либерализму онъ какъ разъ пришелся по мѣркѣ. А рядомъ съ нимъ шло подтачиванiе христiанской морали съ двухъ сторонъ: отъ безбожнаго коллективизма соцiалистовъ и отъ крайняго индивидуализма модернистовъ,

подмѣнившихъ идею Божества собственнымъ неограниченнымъ "я". Экономическій матеріализмъ низвелъ универсальный утилитаризмъ къ утилитаризму частному, групповому, при которомъ борьба классовъ приводила къ созданію отдѣльной морали для "угнетателей" и для "угнетаемыхъ"; по существу это — типъ нравственности африканскаго людоѣда: "добро — это когда я кого-нибудь съѣмъ, зло — это когда меня съѣдятъ". Что же касается литературно-философскаго модернизма, то дружными усиліями его представителей всѣ нравственныя цѣнности были уже окончательно перетасованы: человѣкъ заступилъ мѣсто Бога, смиреніе стало порокомъ, любовь къ ближнему — зломъ, плотская невоздержанность — добродѣтелью...

И всѣ эти ученія распредѣлились по своимъ мѣстамъ въ западно-европейскомъ обществѣ: утилитаризмъ создалъ этику средняго буржуазнаго класса; экономическій матеріализмъ освятилъ озлобленіе и зависть среди рабочаго класса; эгоцентрическій модернизмъ узаконилъ самомнѣніе и презрѣніе къ нравственнымъ цѣнностямъ среди утонченныхъ представителей духовной культуры — поэтовъ, художниковъ, эстетовъ — жрецовъ современнаго культа прекраснаго.

Недаромъ эмансипированный отъ христіанства западно-европейскій обыватель уже въ прошломъ вѣкѣ вызывалъ среди нашихъ русскихъ мыслителей чувство тревоги и страха. И. Аксаковъ говорилъ, что на Западѣ "душа убываетъ", что европейское просвѣщеніе обнаруживаетъ какое-то "пустодушіе". Герценъ увидѣлъ въ наступленіи "самодержавія толпы" восходъ всеобщаго "мѣщанства". Константинъ Леонтьевъ нашелъ здѣсь "уродливое сочетаніе умственной гордости передъ Богомъ и нравственнаго смиренія передъ идеаломъ однороднаго сѣраго рабочаго". Страховъ утверждалъ, что европейская образованность ведетъ къ нигилизму, что Европа потеряла дорогу. Достоевскій ужасался при видѣ западнаго "глубочайшаго аморализма".

И съ такимъ нравственнымъ багажемъ утилитаризма, экономическаго матеріализма и модернистскаго эгоцентризма цивилизованный европеецъ перебрался въ двадцатый вѣкъ, щедро дѣлясь этими сокровищами съ отсталыми народами Востока и Юга, главнымъ образомъ, конечно, съ "недоразвитою" Россіей.

Экзистенціальная нравственность нашего времени построена уже не на принципѣ общей пользы, а на категорическомъ императивѣ личной выгоды. Эта личная выгода, дающая неисчислимое количество благъ цивилизованной жизни, руководитъ нравственнымъ поведеніемъ во всемъ: и въ отношеніи къ ближнимъ, и въ отношеніи къ своему кол-

лективу, и въ отношеніяхъ къ чужимъ народамъ. Хотя современное общество, по мнѣнію нашего философа Бердяева, "не знаетъ, во имя чего оно живетъ", однако каждый членъ этого общества хорошо знаетъ свое собственное имя; и своего имени ему достаточно, чтобы осмыслить жизнь.

Нынѣшній цивилизованный человѣкъ, дѣйствующій по принципамъ утилитаризма или экономическаго матеріализма, въ общемъ миролюбивое существо; но волнуется и негодуетъ онъ не тогда, когда самъ затронетъ чужіе интересы , а когда кто-либо посягнетъ на интересы его собственные. И миръ онъ любитъ не потому, что миръ есть нравственное общее благо , а потому, что мирная жизнь приноситъ болѣе вѣрный доходъ, равномѣрно насыщаетъ желудокъ и даетъ максимумъ комфорта и развлеченій. Такой утилитаристическій обыватель по-своему и ближняго любитъ, но любитъ не какъ себя самого, а такъ, какъ тотъ любитъ его. Любовное отношеніе къ ближнему вообще гораздо удобнѣе, чѣмъ враждебное, ибо легче приводитъ къ коопераціи и въ предпріятіяхъ чистыхъ или нечистыхъ, создаетъ благопріятныя условія для совершенія сдѣлокъ. И любовь къ обществу также проявляется у современнаго обывателя, особенно когда нужно массовыми выступленіями защитить свои профессіональныя матеріальныя требованія. Развѣ въ прежнія времена проявлялась такая мистическая соборность душъ, какъ въ нынѣшнихъ синдикатахъ? Совсѣмъ своего рода Церковь... И сейчасъ эту благостность единодушія можно встрѣтить даже въ средѣ европейскихъ профессоровъ, организующихъ забастовки вмѣстѣ съ рабочими, подчеркивающихъ общность нынѣ идеаловъ.

И въ этомъ смыслѣ Аксаковъ былъ бы въ настоящее время, пожалуй, неправъ, говоря, что у цивилизованнаго европейца наблюдается "пустодушіе". Пустоты въ современномъ обществѣ сейчасъ нѣтъ, душа у него переполнена; но, увы, переполнена не тѣми потусторонними элементами, какіе нужны были отжившей христіанской морали.

Справедливость, разумѣется, требуетъ упомянуть, что въ общей массѣ модернизованныхъ обывателей встрѣчаются и теперь отдѣльные люди и даже групповые оазисы, носящіе въ своей душѣ не только страхъ атомной бомбы, но и страхъ Божій. Не мало на Западѣ такихъ, которые и внутри ихъ Церкви и внѣ ея несутъ съ собой свѣтъ Христовъ въ разной мѣрѣ — отъ колеблющагося огня скромной свѣчи до яркаго пламени вѣры. Христіанская инерція неистребима въ тайникахъ даже тѣхъ нѣкоторыхъ душъ, кои подъ раскрашенной маской утилитаризма и простого невѣрія сохраняютъ подобіе Божье.

Но изъ подъ общей пелены цивилизованнаго чада съ трудомъ прорываются эти огни. Впереди на переднемъ планѣ всего человѣчества — многочисленный, безразличный къ высшимъ призывамъ души, самодовольный, увѣренный въ своей силѣ и мощи — среднiй Обыватель, истинный хозяинъ земли, царь и богъ, правитель, судья и палачъ. Его рѣшенiя — законъ, его суждеаiя — истина, его дѣйствiя — правда. Вокругъ этого мѣщанина на тронѣ вращается все. Въ качествѣ центра цивилизованной координатной системы онъ какъ будто бы математическiй нуль. Но отъ этого нуля отсчитывается все во всѣ стороны, съ плюсомъ и минусомъ. На него обращаются подобострастные взгляды придворныхъ льстецовъ и угодливыхъ подданныхъ. Это онъ возвеличиваетъ однихъ, повергаетъ въ ничтожество другихъ. Техники ублажаютъ жизнь его матерiальнымъ прогрессомъ, одѣваютъ въ нилонъ, освѣщаютъ неономъ, надѣваютъ на плечи въ видѣ царственной мантiи непромокаемыя пальто, охраняютъ ночной покой пробковыми стѣнами, бреютъ электрическими бритвами, съ головокружительной скоростью переносятъ съ мѣста на мѣсто по землѣ, по водѣ, по воздуху, внушая мысль, что всегда движутъ его впередъ.

Художники пишутъ для него замысловатыя картины, чтобы онъ думалъ, чтто все понимаетъ; для возбужденiя въ немъ интереса къ высшимъ идеямъ, показываютъ фокусы красокъ и линiй. Многочисленные люди пера, ставшiе людьми пишущей машинки, выстукиваютъ для него бульварные романы, захватывающiя повѣсти о половыхъ извращенiяхъ. Композиторы ублажаютъ слухъ его диссонансами, чтобы онъ, усталый отъ повседневныхъ заботъ, не уснулъ подъ баюкающiе законы гармонiи...

Гордый своей численностью на землѣ, величаво проходитъ Обыватель жизненный путь смѣной работы, питанiя, сна, развлеченiя, продолженiя рода. И непоколебимо увѣренъ, что живетъ именно такъ, какъ надо, что существуетъ ради того, ради чего призванъ существовать истинный Человѣкобогъ.

23.

РЕЛИГІОЗНО-НРАВСТВЕННЫЯ ИДЕИ ВЪ ДОРЕВОЛЮЦІОННОЙ РОССІИ.

А наряду съ ростомъ матеріализма и утилитаризма на Западѣ совсѣмъ другую картину представляла собой русская общественная мысль на протяженіи вѣка вплоть до первой Всемірной Войны.

Что касается области науки и техники, никакой обособленности между нами и Западомъ не было. Русская наука дружно сотрудничала съ западно-европейской, чутко слѣдила за ея завоеваніями; сама, въ свою очередь, обогащала общую сокровищницу своими открытіями и теоріями въ лицѣ Лобачевскаго, Менделѣева, Мечникова, Бредихина, Яблочкова, Попова, Павлова и многихъ другихъ. Вмѣстѣ съ Западомъ пережила наша научная мысль и эпоху расцвѣта и послѣдній періодъ сомнѣній и ломки старыхъ устоевъ.

Но въ области философскаго міровоззрѣнія, въ методахъ проникновенія въ истинную сущность бытія, въ построеніи общихъ идей о возможностяхъ и границахъ познанія, о смыслѣ и цѣляхъ человѣческой и міровой жизни — мы съ самаго начала пошли по своему собственному особому пути. Правда, были у насъ въ свое время модныя увлеченія Гегелемъ, Шеллингомъ, Кантомъ; по признакамъ моды наша мысль отдала дань вниманія Шопенгауэру, Ницше; многіе далеко не философскіе умы, преимущественно молодые, или съ застарѣлыми юношескими пріемами мышленнія, заразились Бюхнеромъ, Молешоттомъ, матеріализмомъ, соціализмомъ разныхъ оттѣнковъ. Но Шеллингъ и Гегель безъ остатка растворились въ православно-національномъ міровоззрѣніи Славянофиловъ и Западниковъ; канттіанцы удалились въ свои кабинеты, не получивъ живыхъ откликовъ въ широкихъ кругахъ общества; а молодыя горячія головы матеріалистовъ и соціалистовъ, не имѣя возможности вытравить въ себѣ благостность православнаго духа, изнурялись въ усиліяхъ примирить матеріализмъ съ высшими идеями любви, добра, справедливости, а въ соціализмѣ найти священную свободу личности и благородные порывы индивидуализма.

Собственныя же наши философскія теченія были вполнѣ отличны отъ западныхъ. Не только эмпиризмъ, скользящій по поверхности знанія, но даже болѣе глубокій раціонализмъ оказались несвойственными русскому духу. У насъ не создалось того благоговѣйнаго отношенія къ силамъ человѣческаго разума, какое царило на Западѣ.

Но — это не скептицизмъ, возникающій изъ разочарованія: очарованія разумомъ у насъ вообще не было. Путь къ познанію шелъ у русскихъ мыслителей не черезъ логику, не черезъ категоріи разсудка, даже не черезъ преодолѣніе антиномій чистаго разума, а черезъ непосредственное религіозное, нравственное и эстетическое воспріятіе міра.

"Умъ не есть высшая въ насъ способность, — говоритъ Гоголь. — Его должность не больше, какъ полицейская: онъ можетъ только привести въ порядокъ и разставить по мѣстамъ все то, что у насъ уже есть. Разумъ есть несравненно высшая способность... Но и онъ не даетъ полной возможности человѣку стремиться впередъ. Есть еще выше способность, имя ей мудрость, и ее можетъ намъ дать одинъ Христосъ".

У славянофиловъ И. Кирѣевскаго и А. Хомякова мы встрѣчаемъ совершенно своеобразный взглядъ на познаніе . "При познаніи истины, — утверждаетъ Кирѣевскій, — мы сами измѣняемся. Если мы не измѣняемся, не преображаемся, не растемъ духовно, то мы не можемъ познать истину. Это есть творческій актъ. Черезъ наше познаваніе ея, истина творитъ въ насъ новаго человѣка... Живыя истины — не тѣ, которыя составляютъ мертвый капиталъ въ умѣ человѣка, которыя лежатъ на поверхности его ума и могутъ пріобрѣтаться внѣшнимъ ученіемъ... Истинное познаніе — это встрѣча Бога съ человѣкомъ, когда всѣ отдѣльныя части души собираются въ одну силу, отыскивая то внутреннее средоточіе бытія, гдѣ разумъ и воля, и чувство, и совѣсть, и прекрасное и истинное, и удивительное, и желанное, и справедливое, и милосердное и весь объемъ ума сливаются въ одно живое единство..."

У Хомякова, также не признающаго обычные методы раціоналима и эмпиризма, теорія познанія имѣетъ характеръ уже не индивидуальной, а "соборной" гносеологіи. Для него отдѣльный человѣкъ не въ состояніи полностью постичь истину, такъ какъ силы его для достиженія такой высоты слишкомъ слабы. Познаніе истины доступно только совокупности мышленій, связанныхъ между собою любовью.

Само собой разумѣется, что всѣ эти взгляды Гоголя и славянофиловъ относятся къ познанію истины религіозной; но она для нихъ, какъ почти для всѣхъ дальнѣйшихъ русскихъ мыслителей, — основная, завершающая собой всѣ человѣческія исканія высшей правды, добра, красоты. У нѣкоторыхъ же къ этому познанію черезъ религіозный опытъ присоединяется и элементъ гносеологіи эстетической: для Гоголя, напримѣръ, художественное творчество отчасти есть актъ религіозный.

Высоко цѣня музыку, онъ утверждаетъ, что музыка ведетъ къ христіанству, а слѣдовательно и къ познанію Бога. По мнѣнію его, какъ и Достоевскаго "Красота спасетъ міръ".

Такимъ образомъ и для Гоголя и для славянофиловъ на одномъ только интеллектѣ, безъ основъ религіозно-нравственныхъ и эстетическихъ, ни истиннаго познанія, ни дѣйствительнаго "просвѣщенія" въ человѣческомъ обществѣ достигнуть невозможно. "Торжество ума европейскаго, — говоритъ Кирѣевскій, — обнаружило односторонность его коренныхъ стремленій, потому что при всемъ богатствѣ частныхъ открытій и успѣховъ въ наукахъ общій выводъ изъ всей совокупности знаній представилъ только отрицательное значеніе для внутренняго сознанія человѣка; при всемъ блескѣ, при всѣхъ удобствахъ наружныхъ усевершенствованій жизни, самая жизнь лишена существеннаго смысла". Близки къ этому взгляду и Ю. Самаринъ, поддерживавшій богословскіе взгляды Хомякова, и И. Аксаковъ, находившій зло не въ самихъ наукахъ, а въ самоувѣренности интеллекта, при которой исчезаетъ ощущеніе божественнаго начала въ мірѣ.

Міровоззрѣніе "западниковъ" значительно отличалось отъ взглядовъ славянофиловъ при отсутствіи у нихъ религіозной основы. Но христіанская мораль и мистическій эстетизмъ невольно руководили ихъ сужденіями о цѣнности европейской культуры. Этого было достаточно, чтобы очень часто западники совпадали въ своихъ выводахъ со славянофилами. Честно мысля, ощущая въ себѣ исканіе правды, надѣясь въ позитивизмѣ, въ завоеваніяхъ разума и въ соціальныхъ утопіяхъ обнаружить высшую справедливость человѣческой жизни, западники не находили въ жалкой дѣйствительности западнаго безрелигіознаго быта осуществленія своихъ надеждъ и мечтаній. Яркій примѣръ этой трагедіи являетъ собой Герценъ: позитивно-настроенный, соціальный идеалистъ, поборникъ свободы, защитникъ священности правъ человѣческой личности, онъ въ концѣ концовъ пришелъ къ той же оцѣнкѣ свободнаго позитивистическаго Запада, какъ и славянофилы. "Здѣсь, — говоритъ онъ, — съ мѣщанствомъ стираются личности... Все получаетъ значеніе гуртовое, оптовое, почти всѣмъ доступное... Стотысячеголовая гидра, готовая безъ разбора все слушать, все смотрѣть, всячески одѣться, всѣмъ наѣсться, — толпа сплоченной посредственности, которая все покупаетъ и потому всѣмъ владѣетъ"...

Такую же драму внутренно должны были пережить и многіе другіе наши западники, въ родѣ Бѣлинскаго и "Людей сороковыхъ годовъ". Ибо, хотя офиціально они въ своихъ мечтахъ и обходились безъ

Бога, но Богъ все-же неофиціально жилъ въ нихъ.

Вообще, если не всегда религіозный элементъ, то во всякомъ случаѣ всегда элементъ высоко-нравственный характеризуетъ теченіе русской философской мысли, пока она остается въ предѣлахъ собственнаго національнаго мышленія и не представляетъ перепѣвовъ или пересказовъ чужихъ философскихъ системъ. Сколько-нибудь значительныхъ самобытныхъ построеній раціоналистическихъ, позитивистическихъ, матеріалистическихъ и атеистическихъ русская мысль не дала. Даже нашъ соціализмъ и анархизмъ имѣли подъ собою не утилитарную основу, а въ скрытомъ видѣ христіанско-моральную, вытекающую изъ чувства высшей справедливости и изъ любви къ ближнимъ. Изслѣдователь исторіи русской философіи проф. Зѣньковскій справедливо указываетъ, напримѣръ, что въ соціалистическомъ народничествѣ, представителемъ котораго былъ Н.К. Михайловскій, борьба за индивидуальность, за "цѣлостную" правду "обнаруживаетъ глубокое духовное сродство съ религіозными построеніями другихъ русскихъ мыслителей. Позитивизмъ Михайловскаго оказываетсся лишь полупозитивизмомъ, а иногда и болѣе прямо приближается къ религіозной постановкѣ вопросовъ, только понимая религію слишкомъ моралистически и обнаруживая чрезвычайное непониманіе ея мистической стороны."

Ставя религіозное міроощущеніе въ основу всей человѣческой жизни, Л. Толстой рѣзко выступаетъ противъ современной цивилизаціи, такъ какъ она своимъ "воображаемымъ знаніемъ" уничтожаетъ первичныя потребности добра въ нашей душѣ. Доводя до крайностей опрощенія это отрицаніе цѣнностей не только матеріальной, но и осложненной духовной культуры, Толстой отвергаетъ искусство, недоступное простому народу, и даже литературу, къ которой въ очень достаточной мѣрѣ самъ былъ причастенъ.

Устанавливая свое народничество на религіозной основѣ, Толстой, какъ и славянофилы, отрицаетъ умозрительную философію и построенную на внѣшнемъ опытѣ и на логическихъ умозаключеніяхъ науку. По его мнѣнію, наука обходитъ главный предметъ изслѣдованія и сосредотачиваетъ вниманіе на побочномъ и неважномъ. "Наука и философія, — говоритъ онъ, — трактуютъ о чемъ хотите, но только не о томъ, какъ человѣку самому быть лучше".

По мнѣнію Достоевскаго, "цивилизація вырабатываетъ въ человѣкѣ только многосторонность ощущеній и ничего больше". Эта многосторонность не углубляетъ человѣка, а дѣлаетъ его болѣе поверхностнымъ, мелкимъ, и "внѣ христіанства не въ силахъ справиться съ тѣми

трудностями, которыя сама же и создаетъ“. Достоевскому, питавшему священную мечту о томъ, что русскій народъ ”богоносецъ“ своимъ православнымъ міроощущеніемъ спасетъ Западъ отъ гніенія, а вмѣстѣ съ Западомъ и все человѣчество, былъ глубоко чуждъ раціонализмъ и глубоко отвратителенъ позитивизмъ, а тѣмъ болѣе матеріализмъ.

Владиміръ Соловьевъ въ нынѣшней цивилизаціи тоже видитъ “полное и послѣдовательное отпаденіе человѣческихъ природныхъ силъ отъ божественнаго начала, стремленіе на самихъ себѣ основать зданіе вселенской культуры.” Крушеніе раціонализма въ этой цивилизаціи, по его мнѣнію, основано на противорѣчіи между относительной природой разума и его безусловными притязаніями”.

Въ общемъ, приматъ религіознаго начала надъ умозрительнымъ, недовѣріе къ способности науки постичь суть бытія — характеризовали всѣ основныя теченія русской философской мысли прошлаго вѣка. Таковой оставалась наша философія и въ нынѣшнемъ вѣкѣ, до катастрофы семнадцатаго года, таковой остается и до сихъ поръ въ находящихся внѣ родины лучшихъ своихъ представителяхъ. Ни зараженная позитивизмомъ либеральная интеллигенція, ни заболѣвшіе марксистскимъ псевдо - научнымъ атеизмомъ лѣвые круги общества не могли расшатать стержня нашей религіозно - философской традиціи. Наоборотъ, даже нѣкоторые видные соціалисты, въ родѣ П. Струве, стали смѣнять свои “вѣхи”. Религіозно-философскимъ исканіемъ христіанской правды и истины проникнуты Розановъ, Булгаковъ, Трубецкой, Вышеславцевъ, Зѣньковскій; примыкаютъ къ нимъ по идеалистическому міроощущенію идеалъ-реалисты Лосскій и Франкъ, трансцендентальный интуитивистъ И. Ильинъ, трансцендентальный идеалистъ Степунъ...

И тяжкіе эмигрантскіе годы не только не ослабили, но, наоборотъ, еще болѣе укрѣпили связь русскихъ мыслящихъ людей съ Богомъ.

24.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ПАРАДОКСЪ.

Поверхностный критикъ могъ бы упрекнуть русскую философію въ скромности ея построеній при сравненіи съ такими грандіозными системами Запада, какъ "Этика" Спинозы, "Критика Чистаго Разума" Канта, или "Феноменологія Духа" и "Логика" Гегеля. Между тѣмъ подобное мнѣніе было бы неосновательнымъ. Ученіе Кирѣевскаго объ измѣненіи познавающаго субъекта при познаваніи истины или "Соборная гносеологія" Хомякова могли бы вырасти въ величавыя съ внѣшней стороны философскія схемы, если бы ихъ подвергнуть всесторонней логической разработкѣ. Но отъ обилія логики религіозно-философскія утвержденія только теряютъ свою жизненность. Гораздо ближе логики стоятъ къ нимъ родственныя религіи области, тоже ирраціональныя по своему существу: нравственное самосознаніе и соединенное съ нимъ художественное творчество.

И вотъ почему наша классическая литература въ своихъ лучшихъ проявленіяхъ пронизана нравственно-религіозной настроенностью. Гоголь, Достоевскій, Толстой были въ одно и то же время и мыслителями и художниками. Мыслителями не въ рамкахъ интеллекта, при которомъ эстетизмъ увядаетъ, а въ планѣ ирраціональномъ, въ которомъ художественное творчество пріобрѣтаетъ особую силу.

Западная литература уже давно, съ начала прошлаго вѣка, отдѣлена не только отъ Церкви, но отъ религіи вообще, отъ нравственности и отъ святости служенія искусству. Постепенно затоплявшіе Европу позитивизмъ, матеріализмъ и атеизмъ успѣшно дѣлали свое дѣло. Если же у нѣкоторыхъ авторовъ и проявлялись высокія моральныя чувства и даже своего рода мистицизмъ, то это было только инерціей прошлой христіанской традиціи.

Но русская литература оставалась вѣрной себѣ до самой революціи. Даже въ первые два десятилѣтія нынѣшняго вѣка, когда маклеры книжнаго рынка въ цѣляхъ увеличенія революціоннаго урожая импортировали къ намъ навозное удобреніе западнаго эгоцентризма и переоцѣнки добра и зла, — наиболѣе значительные наши писатели, какъ Чеховъ, Мережковскій, Бунинъ, Купринъ — оставались вѣрными русскимъ христіанско-моральнымъ завѣтамъ. Даже символисты, во главѣ съ Вячеславомъ Ивановымъ, позаимствовавъ свой символизмъ у Запада, придали ему въ вычурныхъ формахъ и въ нарочито путаной фра-

зеологіи религіозный характеръ, являя въ своихъ произведеніяхъ примѣръ своеобразнаго православнаго эстетическаго юродства.

А наряду съ прозой и наша поэзія, начиная съ Державина, и даже съ Ломоносова, до самыхъ послѣднихъ временъ проявляла религіозно-нравственную устремленность. Пушкинъ, котораго нѣкоторые ошибочно считаютъ равнодушнымъ къ религіи, не ощущая Бога въ душѣ не могъ бы написать "Пророка", не могъ бы съ вдохновеніемъ говорить: "Туда бъ въ заоблачную келью, въ сосѣдство Бога скрыться мнѣ". А какъ проникновенны слова Лермонтова въ "Молитвѣ", приводящей очищенную душу къ состоянію: "И вѣрится и плачется, и такъ легко, легко..." И какъ глубоко-религіозно его созерцаніе природы, при которомъ "И счастье я могу постигнуть на землѣ и въ небесахъ я вижу Бога".

Баратынскій говоритъ въ своей "Молитвѣ":

"Царь небесъ! Успокой
Духъ болѣзненный мой,
Заблужденій земли
Мнѣ забвенье пошли,
И на строгій Твой рай
Силы сердцу подай."

У Батюшкова находимъ:

"Мой духъ! Довѣренность къ Творцу!
Мужайся, будь въ терпѣньи камень...
Кто велъ меня отъ юныхъ дней
Къ добру стезею потаенной?
И въ бурѣ пламенныхъ страстей
Мой былъ Вожатый неизмѣнный!
Онъ, Онъ! Его все даръ благой!"

Въ "Пѣснѣ бѣдняка" Жуковскій выражаетъ религіозное смиреніе русскаго человѣка:

"О, мудрый Богъ! Не вовсе-жъ я
Тобою позабытъ;
Источникъ милости Твоей
Для всѣхъ равно открытъ...
И знаю: будетъ добрымъ пиръ
Въ небесной сторонѣ,
Тамъ буду праздновать и я,
Тамъ мѣсто есть и мнѣ."

Поэтъ Языковъ пишетъ подражанье псалму: "Кому, о Госпо-

ди, доступны твои сіонски высоты?" Федоръ Глинка "въ дали, какъ въ дивномъ снѣ, услышалъ Бога въ тишинѣ". Пѣвецъ "Бездны" Тютчевъ видитъ Бога и за пеленою природы, и въ глубинѣ человѣческихъ душъ, и въ жизни родного народа. Наступитъ-ли конецъ естества, все зримое опять покроютъ воды — и "Божій ликъ изобразится въ нихъ"; волнуютъ ли страдальческую грудь страсти, "душа готова, какъ Марія, къ ногамъ Христа навѣкъ припасть"; наблюдаетъ ли взоръ поэта бѣдныя селенія и скудную природу родного края, онъ видитъ здѣсь присутствіе Божье: "Удрученный ношей крестной, всю тебя, земля родная, въ рабскомъ видѣ Царь небесный исходилъ благословляя..."

А въ наше время Д. Мережковскій, прошедшій по многимъ зигзагамъ исканія божественной правды, обращается къ Богу съ молитвой:

Боже, дай намъ избавленья,
Дай свободы и стремленья,
Дай веселья Твоего.
О, спаси насъ отъ безсилья,
Дай намъ крылья, дай намъ крылья,
Крылья Духа Твоего."

И Бунинъ, при золотомъ иконостасѣ заката видящій ходящую по взгорьямъ Богоматерь, молится въ своей "Псалтыри":

"Да возрадуетъ духъ мой Господь,
Въ свѣтъ и жизнь облечетъ мою плоть..."

Переходя отъ литературы къ другимъ областямъ русскаго художественнаго творчества, мы видимъ то же присутствіе религіозныхъ и нравственныхъ основъ. Живопись, помимо прямыхъ сюжетовъ религіозно-церковнаго характера, и въ темахъ пейзажныхъ и въ темахъ обычнаго быта, — производитъ очищающее духовное дѣйствіе, что является главной внутренней цѣлью искусства. И классическая музыка наша всегда духовно-значительна, никогда не спускаясь до легкаго развлекательнго жанра. Не на опереттахъ, а на православной церковной музыкѣ отдыхали въ своемъ творчествѣ нѣкоторые великіе наши композиторы.

Въ общемъ, если не считать временнаго болѣзненнаго увлеченія незначительной части русскаго общества футуризмомъ, кубизмомъ и прочими новинками Запада въ началѣ настоящаго вѣка, то въ общей основѣ своей всѣ виды духовной культуры оставались у насъ почти незатронутыми западнымъ развалomъ высшихъ цѣнностей. Не было замѣтно и рѣзкаго паденія нравовъ въ частной и общественной жизни.

Передъ трагической для насъ великой войной и во время нея, нашу прекраснодушную интеллигенцію волновали не вопросы наживы и военныхъ поставокъ, а задачи идеологическаго и моральнаго порядка: счастье народа, общинное хозяйство или отруба, полное раздѣленіе власти законодательной и исполнительной, помощь угнетеннымъ народамъ...

И, вдругъ, небывалый, жестокій исторический парадоксъ: за весь моральный и религіозный индифферентизмъ Запада, за весь его атеизмъ, позитивизмъ, утилитаризмъ, за весь упадокъ творчества, за все безпросвѣтное духовное мѣщанство — расплатился не онъ самъ, а мы: Россія.

Оказалось, что Господь Богъ покаралъ не страну, давшую міру Карла Маркса и Энгельса, не государства, породившія Бюхнера, Молешотта, Штирнера, Ренана, Давида Штраусса, Ницше, а нашу землю, взростившую Гоголя, Достоевскаго, Толстого и Славянофиловъ.

Разумѣется, были кое въ чемъ и мы грѣшны, особенно послѣ шестидесятыхъ годовъ: базаровщина съ ея загробнымъ лопухомъ; бѣсы соціалистическіе и бытовые, начиная отъ крупныхъ бѣсовъ Достоевскаго и кончая мелкими бѣсами Сологуба; настроенія въ лѣвыхъ кругахъ, при которыхъ приверженность къ Церкви считалась признакомъ дурного тона; деморализація народа въ дни революціи, когда "богоносецъ" въ своей душѣ смѣнилъ Бога дьяволомъ. Быть можетъ, до нѣкоторой степени были виновны и сами Гоголь, Славянофилы и Достоевскій въ излишней національной гордынѣ, въ самолюбованіи русскимъ духомъ, внушая общественной мысли особую мессіанскую мегаломанію.

Но что это все въ сравненіи со всеобщимъ духовнымъ растлѣніемъ Запада тѣхъ же временъ?

25.

НЕ ПРИЗВАНІЕ, А ЗАВОЕВАНІЕ.

Среди многочисленныхъ европейскихъ недоброжелателей исторической Россіи существуетъ распространенное мнѣніе, что большевизмъ — специфически русское явленіе, что онъ могъ осуществиться только на русской землѣ, у народа, который легко покоряется всякой деспотической власти.

Мы не знаемъ, что случилось бы съ Западомъ, если бы безъ помощи русской арміи онъ развалился подъ натискомъ нѣмцевъ и испыталъ хаосъ революціи. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что къ воспріятію коммунистической власти онъ былъ гораздо болѣе подготовленъ матеріалистической идеологіей общества, безрелигіозностью, утилитаристической моралью, высоко развитой промышленностью и обожествленіемъ машинной культуры.

Нужно-ли было бы тогда западнымъ большевикамъ-коммунистамъ яростно бороться съ религіей, воздвигать гоненіе на Церковь, истреблять и подвергать истязаніямъ священнослужителей, которые въ настоящее время сами добровольно наполовину состоятъ въ соціалистахъ? И нужно-ли было бы богоборцамъ организовывать кадры воинствующихъ безбожниковъ для антирелигіозной пропаганды, издавать спеціальные журналы, выпускать въ свѣтъ брошюры для борьбы съ мистическимъ опіумомъ для народа?

И безъ нихъ уже было достаточно для воспріятія марксизма готовыхъ обывателей, равнодушныхъ къ Богу; и безъ нихъ большинство западныхъ гражданъ учили своихъ дѣтей, что за дурныя дѣла наказываетъ не Богъ, а полиція, что въ этой жизни гораздо веселѣе опьяняться не религіознымъ опіумомъ, а краснымъ виномъ.

И національзація промышленныхъ предпріятій прошла бы у нихъ болѣе гладко, такъ какъ и безъ революціи Западъ самъ пошелъ по этому замѣчательному пути и расплодилъ на заводахъ и фабрикахъ сотни чиновниковъ тамъ, гдѣ раньше съ работой управлялись десятки простыхъ служащихъ.

И воспѣваніе машинной техники, и преклоненіе передъ пылесосами и тракторами не нужно было бы насаждать при помощи государственной изящной литературы, такъ какъ у западнаго обывателя безъ всякой пропаганды при видѣ всѣхъ такихъ достиженій уже сама по себѣ восторженно поетъ душа.

Вотъ, единственно съ чѣмъ пришлось бы серьезно бороться коммунизму на Западѣ, это — съ чувствомъ собственности, съ жестокимъ сопротивленіемъ населенія экспропріаціямъ коровъ, лошадей, ложекъ, вилокъ, простынь и денежныхъ сбереженій, запрятанныхъ подъ тюфякомъ. На этой почвѣ могла бы возникнуть даже гражданская война; ложки и вилки, быть можетъ, создали бы свое собственное западное ”бѣлое движеніе“. Но, возможно, что легко достигнувъ соглашенія съ населеніемъ по всѣмъ остальнымъ вопросамъ, правители-коммунисты пошли бы на компромиссъ и оставили бы гражданамъ ихъ мелкую частную собственность, выговоривъ взамѣнъ болѣе непримиримое отношеніе къ Богу — Отцу, къ Сыну и къ Святому Духу.

Все это было бы такъ, если бы въ результатѣ великой войны вмѣсто Россіи рухнулъ и впалъ во временную анархію Западъ. При помощи германскаго генеральнаго штаба коммунистическій Интернаціоналъ избралъ бы для опытнаго поля свои собственные народы, порожденіемъ которыхъ онъ былъ. И въ такомъ образованіи ”Союза Западныхъ Соціалистическихъ Совѣтскихъ Республикъ“ была бы своя логическая, психологическая и историческая правда. Вѣдь опытъ полнаго закабаленія духа, съ регламентаціей мнѣній, чувствъ и желаній, Западъ уже пріобрѣлъ въ Средневѣковьи на протяженіи почти тысячи лѣтъ во времена папской власти. Методы насильственнаго коммунизма вполнѣ сродни методамъ воинствующаго католицизма. Не даромъ Достоевскій утверждалъ, что политическій соціализмъ есть ”не что иное, какъ лишь вѣрнѣйшее и неуклонное продолженіе католической идеи, самое полное и окончательное завершеніе ея, роковое ея послѣдствіе, выработавшееся вѣками”.

Это проникновеніе въ истинную сущность соціализма было у Достоевскаго поистинѣ геніальнымъ, такъ какъ самъ онъ не испыталъ воплощенія коммунизма въ жизнь, а только предвидѣлъ. Между тѣмъ, какой, въ самомъ дѣлѣ, жуткій параллелизмъ обнаружила коммунистическая власть съ папской властью, когда та была и церковной и свѣтской одновременно!

Различіе между той и другой — только формальное: католицизмъ считалъ всякое насиліе дозволеннымъ, ради принудительнаго Царствія Божьяго; коммунизмъ точно также увѣренъ въ священномъ характерѣ своихъ насилій надъ человѣческой личностью во имя земного рая народовъ.

И сколько страшныхъ другихъ параллелей! Терроръ инквизиціи тогда и терроръ ”государственной безопасности“ теперь. Пытки, казни

— тамъ. Пытки, казни — здѣсь. И суды надъ Галилеемъ, надъ Джордано Бруно подобные судамъ надъ совѣтскими учеными, уклоняющимися отъ догматовъ экономическаго матеріализма, отъ діалектическаго метода. И даже существованіе въ обоихъ случаяхъ Великихъ Инквизиторовъ: однихъ — дѣйствующихъ во имя Христа и ненавидящихъ Его; другихъ — работающихъ ради обожествленнаго народа и презирающихъ все человѣчество...

Аналогія, усмотрѣнная Достоевскимъ между историческимъ католицизмомъ и нынѣшнимъ соціализмомъ, углубляется сейчасъ и наличіемъ въ коммунизмѣ мистическаго фанатизма, своего рода извращенной религіозности. Большевицкая ярость въ борьбѣ противъ всѣхъ религій на захваченной ими территоріи явно указываетъ, что они не просто атеисты, что ихъ гоненія на вѣру — не только гоненія, но дѣйствительная религіозная война. Коммунизмъ — не обычное соціологическое ученіе, а фанатичная вѣра въ осуществленіе радости земного бытія, безъ безсмертія души, безъ загробнаго существованія, при наличіи единственнаго бога - человѣка, всемогущаго, всезнающаго, непобѣдимаго, возсѣдающаго на тронѣ — машинѣ, въ ореолѣ излученій ослѣпительной техники. Коммунизмъ, какъ крайняя степень соціализма, съ его догматикой земного счастья, отчасти близокъ къ садуккеямъ, также отрицавшимъ и безсмертіе души, и воскресеніе мертвыхъ, и существованіе высшихъ духовъ и ангеловъ. Нѣтъ сомнѣнія, что по этой причинѣ, помимо соображеній національнаго освобожденія, евреи такъ охотно и въ такомъ замѣтномъ количествѣ примкнули къ большевикамъ. Только впослѣдствіи правое крыло евреевъ-марксистовъ отшатнулось отъ коммунистовъ и даже стало искреннимъ ихъ врагомъ, когда совѣтская власть путемъ разбойной жестокости стала создавать рай на землѣ, взращивая свое Древо Жизни на трупахъ замученныхъ и поливая его кровью невинныхъ.

Такимъ образомъ, отвѣтственъ ли русскій народъ за насаждаемую на его землѣ чуждую тактику, заимствованную у средневѣковаго католицизма? Приходъ коммунистическаго Интернаціонала въ Россію былъ не приходомъ варяговъ, не исторической формой призванія, а типомъ обманнаго завеванія при помощи троянскихъ коней свободы и равенства. Въ первой великой войнѣ Россія была не побѣждена, а истощена. И коммунистическій вирусъ, въ латентномъ видѣ пребывавшій въ Европѣ, бросился именно въ нашу страну, ибо во всѣхъ войнахъ — горе не только побѣжденнымъ, но горе и истощеннымъ.

Не будемъ въ данномъ историческомъ планѣ разсматривать

гибельное заболѣваніе Россіи мистически — какъ наказаніе Божіе за грѣхи, или, наоборотъ, какъ избранничество многострадальнаго Іова. Но нужно имѣть очень мало честности, или очень мало освѣдомленности, или, наконецъ, очень мало логической способности мышленія, чтобы считать воинствующій коммунизмъ явленіемъ русскаго происхожденія.

"Нашъ русскій кровавый хаосъ, — писалъ еще въ 1922 году Евг. Трубецкой, — представляетъ собою лишь обостренное проявленіе всемірной болѣзни, а потому олицетворяетъ опасность, нависшую надо всѣми... Не подлежитъ сомнѣнію — болѣзнь эта есть. Вся міровая культура поражена недугомъ, который грозитъ стать смертельнымъ..."

26.

БОЛЬШЕВИЗМЪ ВЪ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦІИ.

Что же это за недугъ, которымъ поражена міровая культура?

Десятилѣтія, истекшія со времени нашей революціи, ясно показали, что подобнымъ недугомъ является не что иное, какъ морально-психологическій большевизмъ, охватившій собою весь цивилизованный міръ.

Коммунизмъ, какъ крайнее матеріалистичекое соціальное ученіе, самъ по себѣ еще не есть большевизмъ въ полномъ объемѣ. Это только его политико-экономическая часть, только теоретическая схема. Самъ же большевизмъ шире, многообразнѣе, включаетъ въ себя и тактику коммунизма, и его мораль, и извращенно-религіозный фанатизмъ и своеобразный способъ мышленія.

Въ большевизмѣ, какъ въ фокусѣ, перекрестились всѣ линіи упадка, по которымъ скользили къ своему вырожденію различныя области обще-европейской культуры: теоретическая наука, философія, литература, искусство, религія, этика.

Если теоретическая физика въ своихъ перестройкахъ дошла до того, что стала отрицать примѣнимость классической логики къ истолкованію міра безконечно-малаго, или безконечно большого, то почему придерживаться этой логики при построеніи сверхчеловѣческаго рая на землѣ? Если жизнь опровергаетъ коммунизмъ, то, быть можетъ, ошибочна сама жизнь, а не коммунизмъ? Вѣдь, говорилъ же Гегель про случаи противорѣчившіе его системѣ феноменологіи Духа: "Тѣмъ хуже для фактовъ".

И если со временъ Лобачевскаго и Римана классическіе постулаты геометріи Евклида могутъ подвергаться сомнѣнію, и изъ точки внѣ прямой возможно построить къ этой прямой не одну параллельную, а цѣлый пучекъ, и назвать все это метагеометріей, то почему нельзя въ метасоціализмѣ планировать жизнь не однимъ планомъ, а нѣсколькими, исключающими другъ друга?

И если въ мірѣ Минковскаго или Эйнштейна пространство смѣшивается со временемъ, если и то и другое относительны другъ къ другу, и вселенная конечна, и скорости имѣютъ предѣлъ, то почему не имѣть смѣлости на соціальномъ опытѣ примѣнять эти идеи и не считаться ни съ временемъ, ни съ пространствомъ?

Ничто такъ не расшатываетъ уваженія къ отвлеченной наукѣ, какъ ея модныя увлеченія, вытекающія изъ своего рода снобизма. Въ ограниченныхъ обывательскихъ умахъ подобныя явленія вызываютъ только злорадство и пренебреженіе. И психологическій большевизмъ именно на этой почвѣ пренебреженія къ наукѣ пріобрѣтаетъ свой ростъ.

Еще больше снисходительнаго равнодушія вызываютъ къ себѣ, помимо наукъ физическихъ и математическихъ, науки о живыхъ организмахъ и о явленіяхъ психики. Вырожденіе теоріи Дарвина, безплодныя попытки біологіи заключить въ прочныя рамки теорій жизненные процессы въ природѣ; неудовлетворительность методовъ самонаблюденія и эксперимента въ психологіи; окончательное превращеніе біологіи и психологіи въ практическую область медицины, иногда очень полезной для терапіи тѣла, иногда весьма сомнительной для лѣченія духа. Все это оскудѣніе теоретической науки повышаетъ невѣжественнаго обывателя въ его собственныхъ глазахъ, вызываетъ недовѣріе ко всякаго рода научнымъ теоріямъ. И неудивительно, что совѣтская власть, въ полной степени выявляя свой психологическій большевизмъ, съ такимъ презрѣніемъ относится и къ своей Академіи наукъ, и вообще къ своимъ ученымъ, иногда просто путемъ декрета приказывая, какихъ теорій имъ придерживаться, какъ, напримѣръ въ селекціонной исторіи съ Сѣмашкой.

Не обладая политической властью, западный большевизмъ, конечно, лишенъ возможности "декретировать" ту или иную теорію; но въ болѣе мягкой формѣ все же сказывается онъ въ тѣхъ случаяхъ, когда молодымъ начинающимъ ученымъ ради академической карьеры приходится примыкать въ физикѣ и въ астрономіи къ "эйнштейнистамъ", а въ психологіи и въ психопатологіи къ "фрейдистамъ". Главный же признакъ большевизаціи западнаго общественнаго мнѣнія по отношенію

къ научной и философской мысли наблюдается въ томъ, — съ какимъ равнодушіемъ взираетъ Западъ на насилія совѣтской власти надъ изслѣдовательской мыслью русскихъ ученыхъ и надъ всякой попыткой ихъ преодолѣть офиціально-казенныя рамки діалектическаго матеріализма.

Гдѣ протесты западныхъ ученыхъ, самихъ боящихся выйти изъ подъ ига принудительной моды на эйнштейнизмъ? И кто изъ западныхъ представителей философіи рѣшительно поднялъ голосъ противъ полнаго подавленія свободы философской мысли въ Совѣтскомъ Союзѣ?

Полное презрѣніе коммунистической власти къ литературному творчеству низвело совѣтскую литературу на уровень особаго рода промышленности при осуществленіи "соціальныхъ заказовъ". Творческая фантазія регламентируется государствомъ, темы и ихъ разработка санкціонируются и регулируются въ предѣлахъ генеральной линіи партіи. А слышны-ли съ Запада негодующіе протесты жрецовъ литературы, искусства и музыки? Находясь подъ неограниченной властью верховнаго массоваго обывателя, тоже безрелигіознаго, тоже утилитарно настроеннаго, западные представители всѣхъ видовъ художественнаго творчества, сами того не сознавая, невольно выполняютъ соціальный заказъ своей соціальной среды, безропотно повинуясь непререкаемымъ вкусамъ толпы, рабски слѣдуя генеральной линіи моды. Въ совѣтскомъ насиліи надъ творческимъ духомъ есть все же стержень извращенной мистики построенія земного рая; въ западномъ же обывательскомъ регламентѣ творчества нѣтъ даже этого. Совѣтскіе рабы-авторы для успѣха у своей власти должны проводить все-таки какую-то идею: обоготвореніе машинной культуры; западные же авторы, рабы безрелигіознаго и безидейнаго общества, лишены вообще всякихъ идей, снижая литературу до степени пустого развлеченія, изображенія половыхъ извращеній и эгоцентрическихъ аморальныхъ характеровъ.

Большую роль въ психологической большевизаціи Запада сыгралъ, помимо общаго паденія вкусовъ и нравовъ, чрезмѣрно-развитый профессіонализмъ въ различныхъ областяхъ духовной культуры. Начиная со священнослужителей и кончая барабанщикомъ въ оркестрѣ джаза, подавляющее большинство смотритъ на свою спеціальность не какъ на призваніе, не какъ на выполненіе нравственнаго долга, не какъ на священное умноженіе таланта, свыше полученнаго въ даръ, а просто какъ на выгодное устройство карьеры, какъ на средство къ достиженію матеріальнаго благополучія и къ удовлетворенію тщеславія.

Начинающій свою дѣятельность на этихъ практическихъ основахъ священнослужитель пользуется Господомъ Богомъ, какъ трампли-

номъ для прыжка въ разрядъ высшей іерархіи своего исповѣданія; его молитвы передъ престоломъ Всевышняго — декламація, его поучительныя слова передъ паствой — ораторскія упражненія. Отъ частаго механическаго соприкосновенія съ Богомъ душа его натираетъ объ Бога мозоль и окончательно перестаетъ ощущать Его присутствіе въ мірѣ. И пастырская дѣятельность его изъ конфессіональной превращается въ профессіональную.

Точно такая же картина наблюдается и въ области художественнаго творчества. Профессіонализмъ, основанный только на претензіи, а не на дарованіи, вытекающій не изъ способности къ вдохновенію, а изъ призывовъ тщеславія, производитъ огромные кадры дѣльцовъ, смотрящихъ на свою дѣятельность не какъ на священную жертву Аполлону, а какъ на статью дохода жреца; дѣльцовъ, прислушивающихся не къ звукамъ небесъ, а къ отзывамъ публики, стремящихся къ общенію не съ музами, а съ литературными и художественными критиками. Общность ихъ интересовъ создаетъ не своего рода эстетическую Церковь, въ которой общаются они во имя красоты бытія, а образуютъ кружковщину, въ которой каждый кадитъ всѣмъ во имя личнаго блага. И какое количество безталанныхъ, ненужныхъ! Вокругъ — перепроизводство ремесленныхъ цѣнностей, цѣлый паноптикумъ странныхъ произведеній, имѣющихъ не законченный видъ организмовъ, а безформенныхъ чудищъ: картины, скульптуры, партитуры, романы... И какая злоба къ соперникамъ! Зависть въ каждомъ взорѣ. И при непризнаніи — какъ оскорбленное самолюбіе драпируется въ презрѣніе къ толпѣ, хотя эта толпа и есть ихъ единственный Богъ!

А какъ близокъ къ большевизму тотъ явный и скрытый цинизмъ, какой царитъ среди западныхъ представителей духовныхъ началъ. Все высшее дѣлается не цѣлью, а средствомъ. Творчество подмѣняется техникой. Обѣщающій художественную правду осуществляетъ ее при помощи завѣдомой лжи. Пытающійся убѣдить въ чемъ-то другихъ, самъ ни въ чемъ не убѣжденъ. Профессіонально парящій въ высотахъ не обладаетъ крыльями; профессіонально зовущій впередъ, самъ равнодушно остается на мѣстѣ, не вѣря въ смыслъ своего зова. И удивительно-ли, что когда у насъ, на востокѣ, большевизмъ сталъ топить въ рѣкахъ крови всѣ цѣнности духа, когда распинать начали не тѣло Христово, а всѣ излученія Его, создавшія въ цивилизованномъ мірѣ примѣры истины, красоты и добра, — этотъ цивилизованный міръ равнодушно взиралъ на подобное уничтоженіе высшей культуры?

Молчало въ подавляющей массѣ своей западное общество, са-

мо пронизанное психологическимъ большевизмомъ. Не поднимало голоса духовенство, из-за своихъ религіоныхъ мозолей не ощущавшее новыхъ ранъ на вновь распятомъ Христѣ; не слышалось громовыхъ словъ проповѣдниковъ, сердца которыхъ молчали вмѣстѣ съ осторожнымъ языкомъ; не разражались священнымъ негодованіемъ служители музъ, при видѣ подавленія свободнаго творчества, при превращеніи литературы, искусства и музыки въ область фабрично-заводского хозяйства...

Наоборотъ, — за исключеніемъ рѣдкихъ отдѣльныхъ группъ и людей, Западъ со снисходительнымъ вниманіемъ отнесся къ кровавому опыту коммунизма въ Россіи, ожидая отъ него плантацій райскихъ древесъ Жизни и новаго слова, которое приметъ характеръ всемірнаго Логоса. Несмотря на звѣрское истребленіе духовенства въ Россіи, западные священнослужители на конференціяхъ пожимали руки московскимъ безбожникамъ; не глядя на подавленіе коммунистами свободы творчества, западные эстеты — футуристы, кубисты, и символисты привѣтствовали своихъ футуристическихъ русскихъ товарищей съ радостнымъ ихъ переходомъ подъ высокую художественную руку Москвы.

А, между тѣмъ, какой гулъ негодованія и какая буря протеста охватила бы западный міръ, если бы въ результатѣ революціи въ Москвѣ появился какой-нибудь фанатичный неуравновѣшенный царь, сковавшій народную жизнь по методу средневѣковаго католицизма, декретировавшій каждый шагъ гражданина, подчинившій своей волѣ своихъ приближенныхъ каждую личную мысль, каждое личное желаніе, каждое личное творчество подданныхъ! Навѣрно не выдержалъ бы Западъ такого попранія священныхъ свободъ, ополчился бы всей своей мощью, и, быть можетъ, объявилъ бы новый крестовой походъ. Безъ эмблемы креста, разумѣется.

А противъ большевиковъ — нигдѣ ничего. Все тихо и мирно. Нѣтъ Петровъ Амьенскихъ. Нѣтъ Ричардовъ Львиныхъ сердецъ.

Потенціальный большевизмъ Запада обнаружилъ свое полное сродство съ кинетическимъ большевизмомъ Россіи.

27.

ПРОЦЕНТЫ НА КАПИТАЛЪ МАРКСА.

Ясно, что при такой психологической близости Запада къ совѣтской Москвѣ коммунистическая власть быстро стала укрѣпляться, получая политическое признаніе со всѣхъ сторонъ. Демократическіе народы, обожествляющіе священные права человѣка, свободы личности, слова, печати, собраній, вѣрованій, стачекъ и творчества, — при содѣйствіи масоновъ, христіанскихъ жрецовъ средневѣковаго типа и модернистовъ-эстетовъ охотно пошли навстрѣчу новому небывалому строю, отрицающему и права человѣка, и свободы всяческихъ видовъ — отъ вѣрованій до стачекъ включительно.

Но въ результатѣ обнаружилось нѣчто неожиданное, нѣчто тревожное: получивъ большевизмъ изъ Европы, Москва съ такой энергіей развила производство этихъ новыхъ идей, что сама съ благодарностью стала экспортировать заграницу фабрикаты своей экспансивной идеологіи.

Огромный потенціалъ большевизма въ Москвѣ и малый потенціалъ его въ западныхъ странахъ при своей разности создалъ такую электродвижущую силу, что коммунистическіе токи высокаго напряженія мощно двинулись на Европу и на изоляціонистскіе Соединенные Штаты.

Эти московскіе токи, при соотвѣтственныхъ трансформаторахъ, коммутаторахъ и изоляторахъ могли свободно давать Западу новый коммунистическій свѣтъ на какое угодно количество уаттъ; зажигать въ людяхъ новыя машинныя чувства, желанія, мысли; конденсировать рабочія массы въ выступленіяхъ противъ патроновъ; создавать аккумуляторы для питанія національной и классовой розни.

Прошло около двадцати лѣтъ между первой великой войной и второй. И какъ сказалось на Западѣ это вліяніе! Въ отдѣльности ни позитивизмъ, ни теоретическій матеріализмъ, ни равнодушный къ Богу атеизмъ, ни практическій утилитаризмъ, ни модернизмъ съ эгоцентризмомъ и нигилизмомъ за сто лѣтъ — не могли довести Европу и Америку до того моральнаго уровня, до какого онѣ дошли за двадцать лѣтъ психологическаго и политическаго общенія съ совѣтской Москвой.

Вторая міровая война была уже не просто войной. Это уже не блужданія армій по землѣ и флотовъ по водамъ. Это не опустошенныя тропы прохода вражескихъ войскъ, которыя можно опредѣлить только

на картахъ съ крупнымъ масштабомъ. Это не войны Наполеона, Валленштейна, Цезаря, Помпея, Александра Македонскаго, Ксеркса и Дарія... Это вообще не война, а большевицкое массовое истребленіе людей, съ презрѣніемъ къ народамъ и къ личности, съ превращеніемъ цѣлыхъ странъ въ голодный концентраціонный лагерь, съ пытками населенія въ подвалахъ-убѣжищахъ, съ уничтоженіемъ городовъ и памятниковъ духовной культуры. Это примѣръ того, какъ передовые большевики съ авіоновъ въ Средней Азіи истребляютъ саранчу.

Психологическій большевизмъ создалъ Хитлера. Съ его закабаленіемъ личности во имя безбожнаго государства, съ его раздѣленіемъ подданныхъ на чистыхъ и на нечистыхъ, только не по совѣтскому признаку класса, а по націоналъ-соціалистическому признаку расы. Тѣ же черты языческаго отталкиванія отъ христіанскаго міроощущенія, отъ христіанской морали. И во главѣ — тотъ же обоготворенный безстыдно-красующійся Вождь, Отецъ народовъ, великій по власти, вездѣсущій со своею пятою, всевѣдущій со своимъ Гестапо, подобіемъ ГПУ...

Вполнѣ воспріявшій совѣтскую тактику расправы съ вредными для него элементами, хитлеровскій большевизмъ уничтожалъ евреевъ въ газовыхъ камерахъ, какъ московскій большевизмъ ликвидировалъ въ своихъ камерахъ не газомъ, а пулей — офицеровъ, буржуазію, духовенство. И онъ же, большевизмъ Хитлера, при завоеваніи Россіи обрекалъ населеніе на голодъ и на нищету точно такъ же, какъ сами большевики при захватѣ Россійскаго государства создали голодъ и нищету на всемъ протяженіи покоренной Имперіи.

Но, все-таки, гордость этимъ однимъ своимъ германскимъ ученикомъ была бы для коммунистической Москвы неполной, если бы западныя союзныя державы сами тоже не проявили со своей стороны подражанія Москвѣ и во время войны и послѣ заключенія міра.

Цѣлое столѣтіе понадобилось Западу для моральной подготовки къ воздушнымъ бомбардировкамъ, къ уничтоженію мирнаго населенія, къ сметенію съ лица земли цѣлыхъ городовъ, въ родѣ Дрездена или Хиросимы. Пришлось учиться и утилитаризму, и матеріализму, и атеизму, и эгоцентризму, чтобы дойти до сознанія допустимости такихъ дѣйствій въ изысканной культурной средѣ, чтобы перестроить классическую рыцарскую военную этику въ большевицкую нравственность уголовныхъ убійцъ.

И какъ много понадобилось Западу юридическихъ факультетовъ, учебниковъ по философіи и по энциклопедіи права, чтобы на ялтинской конференціи отдать въ рабство московскимъ друзьямъ чужія

беззащитныя страны, чтобы въ концѣ концовъ заключить миръ съ Германіей безъ всякихъ условій! При помощи восточнаго тоталитарнаго большевизма западный психологическій большевизмъ судилъ по новой своей юриспруденціи расистскій большевизмъ, центрально-европейскій.

И подъ вліяніемъ модернизма въ морали, при свѣтѣ теоріи относительности Эйнштейна, при существованіи метагеометріи, при отрицаніи логики въ физикѣ, при фрейдизмѣ въ психопатологіи, при экзистенціализмѣ въ философіи, при кубизмѣ, футуризмѣ и сюрреализмѣ въ искусствѣ — былъ созданъ для суда въ Нюренбергѣ особый законъ, имѣющій, не въ примѣръ всей прошлой цивилизаціи, силу "обратнаго дѣйствія".

По этому закону, при полной инсценировкѣ судебной процедуры, были среди прочихъ повѣшены главнокомандующій германскими арміями и министръ иностранныхъ дѣлъ. Обвинителемъ же состоялъ совѣтскій прокуроръ, отправлявшій въ свое время россійскихъ поклонниковъ Запада на смерть какъ презрѣнныхъ гадюкъ.

Такого суда, какъ могутъ подтвердить историки, до сихъ поръ не было ни въ одной цивилизаціи; не только въ нашей, океанійской, но и въ средиземно-морской — у египтянъ, грековъ и римлянъ, и даже въ рѣчныхъ, по Тигру и Евфрату, — у ассиро-вавилонянъ. Римская цивилизація, сравнительно съ нынѣшней нашей, была очень скромна: не имѣла ни радіо, ни граммофоновъ, ни электрическаго освѣщенія, ни электрическихъ стульевъ. И все-таки Цезарь, взявъ въ плѣнъ галльскаго вождя Верцингеторикса, не устроилъ надъ нимъ судебнаго процесса на основахъ римскаго права, чтобы не краснѣть передъ современниками, а незамѣтно удавилъ плѣнника въ темницѣ, да и то не сразу, а черезъ шесть лѣтъ послѣ плѣненія.

А на нѣсколько столѣтій раньше, еще совсѣмъ въ дикія времена, когда царь лидійскій Крезъ напалъ на персидское царство и былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ Киромъ, побѣдитель не только подвергъ побѣжденнаго суду своихъ прокуроровъ-сатраповъ, не просто простилъ его и даже сдѣлалъ близкимъ совѣтникомъ своимъ и своего сына. И происходило это въ шестомъ вѣкѣ до нашей эры, когда еще не появлялись труды Іеринга, Бирлинга, Мернеля, Пухта, Регельсберга, не говоря о взглядахъ на право у Канта, Фихте и Гегеля.

А въ наше время американскій Киръ повѣсилъ вражескаго министра иностранныхъ дѣлъ Риббентропа, хотя отлично могъ сдѣлать его своимъ ближайшимъ совѣтникомъ, вмѣсто Хисса.

И затѣмъ, послѣ исключительнаго въ исторіи Нюренбергскаго

суда, начались дальнѣйшія юридическія дѣйствія западныхъ союзниковъ по кодексу трехъ Наполеоновъ: Сталина, Рузвельта, Черчилля. Сначала — парфорсная охота съ гончими-сыщиками по всему міру за всѣми остатками бывшихъ враговъ, и не только враговъ, но и всѣхъ имъ сочувствовавшихъ, и даже всѣхъ ими обманутыхъ. Нещадная травля людей, укрывшихся въ культурныхъ европейскихъ лѣсахъ; выдача русскихъ солдатъ и рабочихъ, не желавшихъ возвращаться на совѣтскую каторгу; единодушная работа демократическаго Запада вмѣстѣ съ чекистами по вылавливанію враговъ коммунизма; содѣйствіе западныхъ воинскихъ частей совѣтскимъ властямъ для расправы у стѣнокъ и висѣлицъ съ представителями добровольческихъ русскихъ отрядовъ..

И, наконецъ, угрозы демократическихъ союзныхъ державъ по адресу нейтральныхъ странъ, осмѣлившихся дать на своей территоріи преслѣдуемымъ то право убѣжища, которое считалось священнымъ уже у Навуходоносора, у Ксеркса, у парфянъ, у скифовъ, у карфагенянъ, у негровъ центральной Африки и у папуасовъ.

Окончилась вторая міровая война. Преданные Западомъ народы центральной Европы оказались закабаленными. Свобода ихъ разбита совѣтскимъ молотомъ, культура срѣзана совѣтскимъ серпомъ. Выросъ тяжелый желѣзный занавѣсъ, съ рычаніемъ полицейскихъ собакъ съ одной его стороны и съ робкимъ расшаркиваніемъ дипломатовъ съ другой. И мечтавшій войти въ мірную колею жизни Западъ неожиданно попалъ въ ухабы холодной войны. Западнаго психологическаго большевизма оказалось недостаточно, чтобы укрѣпить связь съ большевизмомъ всеобщимъ.

А прошло еще нѣсколько лѣтъ; вошли Совѣты въ дружбу съ желтокожими азіатами, какъ дружили еще такъ недавно съ бѣлокожими Запада... И стали подсчитывать американцы: сколько они потеряли убитыми и пропавшими безъ вѣсти въ Кореѣ? И начали французы опредѣлять: какое количество ихъ погибло въ Индо-Китаѣ?
Со страхомъ смотрятъ они теперь издали на роковой Занавѣсъ. И гдѣ-то въ задней части черепной коробки, въ запоздалой части ума, начинаетъ у нихъ бродить, наконецъ, мысль:

— А не лучше-ли было бы примкнуть къ бѣлымъ русскимъ въ концѣ первой войны? — А не правы-ли были бѣлыя русскія части, которыхъ мы выдали въ концѣ второй войны на разстрѣлъ и на висѣлицу?

28.

ОБЩАЯ КАРТИНА.

Отошла въ прошлое постыдная война, со всѣмъ ея большевизмомъ съ обѣихъ сторонъ, со всей ея кровью, грязью, голодомъ, предательствомъ, позорнымъ укрѣпленіемъ красной Москвы.

И въ конечномъ счетѣ вмѣсто освобожденія — смѣна расизма коммунистическимъ закабаленіемъ новыхъ народовъ. Вмѣсто оздоровленія — окончательное паденіе нравовъ въ международныхъ отношеніяхъ, въ политикѣ, въ общественной и частной жизни. Не къ добру для европейской цивилизаціи разбуженные грохотомъ войны сонные дикари Афразіи проснулись для своей самостоятельной дѣятельности, лягая британскаго льва, срывая звѣзды съ американскаго знамени, общипывая съ разныхъ сторонъ исхудавшаго галльскаго пѣтуха. Подъ смѣхъ стараго Джо, друга европейско-американскихъ правителей, стали погружаться на корабли вмѣстѣ со своими прейскурантами бѣлые культуртрегеры, при пулеметныхъ салютахъ неблагодарныхъ желтыхъ и черныхъ туземцевъ. Присмотрѣвшись къ высотамъ великой сѣверной культуры, дикари поняли, что имъ самимъ не трудно достичь ея психическаго уровня.

И стали учителя колоніальныхъ народовъ возвращаться домой. А тутъ — въ полномъ разгарѣ диктатура пролетаріата. По ошибкѣ, — вмѣсто совѣтской Россіи.

Пожелаетъ въ Европѣ его величество Рабочій съ электрической станціи лишить подданныхъ свѣта — и всѣ покорно погружаются во тьму, возжигая стеариновыя свѣчи у священныхъ кухонныхъ алтарей. Захочетъ этотъ неограниченный властелинъ остановить движеніе въ странѣ — и недвижимо стоятъ на путяхъ поѣзда, снижаются на землю аэропланы, забиваются въ свои парки автобусы. И цивилизованная публика со страхомъ смотритъ вокругъ: какъ ей до цѣлей прогресса добраться пѣшкомъ?

Въ священный годъ революціи россійскій пролетаріатъ горделиво предполагалъ, что при помощи своихъ вождей бьется за собственную диктатуру, за возвращеніе отъ буржуевъ всей выпитой у него крови, за высшее счастье переполненнаго желудка, за радость прибавочной цѣнности, за первенствующее значеніе въ мірѣ... А въ результатѣ борьбы получилъ вмѣсто всего этого голодный паекъ безправнаго совѣтскаго раба, съ прикрѣпленіемъ къ заводамъ и фабрикамъ. Какъ оказалось,

вся эта головокружительная диктатура и вся эта власть трудящихся готовилась русскимъ пролетаріемъ не для себя, не для своего ширпотреба, а исключительно на вывозъ въ сосѣднія страны.

И западная Европа, дѣйствительно, подобный совѣтскій экспортный товаръ получила. Даже безъ пошлины.

Кто теперь можетъ здѣсь поднять голосъ противъ своей рабочей диктатуры съ совѣтскимъ штампомъ? Кто, кощунственный, смѣетъ замѣнить диктатора на его высокомъ посту, когда онъ, непреклонный, всесильный, отказывается убирать соръ на улицахъ? Кто осмѣлится безъ него пустить въ ходъ паровозъ? Или доставить адресатамъ завалявшіяся на почвѣ письма? Или выпечь хлѣбъ для нуждающихся и продавать его въ булочныхъ? Функціи диктатора-рабочаго священны, какъ прерогативы монарха. Его жалованье неприкосновенно, какъ цивильный листъ Императора. И во имя его блага, ради его священныхъ войнъ, которыя онъ ведетъ съ работодателями, всѣ въ странѣ должны терпѣть, страдать, переносить лишенія, не имѣя даже возможности со своей стороны поднять возстаніе во имя свободы.

А ко всему этому — къ захвату власти пролетаріатомъ и къ появленію на міровой аренѣ самостоятельныхъ камбоджцевъ, вьетнамцевъ, туареговъ, берберовъ, рифянъ — еще одинъ новый факторъ, тоже обѣщающій преобразовать нашу цивилизацію на новыхъ началахъ: атомная бомба. Притомъ, водородная.

Уже давно слышатся западные опытные взрывы въ Невадѣ. Имъ въ отвѣтъ — восточные опытные взрывы въ Центральной Азіи. Подъ эту культурную перекличку Востока и Запада — конференціи. Бесѣды о разоруженіи, совѣщанія въ ООН, въ Совѣтѣ безопасности. Встрѣчи большихъ четырехъ, девятнадцати среднихъ, двадцати девяти малыхъ...

И всѣ напряженно ждутъ чего-то.

Казалось бы, въ какую чудесную сказку могла превратить нашу жизнь благодѣтельная техника, не требующая отъ насъ ни глубокой морали, ни излишняго художественнаго вымысла, ни религіозныхъ суевѣрій и страховъ. А, между тѣмъ, нѣтъ до сихъ поръ этой сказки. Нѣтъ покоя измученной позитивной душѣ. Исчезъ отжившій страхъ передъ несуществующимъ Богомъ, — зато страхъ передъ атомомъ гложетъ сознаніе.

Цивилизованный человѣкъ хорошо знаетъ теперь, послѣ недавней войны, какъ машина бываетъ ужасна въ гнѣвѣ. Она своими материнскими дарами и ласками можетъ создать рай на землѣ. Но она же,

въ порывѣ ярости, готова довести человѣчество и до страшнаго земного суда.

И, дѣйствительно, страшнымъ можетъ быть ея послѣднiй судъ, приговаривающiй къ геенѣ огненной и къ скрежету зубовному всѣхъ людей безъ разбора. Начаться эта мистерiя всеобщаго разрушенiя и смерти можетъ неожиданно, внезапно, при всеобщемъ невѣденiи дня и часа: и подъ покровомъ ночи, этой испытанной союзницы всѣхъ убiйцъ и грабителей, и при утренней улыбкѣ стыдливой зари, и въ полуденный разгаръ торжествующей жизни, и въ нѣжный вечеръ томительныхъ сумерекъ... Тамъ, наверху, въ прозрачной дали небесъ, гдѣ когда-то стоялъ Божiй тронъ, гдѣ, отгоняя отъ себя духовъ тьмы, ангелы пѣли о земномъ мирѣ и человѣческомъ благоволенiи, — неожиданно появятся новые небожители: не духи, не люди, нѣчто послѣ божественнаго созданiя мiра заново созданное. Матерiя одухотворенная безъ души, генiй мысли безъ мышленiя, неумолимое знанiе цѣли безъ сознанiя.

И послышится, какъ дьяволъ поетъ свою славу въ вышнихъ.

Блеснетъ въ небѣ ослѣпительное человѣческое солнце. Предсмертнымъ громомъ отвѣтитъ снизу земля. И гигантскiй неподвижный катафалкъ из багрово-черной ткани газовъ и дыма распластается надъ сотнями тысячей бывшихъ живыхъ, только что позитивно думавшихъ, только что утилитарно чувствовавшихъ, только что поклонявшихся себѣ и своему величiю въ содружествѣ съ богоносной машиной. И сколько такихъ атомныхъ солнцъ надъ главными средоточiями цивилизованной жизни, надъ пышными городами, надъ столицами бывшими когда-то великими!

Нѣсколько мгновенiй, какъ при усовершенствованной казни, и все обратится въ историческiй соръ, въ культурную пыль, въ тѣсто изъ человѣческой крови и раздробленныхъ костей, круто замѣшанное бетономъ и сталью.

И что будетъ потомъ, со всѣми оставшимися, уцѣлѣвшими сначала отъ мирнаго большевицкаго рая, а затѣмъ отъ военнаго большевицкаго ада? Одичавшiя толпы, лишенныя своихъ столицъ, городовъ и жилищъ, утерявшiя всѣ главные свои заводы и фабрики, источники и центры механической силы, пути сообщенiя и средства передвиженiя, — возобновятъ эпоху древняго великаго переселенiя народовъ. Надъ виновниками войны съ обѣихъ сторонъ начнутся уже не нюренбергскiе суды, а самосуды на мѣстахъ. Въ Парижѣ, въ Лондонѣ, въ Москвѣ, въ Вашингтонѣ будутъ перевѣшаны всѣ командующiе земными и воздушными армiями, всѣ президенты, короли, королевы, министры иностран-

ныхъ дѣлъ, министры тяжелой промышленности, труда, просвѣщенія и даже изящныхъ искусствъ. За военными преступниками будутъ охотиться уже не отдѣльные добровольные сыщики предыдущей войны, а само населеніе цѣликомъ, вооруженное рычагами разбитыхъ машинъ и откопанными въ грудахъ фабричныхъ развалинъ приводными ремнями, чтобы на нихъ вѣшать виновныхъ, изъ-за небывалой дороговизны веревокъ.

И среди всего этого бурнаго потока уцѣлѣвшихъ людей, то тамъ, то здѣсь, и на европейскихъ и на американскихъ просторахъ, появятся воскресшія фигуры Аттилъ, уже не вождей, не дуче, не фюреровъ, а окончательно одичавшихъ пролетарскихъ всадниковъ, послѣ коней которыхъ не будетъ расти даже трава...

Не дай Господь, чтобы это такъ было. Но если цивилизованный міръ, безъ Бога, безъ основъ вѣчной морали, безъ жажды творческой красоты дойдетъ до подобнаго рокового саморазрушенія, то отречется онъ и отъ своего послѣдняго друга — машины, которой отдалъ всю послѣднюю любовь, всѣ старческія ласки, всѣ восторги и преклоненіе. Проклявъ машину за ея обманный рай на землѣ, увидитъ человѣкъ зіяющую пустоту передъ собой и, быть можетъ, изстрадавшійся, изнеможенный, почувствуетъ цѣнность высшихъ сторонъ духа, безъ которыхъ физическая жизнь, заманчиво преображенная техникой, только суета и обманъ.

На взглядъ поверхностнаго наблюдателя, при ростѣ матеріальной культуры человѣческая психика только обогащается, но не мѣняется въ основныхъ свойствахъ. Пріобщенная къ техническимъ завоеваніямъ цивилизаціи душа остается той же, но съ болѣе развитымъ разсудкомъ, съ большей многогранностью чувствъ и желаній. Однако, болѣе глубокое наблюденіе показываетъ, что это не такъ.

"Въ исторіи человѣчества въ девятнадцатомъ и въ двадцатомъ вѣкахъ, — справедливо говоритъ нашъ философъ Бердяевъ, — произошла величайшая революція, какую только знала исторія: кризисъ человѣческаго рода, революція, не имѣющая внѣшнихъ признаковъ, пріуроченныхъ къ тому ии другому году... Побѣдоносное появленіе машины есть одна изъ самыхъ большихъ революцій въ человѣческой судьбѣ. Мы еще не достаточно оцѣнили этотъ фактъ. Переворотъ во всѣхъ сферахъ жизни начинается съ появленія машины. Происходитъ какъ бы вырываніе человѣка изъ нѣдръ природы, замѣчается измѣненіе всего ритма жизни. Ранѣе человѣкъ былъ органически связанъ съ природой... Машина радикально мѣняетъ это отношеніе между природой и человѣкомъ.

Она становится между ними, она не только по видимости покоряетъ человѣку природныя стихіи, но она покоряетъ и самого человѣка; она не только въ чемъ-то освобождаетъ, но и по своему порабощаетъ его. Какая-то таинственная сила, какъ бы чуждая человѣку и самой природѣ, входитъ въ человѣческую жизнь, какой-то третій элементъ, не природный и не человѣческій, получаетъ страшную власть и надъ человѣкомъ и надъ природой".

Совершенно правильно приведенное указаніе Бердяева на отрывъ отъ природы, произведенный машиной въ жизни цивилизованнаго общества.

Но этого мало. Помимо отрыва отъ природныхъ условій машина отрываетъ человѣка и отъ его собственной духовной культуры. Будучи сама результатомъ дѣятельности человѣческаго духа, она въ періоды особеннаго своего развитія легко нарушаетъ гармонію между тѣломъ и духомъ. А между тѣмъ и тѣло и душа культурнаго человѣка одинаково осложнены добавочными матеріальными и духовными цѣнностями, и только при ихъ равновѣсіи возможна истинная полноцѣнная культурная жизнь, поднимающая людей на достойную высоту надъ всѣмъ живымъ на землѣ.

Однако, чтобы всесторонне выяснить этотъ вопросъ, заглянемъ на время вглубь далекихъ минувшихъ тысячелѣтій.

29.

ПЕРВИЧНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Это былъ мистически-жуткій моментъ въ исторіи человѣчества: вступленіе дикаго первичнаго человѣка на путь искусственной культурной жизни.

Какія причины побудили его на этотъ шагъ, несвойственный всему остальному міру живыхъ?

Какъ мы знаемъ, научное приличіе требуетъ, чтобы при разсмотрѣніи существованія первичнаго человѣка не было никакихъ "предвзятыхъ" религіозныхъ предпосылокъ: ни Адама, ни Евы, ни первоначальнаго рая, ни грѣхопаденія. Современное естествознаніе, начиная съ Уоллеса и Дарвина, не допускаетъ біологическаго выдѣленія судьбы человѣка изъ судьбы всего остальнаго животнаго и раститель-

наго царства. Человѣкъ долженъ быть подверженъ тѣмъ же законамъ естественнаго отбора, какимъ обязаны слѣдовать всѣ остальные организмы на землѣ: происхожденіе сложнаго изъ простѣйшаго, случайное пріобрѣтеніе благопріятныхъ признаковъ и наслѣдственное закрѣпленіе ихъ. Словомъ — эволюція не имѣетъ своей цѣли, не имѣетъ и своего внутренняго смысла, будучи игрой слѣпыхъ случаевъ; въ этомъ ея величіе, по мнѣнію адептовъ науки.

Хотя, казалось бы, почему безсмысленное болѣе естественно, чѣмъ осмысленное?

Не обладая подобной научной стыдливостью передъ допущеніемъ религіознаго толкованія вопроса о появленіи и предназначеніи человѣка на землѣ, я все-таки думаю, что религія въ данномъ случаѣ нисколько не противорѣчитъ наукѣ, а въ значительной степени только углубляетъ ее.

Разумѣется, не дѣло палеонтологіи заниматься тѣмъ живымъ міромъ, который существовалъ до грѣхопаденія. Но если палеонтологія даже въ самыхъ древнихъ своихъ находкахъ встрѣчаетъ разнообразіе видовъ, то это нисколько не подтверждаетъ теорію Дарвина, а наоборотъ. Если бы наука шла не по атомистически - матеріалистическому пути, на которомъ образовалась презумпція выводить сложное многообразіе изъ простѣйшаго однообразія, то она могла бы прійти къ заключенію, что основные виды существовали съ самаго начала появленія жизни на землѣ. Это, быть можетъ, чудо. Но принципіально такимъ же чудомъ нужно считать и ту простѣйшую живую клѣтку, которую наука волей неволей должна признавать.

Такимъ образомъ, ни доказать, ни отрицать того, что живой міръ на землѣ былъ когда-то и разнообразнымъ и благословеннымъ, научная мысль не въ состояніи. Единственно что она можетъ констатировать — это остатки древнѣйшаго животнаго или растительнаго царства и доисторическаго человѣка (одичавшаго послѣ грѣхопаденія, прибавимъ мы отъ себя уже не научно).

Какими же данными располагаютъ антропопалеологія и археологія доисторическихъ эпохъ о нашемъ дикомъ предкѣ наканунѣ перехода его изъ животнаго состоянія въ первобытно-культурное? Къ какой доисторической расѣ принадлежалъ онъ? Едва-ли былъ онъ тогда "хвостатымъ четвероногимъ животнымъ, ведущимъ древесный образъ жизни", какъ опредѣляетъ Дарвинъ первичнаго человѣка. Просто былъ это homo ferus, какъ его называетъ Линней, тотъ homo ferus, вслѣдъ за которымъ появились синантропъ, человѣкъ солойскій, родезійскій, неандертальскій или гейдельбергскій.

Въ эту эпоху "перелома" своей жизни представлялъ человѣкъ существо сравнительно небольшого роста, съ длиннымъ черепомъ, съ покатымъ лбомъ, съ широко разставленными глазными впадинами, надъ которыми выдавались впередъ сильно развитыя надбровныя дуги. Носъ его былъ широкъ, какъ у нынѣшнихъ австралійцевъ; нижняя часть лица напоминала морду животнаго, выступая впередъ, заканчиваясь уходящимъ довольно далеко внизъ подбородкомъ. Зубы, челюсти, кости черепа были грубы, массивны.

Но отъ человѣкообразныхъ обезьянъ первичный человѣкъ отличался значительно, несмотря на желаніе Дарвина выдать имъ общую семейную метрику. Туловище человѣка, въ противоположность обезьянамъ, было короче ноги; нога — длиннѣе руки съ кистью; плечевая кость короче бедренной. И что особенно отличало человѣка отъ человѣкообразныхъ, это — частое вертикальное положеніе тѣла, которое давало огромное преимущество: человѣкъ могъ лучше видѣть, что происходитъ вокругъ; голова была болѣе подвижной, глаза сдѣлались главнымъ органомъ оріентировки, отодвинувъ на второй планъ слухъ и обоняніе. И освобожденная отъ хожденія рука играла важную роль въ хватаніи предметовъ, въ борьбѣ съ врагами.

До-культурные первичные люди были свидѣтелями одного изъ первыхъ ледниковыхъ или межледниковыхъ періодовъ. Жили тогда они небольшими группами на открытыхъ стоянкахъ, подъ нависшими скалами, или въ пещерахъ; въ отличіе отъ обезьянъ предпочитали открытыя мѣста и скалы лѣсамъ, почему не развивали такъ сильно свои конечности, какъ это дѣлали четверорукія. Въ тѣ времена не было у нихъ не только орудій, сосудовъ, огня, но даже признаковъ какой-либо одежды. Въ теплые межледниковые періоды находились они въ сосѣдствѣ съ безшерстыми слонами, носорогами, гиппопотамами; въ холодные періоды ледниковъ были сосѣдями мамонтовъ, оленей, пещерныхъ медвѣдей.

И не разъ та часть человѣчества, которая населяла территорію нынѣшней Европы, из-за надвигавшихся и уходившихъ ледниковъ принуждена была мѣнять свои стоянки. Это были, въ сущности, первыя великія переселенія народовъ. Отъ разраставшихся альпійскихъ ледниковъ человѣкъ уходилъ съ сѣвера въ мѣста южнѣе Ломбардіи, гдѣ кончались послѣдніе ледяные потоки, достигалъ береговъ Средиземнаго Моря, гдѣ останавливались льды ронской долины, отклоненные сюда Юрскимъ хребтомъ.

А въ восточной Европѣ скандинавскій ледникъ завоевывалъ постепенно территоріи современной Финляндіи, Польши, Галиціи, зна-

чительныя части Россіи. Но исчезали ледники, оставляя послѣ себя моховыя болота, залежи торфа; постепенно становились пригодными для жизни мѣста, когда-то покрытыя льдомъ, — и опять появлялся здѣсь человѣкъ, опять возвращались нѣкоторые представители животнаго царства, снова выростали сосны, дубы, буки, липы, клены, лиственница.

Несомнѣнно, всѣ эти обстоятельства, сопровождавшія движенія ледниковъ, всѣ эти перемѣны въ условіяхъ жизни, къ которымъ нужно было приспособляться и перестраивать бытъ, дали развитію человѣческой сообразительности могучій импульсъ. Можно сказать, никогда въ послѣдующія времена "путешествія" не развивали такъ человѣка, какъ въ періодъ дилювія, въ эпоху появленія и исчезновенія ледниковъ.

Однако, разумѣется, помимо подобныхъ переселеній были и другія обстоятельства, особенно развившія человѣческій интеллектъ. Прежде всего, — сравнительно съ окружающими животными малая приспособленность къ борьбѣ за существованіе. Особыхъ спеціальныхъ органовъ самозащиты у человѣка не было; онъ физически не являлся ни самымъ сильнымъ существомъ среди другихъ, ни самымъ ловкимъ, ни самымъ быстроногимъ. Специфическими органами самозащиты могли гордиться передъ нимъ и электрическій скатъ, и ежъ, и кабанъ, и буйволъ и даже вонючій хорекъ. Точно также не обладалъ первичный человѣкъ и особенной изощренностью органовъ чувствъ. Онъ никогда не достигалъ тонкости обонянія собаки, зайца, оленя. Въ улавливаніи звука былъ неизмѣримо ниже летучей мыши, которая на большомъ разстояніи слышитъ шумъ полета маленькихъ ночныхъ бабочекъ, или степной лисицы, слышащей передвиженіе по песку ползущихъ вдали жучковъ. Въ остротѣ зрѣнія оставался онъ позади многихъ ночныхъ хищниковъ, не говоря уже о птицахъ.

И въ тѣхъ сторонахъ жизни, которыя связаны съ развитіемъ инстинкта, человѣкъ тоже былъ далеко не впереди остальныхъ сосѣдей на землѣ. Пользуясь готовыми пещерами, не научился онъ рыть подземныя галереи съ особыми камерами, подобно медвѣдкамъ; въ созданіи жилища никогда не достигалъ совершенства муравьевъ, устраивавшихъ особыя помѣщенія для храненія провіанта и содержанія тлей, или роскоши термитовъ, снабжавшихъ свои постройки особыми сводами для вентиляціи воздуха. Не дошелъ онъ даже до мудрости кротовъ, выкапывавшихъ въ своихъ подземныхъ ходахъ особые колодцы-цистерны.

И въ соціальномъ инстинктѣ первичный человѣкъ не проявлялъ

ничего выдающагося. Онъ могъ видѣть, какъ, соединяясь въ огромныя массы, пчелы строятъ свое благополучіе; могъ наблюдать, какъ сообща трудятся муравьи, распредѣляя между собой трудовыя повинности. Точно также не обнаруживалъ онъ опредѣленныхъ семейныхъ инстинктовъ. На его глазахъ птицы умѣреннаго климата — сороки, аисты, ласточки, воробьи, голуби — жили парами; птицы экзотическаго происхожденія — пѣтухи, страусы, казуары — наоборотъ, не создавали семьи; а у человѣка опредѣленнаго семейнаго образа жизни не было. Люди иногда жили семьями, какъ обычно живутъ гориллы, жили и общинами-стаями, какъ это дѣлаютъ шимпанзе. Семейное начало, по всей вѣроятности, преобладало у человѣка въ періоды холодовъ, когда ледники загоняли его въ пещеры, способствуя моногамическому образу жизни; межледниковые же періоды выводили людей на открытыя стоянки и своимъ тепломъ способствовали экзотическимъ свободнымъ общеніямъ.

Таковымъ, въ общемъ, было положеніе первичнаго человѣка въ окружающемъ его органическомъ мірѣ. Нельзя сказать, что положеніе это дѣлало его пасынкомъ земной природы. Но нельзя также говорить, что онъ проявлялъ тогда качества будущаго повелителя всего живого на землѣ, на водѣ и въ воздухѣ. Казалось бы, судя по внѣшнимъ признакамъ, никакой особенной карьеры на землѣ человѣку сдѣлать не удалось бы. Естественно, первенство должно было выпасть на долю животнаго или самаго сильнаго, природно - вооруженнаго, или самому организованному въ смыслѣ общественномъ, или самому богатому полезными для жизни инстинктами.

Но подобное срединное положеніе человѣка оказалось, въ концѣ концовъ, для него выигрышемъ. Безсознательно поставивъ ставку на интеллектъ, онъ могъ развивать его свободнѣе, чѣмъ многія другія существа. Если бы, проявивъ въ себѣ эволюціонный порывъ, человѣкъ вооружился рогами, или электрическимъ приспособленіемъ ската, или клыками кабана, или коопераціей муравьевъ и термитовъ, — его умственная дѣятельность, какъ у большинства животныхъ, постепенно перешла бы въ свою омертвѣлую форму — инстинктъ.

Вѣдь ограниченность буйвола именно въ главномъ его достиженіи — въ рогахъ. А жалкая дикость вепря — въ клыкахъ. Буйволу, полагающемуся на свою тѣлесную мощь, никогда до скончанія вѣковъ не выйти изъ круга буйволиныхъ возможностей. Серна всегда будетъ эволюціонировать только въ сторону легкости бѣга. И муравьи, добившіеся искусства сложныхъ работъ и раздѣленія функцій, никогда не выйдутъ изъ однообразія механизированныхъ навыковъ.

Всѣ эти специфически приспособившiяся живыя существа уже не имѣютъ никакой будущности въ смыслѣ развитiя интеллекта. Ихъ можно сравнить только съ узкими спецiалистами нашего цивилизованнаго общества, которые въ своихъ профессiяхъ тоже вырабатываютъ автоматизмъ дѣйствiй, составляющихъ основу въ образованiи инстинкта. Всякiй спецiалистъ, механизируя свои функцiи, понижаетъ у себя живость и остроту интеллекта. И если такъ происходитъ съ муравьями, пчелами и термитами, то такъ несомнѣнно происходитъ и съ фабричными рабочими, съ бухгалтерами и даже съ профессорами высшей математики.

30.

ПЕРВИЧНОЕ МЫШЛЕНIЕ.

Разумѣется, не одинъ только первичный человѣкъ обладалъ сознательностью дѣйствiй и интеллектомъ. Въ большей или меньшей степени эти качества проявляли и окружавшiе его представители животнаго царства. Едва-ли въ нынѣшнее время кто-либо согласится съ мнѣнiемъ Декарта, будто животныя "только автоматы, хотя и несравненно совершеннѣе всякой машины, сдѣланной человѣкомъ". Наличiе ума у животныхъ признавали уже и Бюффонъ, и Реомюръ, и Аркуссiя. А въ послѣднее время Вундтъ даже утверждалъ, что у многихъ живыхъ существъ "сознанiе проявляется раньше, чѣмъ у человѣка" при появленiи на свѣтъ.

Конечно, у разныхъ животныхъ интеллектъ обнаруживается не въ одинаковой степени. Существа живущiе въ водѣ обычно слабо развиты интеллектуально; киты, дельфины, тюлени не могутъ похвастаться особымъ умомъ. Среди жвачныхъ выше всѣхъ по интеллекту считаются коза и верблюдъ; изъ грызуновъ наиболѣе интеллектуаленъ бобръ. Что же касается слона, то, по мнѣнiю Вундта, его съ большимъ правомъ, чѣмъ обезьяну, можно считать наиболѣе приближающимся по уму къ человѣку.

Но всѣ эти различiя въ обладанiи интеллектомъ вовсе не значатъ, что одни животныя глупѣе или умнѣе другихъ. Благодаря интеллекту они могутъ быть только болѣе или менѣе приспособленными къ внѣшнимъ условiямъ.

Въ сущности, что такое интеллектъ въ біологическомъ его значеніи? Это — сознательная способность къ оріентировкѣ, нѣчто въ родѣ универсально-защитнаго органа, могущаго дать въ любую минуту и при всѣхъ обстоятельствахъ преимущество въ борьбѣ за жизнь. По опредѣленію Бергсона, интеллектъ представляетъ для духа то же, что ухо или глазъ для тѣла. Онъ замѣняетъ животному и зоркость зрѣнія и чуткость слуха и даетъ организму гораздо большія преимущества въ самозащитѣ, чѣмъ застывшіе въ своихъ функціяхъ рога быка или клыки кабана.

Однако, мы впадемъ въ большую ошибку, если со свойственной намъ культурной логикой припишемъ первичному человѣку тѣ качества интеллекта, которыя выработались у него впослѣдствіи подъ вліяніемъ рѣчи. Первичный человѣкъ былъ еще homo alalus, человѣкъ "неговорящій". У него не было дискурсивнаго мышленія, не было силлогистическихъ посылокъ и заключеній. Мышленіе его не связывалось искусственными звеньями словъ и понятій. Какъ и у прочихъ животныхъ, только въ болѣе значительной степени, оно происходило не "линейнымъ" путемъ, а экраннымъ; не цѣпью нанизанныхъ другъ за другомъ сужденій, а цѣлостной картиной всѣхъ данныхъ въ совокупности элементовъ воспріятія. Въ этой цѣлостно-данной картинѣ интеллектъ разбирался какъ бы общимъ "взвѣшиваніемъ" обстоятельствъ полезныхъ и вредныхъ.

Если, отправляясь на поиски чего-либо съѣдобнаго, первичный человѣкъ попадалъ въ опасное положеніе, натыкался на враждебнаго звѣря или на препятствіе къ продолженію пути, онъ въ создавшейся вокругъ него обстановкѣ одновременно учитывалъ всѣ благопріятныя и неблагопріятныя стороны возможнаго рѣшенія и дѣлалъ выводъ для соотвѣтственнаго дѣйствія. По внѣшней формѣ дѣйствіе это было подобно рефлексу; на самомъ же дѣлѣ тутъ имѣлъ мѣсто не рефлексъ, а примитивный мыслительный актъ со свободой выбора для поведенія. Это былъ своего рода рефлексъ интеллекта.

Понятно, наше нынѣшее "словесное" мышленіе, создавшееся благодаря изобрѣтенію рѣчи, увело человѣка къ исключительнымъ высотамъ и уточненіямъ мысли, которыя значительно преобразовали нашъ духъ. Разъяснять первичному человѣку "Критику чистаго разума" Канта было бы такимъ же безполезнымъ занятіемъ, какъ читать волку современныя газеты, хотя бы бульварныя. Но если въ области логическихъ построеній мы ушли безконечно далеко отъ нашего безсловеснаго предка, то формы первичнаго экраннаго мышленія у насъ все-же оста-

лись и играютъ до сихъ поръ не малую роль въ обыденной жизни. Часто многія наши высказыванія не имѣютъ подъ собой никакого основанія съ точки зрѣнія логики и, тѣмъ не менѣе, оказываются правильными; построены они обычно по типу экраннаго мышленія простымъ "взвѣшиваніемъ" комплекса представленій. То же самое экранное мышленіе руководитъ нами въ случаяхъ опасности и неожиданныхъ затрудненій, когда нужно дѣйствовать безъ промедленія.

И вообще, хотя цивилизованный человѣкъ и старается облечь въ словесно-логическую форму мотивы своихъ поступковъ, его объясненія очень часто не соотвѣтствуютъ дѣйствительному ходу мышленія передъ совершеніемъ поступка. Культурный человѣкъ обычно подгоняетъ логику подъ совершившійся фактъ, иногда умышленно подтасовывая аргументы, иногда искренно считая, что опирался на логику. И какъ ни горда современная цивилизація достиженіями своей теоретической мысли, она все-же не можетъ отрицать того, что строго логическія построенія можно найти у нея только въ области техники, отвлеченной науки и философіи; что же касается вопросовъ практической жизни, — здѣсь логика играетъ роль простого наряда; какъ культурная одежда она надѣвается на принятое рѣшеніе, чтобы стыдливо прикрыть наготу первичнаго интеллекта. И здравый смыслъ нерѣдко подсказываетъ людямъ, что экранное мышленіе гораздо жизненнѣе и вѣрнѣе логическаго. Недаромъ, когда нерѣшительный человѣкъ не знаетъ, какъ поступить въ отвѣтственный моментъ его жизни, онъ идетъ просить совѣта не у преподавателя математики, не у инженера и не у статистика, а у какого-нибудь старца, умудреннаго жизненнымъ опытомъ, отличающагося созерцательнымъ отношеніемъ къ міру. Если бы кто-либо захотѣлъ сообразовывать свои дѣйствія полностью съ требованіями логики, жизнь его остановилась бы во всѣхъ ея проявленіяхъ; кажд. поступокъ нуждался бы въ созданіи особаго трактата съ разсмотрѣніемъ данныхъ "за" и всѣхъ данныхъ "противъ". И если бы такой благоразумный человѣкъ захотѣлъ выйти на прогулку утромъ, онъ, послѣ детальнаго обсужденія всѣхъ возникшихъ отсюда вопросовъ, вышелъ бы гулять только къ вечеру. Недаромъ излишне-логическихъ людей, пристрастныхъ къ схематическимъ умозаключеніямъ и къ общимъ сужденіямъ, нерѣдко считаютъ глупцами.

Такимъ образомъ намъ, цивилизованнымъ людямъ, было бы неосмотрительно утверждать, что первичный человѣкъ въ умственномъ отношеніи былъ ничтожнѣе и "глупѣе" человѣка современнаго. Разница тутъ не въ недостаткѣ или избыткѣ ума, а только въ различіи путей

интеллекта.

Однако, современному культурному человѣку несомнѣнно жаль своего дикаго прародителя, не умѣвшаго теоретически мыслить и раздѣлять сужденія свои на проблематическія, ассерторическія и аподиктическія. И еще большую жалость вызываетъ въ немъ та духовная убогость его предка, которая выражалась въ отсутствіи членораздѣльной рѣчи, въ незнакомствѣ съ тѣмъ могущественнымъ орудіемъ общенія, которымъ оказалось слово.

И, въ самомъ дѣлѣ: кто изъ людей не гордится этимъ великимъ своимъ преимуществомъ надъ остальными живыми существами на нашей планетѣ? Словесное общеніе ведетъ къ болѣе тѣсному единенію людей, сливаетъ ихъ въ общую духовную семью, даетъ могучее орудіе въ дѣлѣ сотрудничества, во взаимномъ ознакомленіи, въ передачѣ полезныхъ свѣдѣній, навыковъ. И если нерѣдко это словесное общеніе создаетъ вмѣсто единенія вражду, вмѣсто духовнаго сліянія духовную рознь, вмѣсто сотрудничества обманъ и вмѣсто передачи полезныхъ свѣдѣній нарочитую ложь, то — все равно — отрицательныя стороны рѣчи считаются только привходящимъ явленіемъ, нисколько не компрометирующимъ ея основной цѣнности.

Антропопалеонтологи и археологи, занимающіеся доисторическимъ человѣкомъ, считаютъ, что въ своемъ первичномъ состояніи предокъ нашъ дѣйствительно не обладалъ членораздѣльной рѣчью. Должно быть это такъ и было послѣ грѣхопаденія съ человѣкомъ, опустившимся до звѣринаго состоянія на землѣ. Но что ему служило способомъ хотя бы самаго примитивнаго умственнаго общенія съ себѣ подобными?

Объ этой функціи первичнаго человѣка никто, разумѣется, научно-провѣренныхъ свѣдѣній дать не можетъ. Но надъ такъ называемымъ "языкомъ животныхъ" естествоиспытатели все-же трудились не мало. И по аналогіи съ ихъ выводами можно сдѣлать нѣкоторыя предположенія о способахъ общенія нашего дикаго прародителя.

Много труда, настойчивости и терпѣнія потратили ученые, чтобы постичь тайну звѣринаго языка. Во что бы то ни стало желая найти у животныхъ признаки рѣчи, американецъ Гарнеръ издалъ въ концѣ прошлаго вѣка цѣлую книгу о языкѣ обезьянъ. Одинъ методическій нѣмецъ составилъ даже "словарь" гусинаго языка. Тѣ же изслѣдователи, которые не шли въ своихъ попыткахъ такъ далеко, пытались найти признаки общенія животныхъ въ ихъ внѣшнихъ движеніяхъ. Дарвинъ думалъ, что муравьи сообщаютъ другъ другу мысли посредствомъ усиковъ; Эспинасъ относительно тѣхъ же муравьевъ говорилъ, что они

для передачи свѣдѣній и своихъ настроеній прибѣгаютъ къ способу разнообразныхъ взаимныхъ толчковъ и прикосновеній.

И сколько еще всякихъ гипотезъ, догадокъ, предположеній! "Мимическая" теорія Вундта, "обонятельная" у Гузо, "звуковая" у Брема. Даже прославленный любитель экзотическихъ звѣрей Редьярь Киплингъ создалъ свою собственную теорію звукового общенія: "Рѣчь звѣрей, — говоритъ онъ, — начинается съ такой низкой ноты, что несовершенный слухъ человѣка не можетъ уловить ея. Кончается же ихъ скала высокимъ пискомъ нетопыря Манга, пискомъ недоступнымъ для уха многихъ людей. Съ этой высокой ноты начинается рѣчь птицъ, летучихъ мышей и насѣкомыхъ."

Однако, теорія звукового общенія животныхъ, несмотря на заманчивую аналогію съ человѣческой рѣчью, не удовлетворяла многихъ естествоиспытателей. Вѣдь и у человѣка, наряду съ языкомъ, есть нечленораздѣльныя выраженія аффекта — ужаса, радости, боли, страха. Но все это — просто рефлексы. У животныхъ подобные звуки тоже существуютъ безъ всякихъ цѣлей общенія. Любовное пѣніе птицъ — вовсе не выраженіе мысли, не романсы съ объясненіями въ любви, а только звуковое привлеченіе вниманія къ себѣ, подобно тому, какъ пышное опереніе павлина является въ свою очередь "зрительнымъ зовомъ". Едва-ли аистъ, щелкающій языкомъ во время любовнаго сезона хочетъ что-либо выразить интеллектуально; точно также нельзя заподозрѣть въ этомъ насѣкомыхъ, производящихъ одни и тѣ же звуки въ любовномъ экстазѣ.

И вотъ, уже въ послѣднее время, когда гипнотизмъ и внушеніе получили полное гражданство въ академической наукѣ, нѣкоторые ученые стали прибѣгать къ предположеніямъ, что общеніе животныхъ въ передачѣ своихъ примитивныхъ свѣдѣній и желаній можетъ происходить непосредственно психически, безъ внѣшнихъ звуковыхъ или двигательныхъ признаковъ. Энтомологи Кирби и Спенсъ, напримѣръ, пришли къ заключенію, что обще-жительныя перепончатокрылыя насѣкомыя имѣютъ какую-то внутреннюю возможность сообщать другъ другу свѣдѣнія о разныхъ обстоятельствахъ жизни. Современный изслѣдователь жизни пчелъ Франсонъ приходитъ точно къ такому же заключенію. Итальянскій же профессоръ Боццано подробно разсматриваетъ этотъ вопросъ въ своей книгѣ "Метапсихическія явленія у животныхъ".

А о томъ, что животныя способны подвергаться психическимъ вліяніямъ не только между собой, но и со стороны, было извѣстно уже давно.

Всѣмъ знакома роль человѣческой психики при укрощеніи животныхъ или при "очарованіи" нѣкоторыхъ изъ нихъ. Производя гипнотическія опыты надъ нѣкоторыми животными, Прейеръ вызывалъ у нихъ опредѣленную форму каталепсіи; Данилевскій приводилъ въ гипнотическое состояніе крокодиловъ.

Шарль Рише уже давно утверждалъ, что "мысль проектируется внѣ мозга", что "между многими вліяніями на насъ окружающей среды мы должны помѣстить незамѣтное вліяніе мысли другихъ людей на наши собственныя". И въ настоящее время психофизіологъ докторъ Карель уже не боится за свою научную репутацію, когда говоритъ, что "существованіе телепатіи есть непосредственное данное наблюденія" и что "мысль безусловно можетъ передаваться отъ одного индивидуума къ другому на разстояніе". Эту способность людей къ телепатическимъ передачамъ Карель даже считаетъ "рудиментарной формой общенія", другими словами предполагаетъ, что первичный человѣкъ обладалъ этой функціей въ гораздо большей степени, чѣмъ нынѣшній. И къ такому же выводу приходитъ и современный изслѣдователь телепатіи Варколье: изучая психическія взаимодѣйствія у людей различныхъ возрастовъ, Варколье устанавливаетъ, что дѣти, еще "неиспорченныя" словеснымъ общеніемъ, во много разъ болѣе чутки къ телепатическимъ вліяніямъ, чѣмъ взрослые люди. А такъ какъ въ дѣтяхъ въ наибольшей степени проявляется первичная человѣческая психика, то телепатическую способность можно считать у человѣка рудиментарной и считать ее несомнѣнно принадлежавшей нашимъ далекимъ дикимъ "неговорящимъ" предкамъ.

31.

HOMO SAPIENS.

Итакъ, обладая интеллектомъ въ формѣ экраннаго мышленія и способностью къ непосредственной передачѣ мысленныхъ образовъ, первичный человѣкъ постепенно развивалъ эти качества, чтобы компенсировать ими отсутствіе спеціальныхъ органовъ самозащиты.

Экранное мышленіе давало ему возможность принимать тѣ или иныя полезныя рѣшенія къ дѣйствію соотвѣтственно съ окружающей обстановкой; способность къ передачѣ мыслей на разстояніе помогала оріентироваться въ этой обстановкѣ при помощи общенія съ себѣ подобными. Отправляясь на добычу пищи или на изслѣдованіе новыхъ полезныхъ мѣстъ, человѣкъ могъ безъ возвращенія назадъ подавать мысленные сигналы оставшимся, могъ призывать ихъ на подмогу въ случаяхъ грозившей опасности. Такимъ же образомъ, при помощи психическихъ передачъ, первичные люди "сговаривались" между собой о перемѣнѣ стоянокъ, объ отысканіи новыхъ прикрытій отъ нападенія враговъ, отъ неблагопріятныхъ условій природы. Эти же свойства давали имъ возможность дѣлиться съ молодымъ поколѣніемъ своимъ примитивнымъ опытомъ жизни, предостерегать отъ ложныхъ шаговъ.

Однако, достаточно-ли было подобныхъ качествъ, чтобы родъ человѣческій въ его первичной дикой формѣ сохранился на землѣ и не вымеръ среди болѣе сильныхъ физически конкуррентовъ на жизнь? Вѣдь и остальные живые тоже, какъ человѣкъ, обладали и интеллектомъ и способностью мысленныхъ передачъ, хотя и не въ такой степени.

Загадочный фактъ перехода первичнаго человѣка къ начаткамъ культуры какъ будто показываетъ, что этотъ скачекъ въ новую эру былъ для нашего дикаго предка необходимой гарантіей для сохраненія рода. Разумѣется, "академическая" наука, отметающая всякій провиденціализмъ въ своихъ объясненіяхъ жизненныхъ явленій и не признающая никакого вмѣшательства потусторонних силъ въ жизнь міроздaнія, можетъ объяснить моментъ этого великаго перелома только простымъ случаемъ. Со временъ Дарвина всей земной, да и небесной, эволюціей руководитъ именно его величество слѣпой случай, подверженный законамъ механики и математической теоріи вѣроятностей. И замѣнить этотъ слѣпой случай какой-либо верховной Мыслью или Волей никакой серьезный ученый не въ правѣ, хотя и признаетъ даже у самого себя и существованіе разума и существованіе воли.

Такимъ образомъ провиденціализмъ, иначе говоря — участіе Провидѣнія въ историческихъ процессахъ, выходитъ за предѣлы науки и позволителенъ только въ религіозно-философскомъ аспектѣ. Въ такомъ духѣ трактовалъ всемірную исторію Боссюэ, въ такомъ приблизительно смыслѣ понималъ теченіе ея Гегель, у котораго универсальный абсолютный разумъ долженъ былъ пройти стадіи отъ созерцанія до высшей ступени самосознанія.

Примѣняя къ вопросу о переходѣ первичнаго человѣка къ зачаткамъ культурной жизни нашъ христіанскій провиденціализмъ, мы должны прійти къ заключенію, что оставаясь въ своемъ животномъ докультурномъ состояніи падшій человѣкъ безъ сомнѣнія погибъ бы и физически и духовно. Только обезопасивъ свое физическое существованіе, развивъ интеллектъ и пробудивъ в себѣ угасшія представленія объ утерянной истинѣ, красотѣ и добрѣ, онъ могъ дойти до идеи искупленія отъ изначальнаго грѣха и возстановить хотя бы отчасти въ новой формѣ догрѣховную свою духовную высоту и близость къ Богу.

Утерянный рай уже не могъ быть возвращенъ человѣку безъ перехода черезъ временное очищающее небытье. Но пріобрѣтеніе того состоянія, при которомъ возстанавливался путь къ конечному спасенію, оказалось возможнымъ.

Поднимались люди изъ первобытныхъ низинъ къ высотамъ цивилизованной жизни; разрушали своими руками то, что было создано въ исканіи блага и счастья; возводили строенія новыхъ цивилизацій...

И во всѣхъ этихъ попыткахъ, въ ломкѣ и въ измѣненіяхъ соціальныхъ условій, въ развитіи науки и техники — никогда ни одинъ человѣкъ не достигалъ высоты того безвѣстнаго генія, который въ далекія доисторическія времена ослѣпилъ современниковъ величіемъ своего изобрѣтенія. Никто изъ другихъ людей не въ состояніи своей личностью такъ глубоко раздѣлить исторію человѣческаго рода на двѣ эпохи: до него и послѣ него. Только онъ, этотъ геній, величайшій изъ всѣхъ, воспріялъ эту честь.

Въ минуту-ли борьбы съ врагомъ изъ животнаго міра, во время-ли устройства примитивнаго жилища, взялъ онъ въ руку случайно сломанную массивную древесную вѣтвь; почувствовалъ, какую помощь организму оказалъ этотъ предметъ; и осѣнила его сознаніе необычная до тѣхъ поръ мысль: пользоваться этимъ предметомъ для подобныхъ надобностей въ будущемъ.

Человѣкъ, такимъ образомъ, создалъ искусственное продолжение живого рычага руки. И изъ подобнаго совершенно новаго принципа усиленія органовъ внѣшними предметами возникли всѣ дальнѣйшія завоеванія техники.

"Въ тотъ день, когда сломанная вѣтвь стала оружіемъ, — говоритъ англійскій натуралистъ Друммондъ, — борьба за жизнь у человѣка приняла новое направленіе."

И въ самомъ дѣлѣ. Хотя у животныхъ тоже есть своя "техника", но во всѣхъ ея проявленіяхъ свято соблюдается основной законъ, по которому живыя существа измѣняютъ условія своей жизни исключительно при помощи собственныхъ органовъ.

Коконы представляютъ защитную форму, выработанную самимъ организмомъ. Паутина строится изъ матеріала, созданного паукомъ своими органическими средствами. Соты пчелъ устраиваются изъ элементовъ внѣшняго міра, но при помощи органовъ самихъ насѣкомыхъ. Создавая гнѣзда въ землѣ или привѣшивая ихъ къ деревьямъ, выстилая ихъ мхомъ и снабжая даже подпорками, осы при этой работѣ никогда не прибѣгаютъ къ "орудіямъ", то-есть къ предметамъ-посредникамъ между собою и внѣшнимъ міромъ. Точно въ такомъ порядкѣ строятъ свои гнѣзда птицы. Муравьи, высокая соціальная жизнь которыхъ привела къ раздѣленію труда, создавъ кадры землекоповъ, собирателей запасовъ, охотниковъ, сельскихъ хозяевъ, — не примѣняютъ въ работѣ никакихъ орудій, а вмѣсто этого сами пріобрѣли нѣкоторыя органическія различія сообразно "профессіямъ": занимающіеся тяжелымъ рабочимъ трудомъ, такъ же какъ и "воины", обычно отличаются крупнымъ ростомъ и сильно развитыми челюстями.

И подобное слѣдованіе завѣтамъ природы соблюдается въ животномъ мірѣ во всѣхъ случаяхъ. Если, напримѣръ, воронъ хочетъ разбить твердую раковину моллюска, чтобы воспользоваться послѣднимъ въ качествѣ пищи, онъ поднимается надъ скалой и бросаетъ раковину внизъ. Грифъ точно такъ же поступаетъ съ черепахами, бросая ихъ съ большой высоты на землю.

И если какому-нибудь животному случайно удастся воспользоваться внѣшнимъ предметомъ, какъ рычагомъ, то эта случайность не приводитъ его къ выводу о пользѣ повторенія подобнаго случая. Обезьяна, схватившая въ руку сломанный сукъ, можетъ ударить имъ врага. Но послѣ этого сукъ опять потеряетъ для нея всякое значеніе. Только попадая въ искусственныя условія сожительства с культурнымъ человѣкомъ нѣкоторыя животныя путемъ дрессировки или подражанія могутъ

въ ограниченной степени пользоваться тѣми или иными орудіями.

Итакъ, культурная жизнь первичнаго человѣка началась не съ того момента, когда онъ просто воспользовался для единичнаго случая обломкомъ дерева или камнемъ для работы или самозащиты, а тогда, когда сознательно и намѣренно включилъ внѣшнія мертвыя вещи въ органическую систему своего "я" и сталъ разсматривать эти вещи какъ нѣчто "мое", какъ что-то принадлежащее "моему" тѣлу.

Историки первобытной культуры и соціологи, изучающіе вопросы возникновенія "прогресса", обычно пытаются связать культурное развитіе человѣчества съ органической эволюціей и установить между обоими явленіями тѣсную аналогію. Эволюціонистъ Друммондъ объ изобрѣтеніи первыхъ орудій говоритъ слѣдующее: "Природа создала человѣка, но не могла идти дальше; органическая эволюція исполнила свое дѣло... Мы стоимъ лицомъ къ лицу съ изумительнымъ кризисомъ въ природѣ — съ прекращеніемъ животнаго развитія". У человѣка "появилась окончательная рука; никогда не будетъ животнаго съ болѣе совершенной рукой, чѣмъ человѣкъ, потому что дѣйствіе тѣхъ причинъ, которыя до сихъ поръ способствовали эволюціи руки, начали прекращаться. Наступило время, когда нужды стали слишкомъ многочисленны и разнообразны, чтобы приспособленіе могло идти наравнѣ съ ними. Въ тотъ день, когда пещерный человѣкъ впервые раскололъ мозговую кость медвѣдя, всадивъ въ нее палку и ударяя по ней камнемъ, въ тотъ день былъ произнесенъ приговоръ надъ рукой. Эволюція приняла новое направленіе, ибо прекращеніе эволюціи руки не есть прекращеніе эволюціи, но ея огромное ускореніе и направленіе ея силъ на высшіе пути. Въ архитектурѣ живыхъ существъ есть свой предѣлъ, съ достиженіемъ котораго морфологическія возможности истощаются, и ходъ возможнаго біологическаго развитія заканчивается. Человѣкъ именно и являетъ собой такой типъ біологически законченнаго существа... Циклъ матеріи въ человѣкѣ завершенъ."

Для Спенсера изобрѣтеніе перваго орудія и дальнѣйшее развитіе матеріальной и духовной культуры тоже не представляетъ собою разрыва въ нашей органической эволюціи. Культурная жизнь, по Спенсеру, подвержена тѣмъ же законамъ развитія, что и жизнь докультурная, органическая. Касается-ли дѣло развитія земли или развитія жизни на ея поверхности, развитія общества, государственнаго управленія, промышленности, торговли, языка, литературы, науки, искусства, — всюду происходитъ то же самое развитіе отъ простого къ сложному путемъ послѣдовательныхъ дифференцированій."

32.

ЧЕЛОВѢКЪ — ВЕЩЬ.

Вступивъ на путь искусственной жизни, человѣкъ продолжалъ идти впередъ въ дѣлѣ созданія новыхъ орудій.

Разумѣется, проходили столѣтія или еще болѣе длинные сроки между какимъ нибудь однимъ изобрѣтеніемъ и другимъ. Всѣ эти изобрѣтенія требовали той или иной степени напряженія интеллекта, таланта.

И можно безъ преувеличенія сказать, что продолжатели завѣтовъ перваго генія, изобрѣвшаго первое орудіе, нисколько не уступали по творческой изобрѣтательности нашимъ нынѣшнимъ техникамъ. Все различіе между тѣми и другими только въ условіяхъ разнородныхъ эпохъ.

Вначалѣ въ распоряженіи человѣка въ качествѣ орудій были предметы необработанные: деревянные рычаги-палки, осколки скалъ, простые камни. Естественно, что отъ этого перваго періода до насъ не могло дойти ничего въ видѣ культурныхъ остатковъ; деревянныя орудія не сохранились, необработанные камни ничего не скажутъ современному изслѣдователю о своемъ прошломъ.

И только на старо - палеолитической ступени, въ эпоху шельскую и ашельскую, мы начинаемъ встрѣчать камни, подвергшіеся обработкѣ, въ родѣ "ручного рубила". При помощи этого орудія можно было защищаться, усиливая ударъ; пользуясь имъ можно было исполнять кое-какія работы: колоть, копать, рѣзать, скоблить.

Весь продолжительный палеолитическій періодъ жизни первобытнаго человѣка ушелъ на усовершенствованіе этого универсальнаго искусственнаго придатка къ рукѣ. Сначала рубило представляло едва отличавшійся отъ естественнаго камня "эолитъ"; затѣмъ обработка его становилась все болѣе и болѣе детальной; полировки камня еще нѣтъ, но число граней съ теченіемъ времени увеичивается.

Съ этимъ орудіемъ человѣкъ прошелъ весь послѣдній междледниковый періодъ, весь послѣдній ледниковый; и только въ эпоху послѣледниковую кромѣ камня появляется новый матеріалъ, расширяющій употребленіе орудій: кость. Первый человѣкъ, догадавшійся примѣнить помимо дерева и камня кость, для своего времени былъ величайшимъ изъ изобрѣтателей, не уступающимъ, напримѣръ, Эдисону.

Послѣ ряда мелкихъ усовершенствованій и побочныхъ изобрѣ-

теній, человѣкъ неопалеолитическаго времени уже обладаетъ разнообразными удлиненными орудіями изъ камня, зубчатыми гарпунами изъ оленьяго рога, костяными иглами, долотомъ, лопатами, сверлами. Въ періодъ кроманьонской расы онъ уже стоитъ на значительной культурной высотѣ: одѣтъ въ звѣриныя шкуры, при помощи орудій строитъ жилища. Переходя въ неолитическую эпоху онъ отдаетъ себя уже всецѣло во власть орудій и искусственно созданныхъ внѣшнихъ предметовъ. У него есть топоры съ отверстіями для рукоятокъ; есть сложныя свайныя постройки, иногда въ видѣ цѣлыхъ поселковъ; въ этихъ жилищахъ имѣется значительный инвентарь: всевозможная утварь, каменныя, костяныя, деревянныя орудія производства; копья съ каменными наконечниками, стрѣлы, каменные кинжалы; есть довольно развитая керамика — урны, кубки, тарелки, чашки.

Этотъ человѣкъ новокаменного вѣка уже мало чѣмъ отличается по существу отъ человѣка слѣдующихъ потомъ бронзоваго, желѣзнаго вѣковъ и отъ представителей историческихъ народовъ. Онъ въ значительной степени "обросъ" матеріальной культурой, опутанъ искусственными предметами. Онъ уже и организмъ и не организмъ. Онъ поистинѣ — "человѣкъ-вещь", небывалое чудовище среди остального животнаго міра.

И чудовище не потому, что искусственные предметы составляютъ его собственность, а потому, что отличаются особымъ свойствомъ: являются какъ бы внѣшнимъ продолженіемъ органовъ тѣла.

Въ самомъ дѣлѣ, всѣ техническія изобрѣтенія, начиная съ первой палки и перваго камня, въ силу ихъ цѣлесообразности какъ бы дополняютъ структуру человѣка, расширяя и усиливая кругъ его физическаго дѣйствія въ окружающей природѣ. Рука съ кистью, сжатой въ кулакъ, оказалась прообразомъ дубины или элементарнаго кастета; зубъ или рядъ зубовъ — прообразъ долота и пилы; палецъ - прототипъ гвоздя, бурава. Какъ справедливо указываетъ Липпертъ, "камень для разбиванія орѣховъ у первобытнаго человѣка былъ какъ бы органической проекціей челюсти". И, дѣйствительно, всѣ орудія непосредственно или въ производномъ смыслѣ можно назвать проектированіемъ органовъ, причемъ подобное проектированіе иногда безсознательно, иногда сознательно, сопровождаетъ дальнѣйшее развитіе техники вплоть до нашего времени. Современные оптическіе инструменты, усиливающіе или исправляющіе наше зрѣніе, начиная отъ очекъ и кончая гигантскими телескопами-рефракторами, строятся по принципу преломляющей способности хрусталика глаза; микрофоны подобны барабанной перепонкѣ

уха; и подъемные краны или эскаваторы даже по внѣшнему виду напоминають допотопныхъ чудовищъ, не говоря уже объ аэропланахъ, подобныхъ летающимъ ящерицамъ-птерозаврамъ.

Изобрѣтенная первобытнымъ человѣкомъ одежда — тоже одинъ изъ видовъ органическихъ проекцій — проекція кожнаго покрова. А что касается жилищнаго инстинкта, существующаго и у многихъ животныхъ, то и этотъ инстинктъ претерпѣлъ у культурнаго человѣка существенное измѣненіе, сдѣлавшись добавочной проекціей кожи. И пещеры, и вырытыя руками докультурнаго человѣка углубленія въ почвѣ, и сваленныя въ видѣ шалашей вѣтви деревьевъ — все это принципіально не измѣняло функцій человѣческаго организма, какъ и у прочихъ животныхъ.

Но съ появленіемъ орудій по отношенію къ жилищу произошелъ рѣшительный сдвигъ. Теряя по какой-либо случайности свое обиталище вмѣстѣ съ находящимся въ этомъ обиталищѣ орудійнымъ инвентаремъ, культурный человѣкъ уже не можетъ возстановить утерянное жилище только своими руками и становится существомъ какъ бы "регрессивнаго" типа.

Вообще, безъ всѣхъ накопленныхъ проекцій своего тѣла — безъ искусственнаго инвентаря, безъ жилища, одежды и орудій самозащиты культурный человѣкъ чувствуетъ уже лишеніе, на подобіе поврежденія своего организма. Всѣ проекціи — орудія какъ бы органически уже включены въ его физическое "я", и безъ нихъ онъ становится своего рода инвалидомъ.

Что же должно произойти съ человѣческимъ сознаніемъ, включающимъ въ систему своего психофизическаго "я" какое-либо внѣшнее орудіе? Это орудіе, конечно, не его органъ; это и не дѣйствительное продолженіе его органа. Камень или палка, взятые въ руку, или надѣтая на тѣло одежда, не измѣняютъ физической структуры тѣла. Но функціонально организмъ, все-таки, претерпѣваетъ измѣненіе во время этого акта. Рука съ дубиной или безъ дубины вызываетъ въ обоихъ случаяхъ не одинаковую иннервацію. И такимъ образомъ, безъ сопутствующаго тѣлеснаго измѣненія психофизическій центръ человѣка при употребленіи культурныхъ проекцій какъ бы "сдвигается".

Каждое живое существо опредѣленно ощущаетъ всего себя, свое положеніе въ природѣ и связь съ окружающимъ, какъ бы это ощущеніе ни было примитивно. Но совершенно не то получается съ культурнымъ человѣкомъ, у котораго центръ сдвинутъ въ силу функцій, не имѣющихъ параллельныхъ органическихъ приспособленій. И верховный возглави-

тель этого "я" — сознаніе тоже обладаетъ уже сферой не дѣйствительнаго органическаго "я", а искусственно-расширеннаго. Это есть уже сознаніе не просто человѣка, а "человѣка-вещи".

А отсюда, изъ нарушеннаго психофизическаго равновѣсія, должны возникнуть и новыя психическія проявленія, чтобы приспособить человѣка къ новымъ условіямъ.

Прежде всего появляется обостренное и расширенное ощущеніе "собственности". Среди прочихъ животныхъ, къ которымъ примыкалъ докультурный человѣкъ, чувство собственности встрѣчается только на предметы питанія, на жилище, иногда на пространство, въ предѣлахъ коего животное живетъ или охотится. Но чувство собственности на орудія создаетъ уже совершенно новый видъ реакцій и непрерывно растетъ по мѣрѣ роста культуры. Нормальное чувство собственности у животныхъ всегда имѣетъ предѣлъ въ силу опредѣленныхъ потребностей организма; у культурнаго же человѣка подобнаго предѣла быть не можетъ, такъ какъ всѣ проекціи тѣла — орудія ему потенціально необходимы, сколько бы ихъ ни было. Жадность къ новымъ пріобрѣтеніямъ у культурнаго человѣка растетъ безъ отношенія къ дѣйствительнымъ потребностямъ; и эти потребности корректируетъ уже не самъ организмъ, а совершенно новый факторъ — чисто психологическаго порядка: страхъ за возможность утери новыхъ искусственныхъ органовъ.

Таково первое слѣдствіе перехода человѣка на начальную ступень матеріальной культуры. Вторымъ же слѣдствіемъ явилось у него — пріобрѣтеніе членораздѣльной рѣчи, замѣна прежняго непосредственнаго мысленнаго общенія съ себѣ подобными новымъ способомъ: сигнализаціей словомъ.

33.

ЧЛЕНОРАЗДѢЛЬНАЯ РѢЧЬ.

Какъ учитъ современная физіологическая психологія, наше сознаніе не есть монополизированная функція головного мозга. "Хотя головной мозгъ, — говоритъ докторъ Карель, " — нѣчто главное для сознанія, но онъ для этого сознанія не единственный органъ. Сознаніе зависитъ не только отъ нервной матеріи. Мозгъ состоитъ изъ среды, въ которую погружены клѣтки, составъ которой регулируется кровью. А серумъ крови зависитъ отъ секреціи железъ, которыя распространены во всемъ тѣлѣ. Въ общемъ, всѣ органы "присутствуютъ" въ мозговой корѣ при посредствѣ лимфы и крови."

Что же касается области телепатическихъ передачъ, то изслѣдователи ихъ тоже склоняются къ мысли, что телепатическое воздѣйствіе и воспріятіе зависятъ не только отъ дѣятельности головного мозга. Варколье, напримѣръ, указываетъ, что"нельзя говорить о центрѣ телепатическихъ передачъ, такъ какъ все сѣрое вещество мозга, всѣ его нейроны представляютъ собой центры телепатическаго воздѣйствія и воспріятія; подсознательное распространяется и на спинной мозгъ и на гангліи сердца и на симпатическую систему."

Такимъ образомъ, если при телепатическомъ общеніи человѣка въ сознаніи представленъ весь организмъ, то какъ же могло случиться, что для общенія людей телепатическая функція оказалась недостаточной? На всемъ протяженіи жизни до-культурнаго человѣчества, до изобрѣтенія орудій, такого случая произойти не могло. Но совсѣмъ другое положеніе возникло, когда человѣкъ сдѣлалъ мертвую внѣшнюю вещь мнимымъ продолженіемъ, расширеніемъ своего организма. Функціонально эта вещь включалась въ тѣло, а органически нѣтъ. Слѣдовательно, эта мертвая вещь въ случаяхъ телепатическаго общенія участвовать въ общемъ комплексѣ сознанія не могла. Она, такъ сказать не посылала въ верховный органъ своего "представителя". И тутъ уже появился новый факторъ, при которомъ въ телепатической способности должны были появиться своего рода перебои.

Ясно, что все это не могло не отразиться на дальнѣйшемъ общеніи первобытныхъ людей. И, вотъ, появилось первое условное слово, первый внѣшній сигналъ, который для психической жизни сталъ такимъ же первымъ орудіемъ, какимъ для тѣла была прочная палка или камень.

Человѣкъ заговорилъ. Отклоненіе психофизическаго центра да-

ло мозгу новую задачу: вѣдѣніе членораздѣльной рѣчью, которая впослѣдствіи локализировалась въ мозгу въ "центрѣ Брока".

Разумѣется, изобрѣтеніе "слова" произвело въ духовной жизни первичнаго человѣка такой же колоссальный переломъ, какъ изобрѣтеніе матеріальнаго орудія — въ области физическаго существованія. Слово окончательно отгородило человѣческій родъ отъ всего остального животнаго міра, возвысило людей въ ихъ собственномъ мнѣніи надъ другими живыми существами. Наличіе членораздѣльной рѣчи изумляло уже первобытные народы, среди которыхъ составлялись легенды о божественномъ происхожденіи языка; человѣческое слово стало символомъ мудрости, богоподобія, высшей духовности. Иногда ему начали придавать даже самостоятельную сущность, независимое отъ человѣка бытіе. Между тѣмъ, по существу своему, возникшее какъ искусственный органъ психики въ видѣ условныхъ сигналовъ, человѣческое слово ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть отожествляемо или даже сравниваемо съ религіознымъ пониманіемъ Логоса, къ которому гораздо ближе образы телепатическихъ первичныхъ передачъ.

Существующія въ наукѣ теоріи происхожденія языка, несмотря на свое разнообразіе, къ сожалѣнію,касаются обычно не причинъ происхожденія рѣчи, а только связи съ другими явленіями въ развитіи человѣка. Вундтъ, напримѣръ, говоритъ, что "языкъ по своему происхожденію въ сущности не отличается отъ мимическаго движенія". Тейлоръ указываетъ, что "звуки начальной рѣчи — междометнаго и подражательнаго характера; подобно пантомимамъ, смыслъ ихъ можетъ быть понятенъ самъ по себѣ". По его мнѣнію, при образованіи языка" люди подражали своимъ собственнымъ звуковымъ проявленіямъ душевныхъ движеній, крикамъ животныхъ, вою, топоту, скрипу, треску, чему многія слова обязаны своимъ происхожденіемъ." Но Вундтъ возражалъ на это, указывая, что "звукподражаніе представляетъ не генезисъ языка, но лишь побочный результатъ ассоціаціи между объективнымъ процессомъ и звуковымъ обозначеніемъ".

Не мало теорій высказано было и относительно того, коллективно-ли создавалось человѣческое слово, или индивидуально. Германъ Пауль утверждаетъ, что "языкъ въ послѣднемъ основаніи своемъ является твореніемъ индивидуума"; Дельбрюкъ тоже въ этомъ вопросѣ "индивидуалистъ": "Нововведеніе въ языкѣ производится отдѣльнымъ индивидуумомъ" — говоритъ онъ. Наоборотъ, Вундтъ — "коллективистъ" и считаетъ, что "само общество создаетъ языкъ", такъ какъ для возникновенія его существуютъ общія психологическія условія.

Однако, наиболѣе правдоподобной теоріей, относящейся именно къ происхожденію рѣчи, можно считать теорію Макса Мюллера, предполагающаго, что первыя слова, произнесенныя человѣкомъ, появились при общей работѣ съ первобытными орудіями. Это — совокупный поощрительный "условный звукъ, междометіе, clamor concomitans."

И, по всей вѣроятности, это было именно такъ: первыя слова относились или къ совмѣстной работѣ съ орудіями, или къ обозначенію самихъ вещей, или къ обладанію ими. Конечно, звуковой словесный методъ общенія вначалѣ былъ только подсобнымъ къ телепатическому. Переходъ къ связной рѣчи, безъ сомнѣнія, тянулся чрезвычайно долго; новыя слова создавались, быть можетъ, такъ же рѣдко, какъ и новыя формы орудій.

Называя два какихъ-нибудь конкретныхъ предмета, человѣкъ сначала не соединялъ ихъ въ словесную форму сужденія, какъ субъектъ и предикатъ, а указывалъ ихъ взаимоотношеніе непосредственно, безъ звуковъ, мимически, или телепатически. Однако, по мѣрѣ того, какъ искусственными стали не только многіе предметы, но и дѣйствія самого человѣка, соотвѣтственно стали появляться и слова, обозначающія указанныя дѣйствія. Въ связи же съ этимъ вся психика человѣка постепенно стала претерпѣвать измѣненія.

Первичная телепатическая передача всегда была цѣлостной, въ видѣ полной картины, возникающей въ сознаніи отправителя. Но совсѣмъ не то стало происходить при рѣчевомъ общеніи, когда запасъ звуковыхъ сигналовъ оказался достаточно значительнымъ, чтобы замѣнить собою непосредственную мысленную связь индивидуумовъ. Рѣчевое общеніе прежде всего произвело, такъ сказать, поляризацію въ прежнемъ экранномъ образѣ мышленія. Оно изъ всей картины, представлявшейся отправителю, брало только тѣ элементы, которые давали самый существенный ея "разрѣзъ". Въ противоположность телепатическому собесѣднику, собесѣдникъ рѣчевой не можетъ передать любое происшествіе во всей полнотѣ зрительныхъ, слуховыхъ, мускульныхъ и прочихъ ощущеній; онъ долженъ возстанавливать картину, давая разныя ея болѣе или менѣе существенныя сѣченія. А такъ какъ такихъ сѣченій неопредѣленное множество, то всякое рѣчевое изложеніе всегда односторонне ограничено. Первоначальное употребленіе словъ, съ ихъ расплывчатымъ отношеніемъ къ содержанію и объему понятій, дѣлало малоцѣннымъ каждое сѣченіе картины. Слѣдовательно, рѣчевое общеніе требовало какой-то особой обработки, чтобы компенсировать утерю преимуществъ телепатическаго общенія. И, вотъ, интеллектъ взялъ на себя эту работу.

34.

ОБРАБОТКА ПОНЯТІЙ.

Первобытная рѣчь при установленіи болѣе точнаго кода требовала отъ интеллекта созданія особыхъ условныхъ мыслительныхъ образовъ, которые были бы своего рода орудіями новой формы общенія. Подобно тому, какъ внѣш. искусственныя орудія сдѣлались необходимыми мертвыми придатками къ тѣлу, общія представленія и понятія стали искусственными орудіями мышленія, добавочными придатками къ психикѣ. Первоначально эти "проекціи" интеллекта предназначались исключительно для практической соціальной жизни, а затѣмъ стали орудіями и индивидуальнаго мышленія.

Какъ же образовывались общія представленія и понятія? Не только въ видѣ метафоры, но на основаніи болѣе глубокаго параллелизма, можно сказать, что эти орудія интеллекта съ начала своего возникновенія подверглись постепенно такой же обработкѣ, какъ и орудія матеріальныя. Другими словами, понятія тоже проходили свой древне- каменный вѣкъ, свой вѣкъ ново-каменный, прежде чѣмъ дошли до нынѣшняго цивилизованнаго состоянія, подобно предметамъ машинной техники. Первичныя слова можно сравнить съ "эолитами", обработка которыхъ была совсѣмъ примитивной; и, подобно тому, какъ эолитъ съ развитіемъ палеолитической культуры пріобрелъ множество граней и дошелъ до шлифованнаго неолитическаго состоянія, такъ и примитивныя частныя представленія, взятыя въ сыромъ видѣ изъ картины экраннаго мышленія, постепенно обработывались, пріобрѣтали новыя грани, доходили до полной шлифовки. Новыя грани давали, такъ сказать, болѣе точный комплексъ признаковъ для содержанія понятія; самъ же контуръ словеснаго орудія какъ бы соотвѣтствовалъ объему понятія.

Каково же происхожденіе общихъ понятій въ связи съ переходомъ человѣка отъ телепатическаго общенія къ рѣчевому? При телепатической передачѣ какого-нибудь образа, какъ агентъ бесѣды, такъ и перципіентъ, оба имѣли одинъ и тот же конкретный образъ предмета; въ сознаніи перципіента, напримѣръ, возникалъ тотъ именно олень, который находился в сознаніи агента. Между тѣмъ, при рѣчевой передачѣ, слово "олень" вызываетъ у обоихъ собесѣдниковъ различные образы, въ зависимости отъ личнаго опыта каждаго. Поэтому для удобства общенія, чтобы каждый бесѣдующій ассоціировалъ съ даннымъ словомъ именно то, что нужно въ цѣляхъ взаимнаго пониманія, возникалъ во-

просъ о соотвѣтствующей точности. Смутное представленіе, связанное съ необработанымъ еще словомъ "олень", должно было перейти къ болѣе четкому общему представленію, при которомъ несущественные признаки постепенно удалялись. Это обѣдненіе представленія давало необходимый полезный результатъ для рѣчевой связи, но т. к. "обѣтованный" словесный олень терялъ частные признаки телепатически передававшагося, а именно большого или малаго, молодого или стараго, бѣгущаго или стоящаго на мѣстѣ, — то возникала естественная необходимость въ новыхъ словахъ, указывавшихъ на отдѣльные индивидуальные признаки. Такимъ образомъ, изъ самой сущности рѣчевого общенія вытекало созданіе новыхъ словъ для обозначенія дѣйствія, состоянія, обстоятельствъ мѣста, пространства, времени, принадлежности и прочихъ характеристикъ. Каждое же изъ этихъ словъ, въ свою очередь, должно было подвергнуться своей шлифовкѣ или дальнѣйшему распаду на новые звуковые сигналы.

Ясно, что именно для этой практической шлифовки словъ и образовались логическіе законы тожества, противорѣчія и исключеннаго третьяго.

Законъ тожества или, по-нашему, искусственно-культурное правило тожества, выработался интеллектомъ говорящаго человѣка, разумѣется, не для познанія міра, а только для взаимнаго пониманія при рѣчевомъ общеніи. Чтобы рѣчевой перципіентъ вызвалъ въ своемъ сознаніи тотъ же образъ, что и говорящій ему агентъ, необходимо обоимъ собесѣдникамъ подразумѣвать подъ каждымъ даннымъ словомъ одно и то же. Поэтому первоначальный смыслъ закона тожества имѣлъ смыслъ: "А говорящаго всегда равно А слушающаго".

Точно такъ-же при дальнѣйшей шлифовкѣ понятій вступали въ дѣйствіе и два другихъ закона.

Аналогично возникновенію общихъ понятій нужно разсматривать и происхожденіе сужденій. Конечно, обогащающими знаніе перципіента могутъ быть только сужденія единичныя. Напримѣръ, когда агентъ говоритъ: "Это животное убито", онъ подобнымъ единичнымъ сужденіемъ даетъ перципіенту новое свѣдѣніе, которое въ понятіи "этого животнаго" до сихъ поръ не содержалось. Что же касается сужденій общихъ, въ родѣ: "всякое животное смертно", — то эти сужденія создаются не для увеличенія фактическаго знанія, а исключительно для обработки понятій ,чтобы сдѣлать ихъ болѣе точными въ цѣляхъ общенія. Въ этомъ смыслѣ, по аналогіи съ орудіями матеріальными, общія сужденія представляють собой какъ бы орудія производства понятій;

именно они и способствують процессу развитія языка.

Въ подобномъ же смыслѣ, наконецъ, необходимо разсматривать и умозаключенія, въ которыхъ нѣсколько безспорныхъ сужденій даютъ безспорность сужденію новому. Какъ и отдѣльныя общія сужденія, силлогизмъ въ смыслѣ знанія не даетъ ничего новаго и потому долженъ считаться аналитическимъ пріемомъ мышленія. Но, какъ и въ общихъ сужденіяхъ, мы въ немъ находимъ нѣчто совершенствующее рѣчевое общеніе.

Намъ, обладателямъ колоссальнаго словесно-логическаго инвентаря, не легко представить, сколько изобрѣтательности и усилій было положено нашими предками для выработки языка. Насколько была трудна обработка понятій въ смыслѣ точнаго совпаденія мыслительнаго образа съ соотвѣтствующимъ словомъ, показываютъ языки современныхъ дикихъ народовъ. Особенно ясно это сказывается въ бѣдности словъ, означающихъ связь между предметами или ихъ состоянія. Чтобы сказать, что вещь находится въ домѣ, негръ центральной Африки произноситъ послѣдовательно два слова: "домъ" и "брюхо". Этимъ сочетаніемъ онъ замѣняетъ предлогъ, указывающій на нахожденіе вещи внутри жилища. У жителей островов Фиджи нѣкоторыя существительныя служатъ въ то же время глаголами. Южно-американскій индѣецъ называетъ лошадь "животнымъ съ ношей на спинѣ". Тотъ же индѣецъ опредѣляетъ дубъ, какъ "дерево съ пальцами-листьями". Во всѣхъ этихъ случаяхъ, какъ мы видимъ, словообразованіе идетъ отъ болѣе общихъ представленій къ частнымъ .Однако, въ развитіи языка встрѣчаются явленія и противоположныя — отъ частнаго къ общему; и это происходитъ даже чаще, такъ какъ на первыхъ своихъ ступеняхъ языкъ почти не имѣетъ словъ для отвлеченныхъ понятій. Тасманійцы, напримѣръ, обозначаютъ особымъ названіемъ каждый извѣстный имъ видъ деревьевъ, рыбъ птицъ; но самихъ словъ — дерево, рыба, птица у нихъ нѣтъ. Чтобы образовать личныя мѣстоименія, гренландскій эскимосъ пользуется словами "тамъ" и "здѣсь": "я" соотвѣтствуетъ понятію "здѣсь", "ты" — понятію "тамъ". Трудность созданія новыхъ общепризнанныхъ словъ ведетъ обычно къ образности рѣчи, а на болѣе низкихъ ступеняхъ заставляетъ дикарей дополнять рѣчь особой мимикой и тѣлодвиженіями. Въ общемъ, отъ языка дикарей "цивилизованный" языкъ отличается такъ же, какъ тракторъ отъ первобытной мотыги, или какъ океанскій гигантъ - пароходъ отъ жалкой пироги.

Превратившись въ обширную систему звуковыхъ, а затѣмъ и письменыхъ символовъ, слова-понятія перешли и на тѣ случаи мышле-

нія, когда это послѣднее не предназначалось для передачи другимъ. Иначе говоря, человѣкъ сталъ примѣнять слова-понятія не только въ бесѣдѣ съ другими, но и въ "бесѣдѣ съ самимъ собой". Слово, такимъ образомъ, стало служить орудіемъ не только узнаванія чужого сознанія, но и приведенія въ порядокъ своего собственнаго знанія.

Постепенно человѣкъ началъ мыслить "логически" не только для соціальныхъ цѣлей, но и для себя самого. Законъ тожества, означающій совпаденіе предмета сужденія у агента и перципіента, принялъ характеръ обязательности при бесѣдѣ съ самимъ собой. Практическимъ основаніемъ введенія этого закона въ индивидуально - замкнутое мышленіе — было сохраненіе въ памяти одного и того же смысла опредѣленнаго слова. Если при общеніи съ другими людьми логическіе законы нормировали одновременное тожество понятій у различныхъ индивидуумовъ, то при общеніи человѣка съ самимъ собою эти законы требовали, чтобы тожество понятій сохранялось у одного и того же лица въ различные моменты его жизни.

Къ чему же, въ концѣ концовъ, сводится мышленіе одиночнаго человѣка, погруженнаго въ запасъ всѣхъ имѣющихся у него сужденій, понятій и общихъ представленій? Никакихъ новыхъ знаній о мірѣ онъ въ этомъ мыслительномъ процессѣ не пріобрѣтаетъ; но путемъ ассоціаціи наличныхъ понятій и сужденій онъ можетъ установить между ними ту или иную глубокую логическую связь.

35.

ЧИСЛО И ИЗМѢРЕНІЕ.

Естественно, что языкъ, созданный первобытнымъ человѣкомъ при вступленіи его на путь искусственной матеріальной культуры, имѣлъ исключительно практическую цѣль соціальнаго общенія въ связи съ появленіемъ искусственныхъ орудій и искусственныхъ условій жизни. И естественно, что интеллектъ развивался именно въ этомъ направленіи — для упорядоченія новой жизни и для болѣе успѣшнаго производства новыхъ орудій.

Хотя искусственныя орудія и были проекціями живого организма, однако, сами по себѣ были связаны съ тѣмъ или инымъ индивидуумомъ только чувствомъ собственности послѣдняго. Они легко могли переходить отъ одного человѣка къ другому безъ потери своей полезности, могли захватываться силой, могли быть переданными въ даръ, какъ вполнѣ опредѣленная цѣнность. Такими свойствами не обладали ни живая рука ни живая нога, — прообразы орудій — ,такъ какъ ни руку ни нугу подарить или украсть невозможно.

Кромѣ того, при коллективной работѣ надъ изготовленіемъ какого-либо значительнаго орудія, пригоднаго для каждаго, пространственный объемъ этого орудія и вѣсъ его должны были имѣть нѣкоторую объективную величину, независимую отъ субъективнаго отношенія къ нему всѣхъ заинтересованныхъ лицъ. И интеллектъ далъ человѣку выходъ изъ хаоса субъективности созданіемъ числа и измѣренія.

Эта первоначальная математичность, войдя въ общую систему членораздѣльной рѣчи, постепенно преобразовала взглядъ первобытнаго человѣка на окружающій физическій міръ. Для первичнаго, докультурнаго сознанія "единицы" измѣренія были совершенно иными, чѣмъ наши математическія. Для организма, опредѣляющаго пространственное протяженіе зрительнымъ воспріятіемъ и мускульной работой передвиженія, математически-равные отрѣзки пространства далеко не равны между собою. Не только пройденное разстояніе, но и усталость, и всевозможнаго рода препятствія, и рельефъ мѣстности вліяютъ на субъективное опредѣленіе протяженности. Математическій километръ для идущаго или плывущаго человѣка не одинаковъ. Перепрыгнуть черезъ ровъ въ два метра шириной не вдвое труднѣе, чѣмъ перепрыгнуть черезъ ровъ въ одинъ метръ. Точно такъ же при счетѣ. Одинъ сорванный плодъ, прибавленный къ другому, не обладаетъ для организма та-

кой же количественной цѣнностью, какъ тотъ же плодъ, присоединенный къ сотнѣ другихъ. Въ этомъ отношеніи "органичское" измѣреніе въ извѣстныхъ предѣлахъ соотвѣтствуетъ психофизическому закону Вебера-Фехнера, по которому между ощущеніемъ и раздраженіемъ существуетъ логарифмическая зависимость. Для органическаго измѣренія важна не абсолютная математическая величина раздражителя, а отношеніе прироста раздражителя къ самому раздражителю. Для человѣка существенно не постоянство величинъ, а постоянство ихъ отношеній, причемъ, разумѣется, отношенія эти не могутъ выражаться математически, такъ какъ ощущенія въ каждомъ актѣ воспріятія зависятъ отъ сопутствующихъ привходящихъ условій.

Въ силу этого, въ сознаніи первичнаго человѣка количественность была всегда неразрывна съ качественностью. Никакихъ отдѣльныхъ кантовскихъ категорій количественности и качественности у неговорящаго человѣка создаться не могло. Точно также не было формъ чувственнаго воспріятія — пространства и времени въ ихъ очищенномъ видѣ. Ощущеніе большого и малаго, далекаго и близкаго — по существу ничѣмъ не отличалось отъ ощущеній цвѣта, запаха, звука, тепла. Пространство опредѣлялось для такого сознанія не математическимъ, а физическимъ континуумомъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ его изображаетъ Анри Пуанкарэ. Математически этотъ континуумъ прерывистъ, а физіологически для воспріятія непрерывенъ. Если къ опредѣленной длинѣ мы прибавимъ ничтожную ея долю, математически вполнѣ измѣримую, ощущенія прироста длины не получится; но, увеличивая приращеніе, мы въ концѣ концовъ испытаемъ ощущеніе прироста.

Развивая эту мысль о свойствѣ физическаго континуума, доступнаго органическому знанію, можно прійти къ заключенію, что для нашей познавательной природы совершенно безсмысленны всѣ математическія предѣльныя понятія, въ родѣ безконечно - большого или безконечно - малаго. Математическая геометрія безпредѣльно прилагаетъ единицы измѣренія во всѣ стороны отъ начала координатъ; органическая же геометрія имѣетъ пространство различно измѣряющееся по мѣрѣ удаленія отъ начальной точки. При достаточномъ удаленіи точки на прямой для организма возникаетъ порогъ, за которымъ и измѣреніе и сама линія теряютъ реальный смыслъ. Точно также, если мы будемъ разсматривать дѣйствіе свѣта на нашу сѣтчатку, то обнаружимъ сначала взаимоотношеніе между раздраженіемъ и ощущеніемъ по Веберу и Фехнеру. Но за верхнимъ порогомъ, при чрезмѣрной яркости свѣта, органъ зрѣнія уже перестаетъ замѣчать различія, и вмѣсто свѣтового эффекта мы по-

лучимъ эффектъ патологическій, а именно — боль.

Такимъ образомъ, органически мы не въ состояніи создать ощущенія безконечности. Организмъ можетъ "знать" только полноту, но не безконечность. Все, что уходитъ за предѣлы полноты, есть уже нѣчто болѣзненное; и въ этомъ смыслѣ всякое ощущеніе безконечности и вѣчности, если имъ искренно проникнуться при помощи логическаго мышленія, есть явленіе патологическое для нашего сознанія, соотвѣтствующее болевымъ ощущеніямъ. Это состояніе интеллекта ведетъ или къ экстазу, или просто къ помѣшательству.

Что пользованіе орудіями должно было вызвать инструментально-объективное измѣреніе предметовъ внѣшняго міра, ясно изъ того значенія, которое придавалъ окружавшимъ его новымъ искусственнымъ вещамъ человѣкъ.

Забота объ увеличеніи орудійнаго инвентаря, объ утвари, о постройкѣ жилищъ неизбѣжно привела къ стремленію установить порядокъ не въ ощущеніяхъ, что необходимо было при телепатическомъ общеніи, а въ раздражителяхъ, во внѣшнихъ предметахъ. Затраченный на созданіе всякаго новаго орудія трудъ зависѣлъ отъ пространственнаго протяженія обрабатываемаго предмета и отъ длительности работы надъ нимъ. И естественно было отыскать какъ для пространства такъ и для времени такія объективныя единицы измѣренія, которыя были бы общеобязательными для всѣхъ. Сначала стали примѣняться единицы, составлявшія какъ бы переходъ отъ органическаго измѣренія къ неорганическому: это были сами руки, ноги, части туловища, но разсматриваемыя уже безъ своихъ физіологическихъ функцій, какъ простые внѣшіе предметы. Такъ возникли первыя мелкія мѣры: ширина ладони, большой палецъ (дюймъ), ноготь. Первая большая мѣра измѣренія соотвѣтствовала росту человѣка, который приблизительно равенъ длинѣ вытянутыхъ въ противоположныя стороны рукъ. Что же касается разстояній на земной поверхности, то здѣсь малыя разстоянія опредѣлялись шагами, длиной ступни; большія разстоянія — тысячами шаговъ — милями, или "привалами", "днями".

Какъ же въ связи съ этимъ создались основы геометріи?

Э. Борель про первичныя геометрическія представленія говоритъ слѣдующее: "Анализируя то знаніе окружающаго міра, которымъ обладаетъ животное или грудной младенецъ, мы можемъ отличить здѣсь два существенныхъ элемента, изъ которыхъ одинъ относится къ геометріи положенія, а другой — къ метрической геометріи. Геометрія положенія обнимаетъ рядъ свойствъ, которыя могутъ быть описаны

безъ пользованія измѣрительными инструментами. Наши первыя свѣдѣнія о внѣшнемъ мірѣ безусловно относятся къ геометріи положенія. Но къ нимъ всякій разъ примѣшивается метрическій элементъ, тоесть болѣе или менѣе туманное представленіе объ относительной величинѣ разстояній".

Вотъ этотъ-то метрическій элементъ, вначалѣ соединявшійся съ качественностью образовъ, постепенно и создалъ необходимость внѣшняго измѣренія, а вмѣстѣ съ тѣмъ привелъ и къ образованію абстрактнаго числа.

Мы уже видѣли, что слово изобрѣтено не какъ средство къ познанію, а какъ орудіе узнаванія чужихъ образовъ при сношеніяхъ въ культурныхъ условіяхъ жизни. Точно такъ же число создано для уточненія рѣчевыхъ высказываній о количественной сторонѣ воспріятій.

По отношенію къ слову число оказалось только частнымъ случаемъ, а потому и должно было подвергнуться методамъ "шлифовки", которые осуществлялись при помощи общихъ сужденій. Сначала, какъ и въ области слова, существовали только частныя математическія сужденія; но затѣмъ, для обработки математическихъ чиселъ стали появляться и сужденія общія. Въ самомъ началѣ представленія о числахъ всегда связаны съ конкретными предметами, ихъ представляющими. У абипоновъ, напримѣръ, 10 обозначается пальцами обѣихъ рукъ, а 20 — пальцами рукъ и ногъ; у зулусовъ число 6 опредѣляется выраженіемъ "взять большой палецъ", продолжить счетъ при помощи второй руки. Изъ этого пріема первоначальнаго счета, какъ извѣстно, возникла десятичная система большинства культурныхъ народовъ. Постепенно числа получили такой же точный характеръ, какъ и единицы пространственныхъ измѣреній. Математическая отвлеченная единица стала универсальнымъ эталономъ сначала пространственной, а затѣмъ и всякой количественности.

Все, что говорилось здѣсь о пространственномъ измѣреніи, относится аналогично и къ измѣренію времени. Физіологическій континуумъ времени, конечно, не совпадаетъ съ искусственнымъ математическимъ. Въ зависимости отъ насыщенности сознанія воспріятіями физіологическое время можетъ раздвигаться или суживаться; одинъ и тотъ же математическій отрѣзокъ времени иногда можетъ казаться вѣчностью, иногда — мигомъ. Однако, съ переходомъ къ рѣчевой передачѣ образовъ время, подобно пространству, тоже потребовало своихъ объективныхъ единицъ измѣренія. Сначала подобными внѣшними измѣрителями были дни, чередующіеся съ ночами; затѣмъ — часть дня, соот-

вѣтственно съ передвиженіемъ солнца. Отсюда возникли солнечные часы, которыми по длинѣ тѣни отъ стержня можно опредѣлять время. Уже халдеи дѣлили день на 12 часовъ; въ царствованіе Александра Македонскаго это подраздѣленіе было введено въ Греціи. Дѣленіе часа на 60 минутъ и минуты на 60 секундъ ведетъ начало тоже отъ халдеевъ.

Неудобства, связанныя съ пользованіемъ солнечными часами, привели затѣмъ къ другимъ орудіямъ измѣренія времени. Водяные часы существовали уже въ доисторическія времена; они были въ употребленіи у китайцевъ, индусовъ, египтянъ. Цезарь встрѣтилъ ихъ также въ Британіи. Въ глубокой древности были изобрѣтены и песочные часы, которыми впослѣдствіи обычно пользовались греки и которые были во всеобщемъ употребленіи въ Европѣ въ средніе вѣка.

Значительно позже водяныхъ и песочныхъ часовъ появились часы съ системой колесъ, приводимыхъ въ движеніе грузомъ, заимствованные европейцами у арабовъ. А въ семнадцатомъ столѣтіи, послѣ работъ Галилея о свойствахъ качанія маятника, Гюйгенсъ примѣнилъ маятникъ къ прежнимъ часамъ съ зубчатыми колесами и грузомъ.

Усовершенствованія измѣрительныхъ приборовъ пространства и времени, вмѣстѣ съ обрабатывающими общими сужденіями логики, сдѣлали въ концѣ концовъ единицы времени и пространства вполнѣ "объективными", перевели ихъ въ разрядъ настоящихъ математическихъ единицъ. И вполнѣ понятно, что возникшее такимъ образомъ число, имѣвшее вначалѣ чисто служебный техническій характеръ, стало постепенно разсматриваться какъ самодовлѣющая цѣнность, какъ нѣчто свойственное самому міру. Единица у Пифагора представляла собой божественную сущность, изъ которой вытекало все разнообразіе міра. Впослѣдствіи философъ Плотинъ считалъ единицу началомъ разумности. Числа два, три, семь въ древности у различныхъ народовъ почитались священными.

Все это благоговѣйное отношеніе къ числамъ несомнѣнно произошло отъ того огромнаго значенія, какое тѣ имѣли для начальнаго прогресса техническихъ знаній. Свойства геометріи и арифметики въ приложеніи къ культурно-матеріальной жизни были настолько замѣчательны, что въ дальнѣйшемъ прогрессѣ знанія выдвинули математику на первое мѣсто.

36.

ИСТОКИ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ.

Создавъ для самозащиты цѣлую цѣпь орудій въ видѣ продолженія и усиленія своихъ собственныхъ органовъ; приспособившись механическими способами къ успѣшной борьбѣ съ враждебными силами внѣшней природы; найдя въ членораздѣльной рѣчи, въ числѣ, въ измѣреніи могущественный источникъ къ соціальному сплоченію и къ дальнѣйшему развитію матеріальной культуры, — человѣкъ достигъ неоспоримаго превосходства надъ всѣмъ остальнымъ животнымъ и растительнымъ міромъ. Интеллектъ, въ общей своей формѣ разсудка, создалъ изъ человѣка новое, невиданное на землѣ существо, опутанное мертвыми придатками къ тѣлу, несущими всѣмъ врагамъ смерть и разрушеніе. Человѣкъ-вещь сталъ царемъ на землѣ.

И, вотъ, предположимъ: что было бы съ нимъ, если бы въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи онъ слѣдовалъ исключительно по пути матеріальной культуры, поддержанный разсудочной логикой, съ ея усовершенствованнымъ словомъ, числомъ и методами математическаго измѣренія?

Это было бы самое страшное чудовище въ земномъ мірѣ. Не то органическое, не то неорганическое. Живущее не то животной жизнью, не то жизнью бездушно-механической, для которой не существуетъ даже законовъ джунглей.

Не было бы у него ни тѣни настоящаго счастья и радости, ни улыбки веселья, ни порывовъ восторга, ни наслажденія духа. Не было бы представленія ни о прекрасномъ, ни о возвышенномъ, ни о благородномъ, ни о низкомъ, ни о добрѣ, ни о злѣ. Одно только — накопленіе внѣшнихъ благъ, холодная логика, безстрастная техника...

Разумѣется, не для того Провидѣніе вывело грѣховнаго человѣка изъ животнаго состоянія и дало ему въ руки первое орудіе, чтобы создать наряду съ остальнымъ живымъ міромъ подобнаго механическаго звѣря. Въ божественномъ провиденціальномъ планѣ матеріальная культура была не самоцѣлью, а всего навсего средствомъ, необходимой почвой для возстановленія и развитія поврежденнаго грѣхопаденіемъ человѣческаго духа. Принимая идею о томъ, что человѣку предназначено при помощи культуры подняться до сознанія своего грѣха и его искупленія, нелѣпо было бы думать, что одной матеріальной культурой цѣль эта можетъ быть когда-либо достигнута.

Въ одномъ изъ своихъ діалоговъ — "Федръ" Платонъ приво-

дить поэтически-метафизическое обоснованіе своего ученія объ идеяхъ. Наши души, согласно его взгляду, безсмертны; нѣкогда онѣ поднялись до уровня боговъ, созерцая міръ чистыхъ образовъ; но, оказавшись слабыми и порочными, души стали людьми. И теперь, когда видъ земной красоты пробуждаетъ въ нихъ воспоминаніе, анамнезисъ, о той чистой красотѣ, которую они созерцали въ небесныхъ высотахъ, тогда въ нихъ возникаетъ тоска и влеченіе къ познанію утеряннаго. Философскій эросъ — это именно она, тоска души по неземной родинѣ, стремленіе къ потерянному раю, къ божественности прежней безгрѣшной жизни.

Мы видимъ, какъ близки въ основѣ своей эти взгляды величайшаго изъ философовъ древности къ нашему библейски-христіанскому пониманію первороднаго грѣха и путей его искупленія. Отличіе здѣсь только въ односторонности платоновскаго эстетизма, въ которомъ красота заслоняетъ собой другія высшія цѣнности , а именно — истину и добро. Но по существу платонизмъ такъ близокъ къ христіанскому міровоззрѣнію, что даже свирѣпая средневѣковая католическая Церковь не подвергала гоненію платоновскій "реализмъ" общихъ понятій. Не только Ансельмъ Кентерберійскій, Альбертъ Великій и Дунсъ Скоттъ, но и Фома Аквинскій углубляли схоластику своего времени на ученіяхъ Платона и Аристотеля.

Возвращаясь къ вопросу о начаткахъ духовной культуры, къ возникновенію у первобытнаго человѣка тяготѣнія къ неизаинтересованному познанію окружающаго міра, къ воспріятію красоты и къ моральному поведенію, мы не можемъ не признать, что созданіе всѣхъ этихъ духовныхъ цѣнностей уже въ самыхъ примитивныхъ своихъ проявленіяхъ обязано именно своего рода анамнезису о томъ состояніи, въ которомъ находилась человѣческая душа до грѣхопаденія, когда человѣкъ былъ дѣйствительнымъ образомъ и подобіемъ Божіимъ. Какъ ни пытается позитивная наука вывести религіозное чувство изъ "страха" передъ окружающей природой, нравственность изъ пользы и выгоды, а ощущеніе прекраснаго изъ "игры", — всѣ эти наивныя попытки нисколько не рѣшаютъ вопроса во всей его глубинѣ. Если дикарь создаетъ своихъ боговъ изъ страха, то почему существуетъ религія у высококультурныхъ народовъ? Развѣ это дикари украсили земной шаръ чудомъ своего искусства — великолѣпными храмами? И откуда у человѣка угрызенія совѣсти въ тѣхъ случаяхъ, когда никто не преслѣдуетъ его за совершенный поступокъ? И неужели изъ одной только игры возникаетъ въ душѣ эстетическій экстазъ передъ величайшими произведеніями искусства?

Постепенно развивъ всѣ способности своего интеллекта въ понятіяхъ и категоріяхъ разсудка, создавшаго все богатство матеріальной культуры, человѣкъ сталъ прибѣгать и къ болѣе высокой сторонѣ мышленія — къ разуму. До сихъ поръ, на первыхъ ступеняхъ интеллектуальной жизни, разсудокъ давалъ человѣку только "узнаваніе" и "знаніе". Образованіе словъ и понятій, числа и связаннаго съ нимъ измѣренія подняло это узнаваніе и знаніе на значительную высоту. Но все это относилось исключительно къ области приспособленія къ внѣшнему міру, къ усовершенствованію условій матеріально-техническаго существованія. Разсудокъ въ своей дѣятельности былъ всегда "заинтересованъ", будучи направленъ на цѣли практическія. Высшая же форма мышленія — разумъ уже выходитъ изъ сферы практической заинтересованности; цѣль его — не узнаваніе и не знаніе, а познаніе, проникновеніе въ сущность окружающаго міра безъ отношенія къ тому, полезенъ-ли данный объектъ разсмотрѣнія для физическаго существованія человѣка, или не полезенъ.

На этихъ незаинтересованныхъ побужденіяхъ разума и началось теоретическое изученіе окружающихъ человѣка явленій. Вопросы "отчего"? "почему"? — были первыми проявленіями любознательности, первыми возбудителями теоретической мысли. На примитивной стадіи интеллектуальной культуры теоретическая наука совпадаетъ съ философіей: здѣсь разумъ, ищущій основъ бытія, сразу проявляется въ своихъ функціяхъ предѣльнаго знанія, то-есть, познанія. Примѣромъ этого служитъ вода Фалеса Милетскаго, воздухъ Анаксимена, огонь Гераклита.

Но при развитіи науки обѣ стороны мышленія — разумъ и разсудокъ все болѣе и болѣе отграничивались другъ отъ друга. Практически — незаинтересованный разумъ возбуждалъ пытливость, стремленіе къ обобщенію добытаго матеріала, независимо отъ того, какіе результаты дастъ это обобщеніе для приспособленія человѣка къ внѣшнему міру. Разсудокъ, со своей стороны, вводилъ изслѣдованіе явленій въ сферу своего инструментальнаго опыта, своихъ понятій, своихъ чиселъ и измѣреній, выработанныхъ для развитія матеріальной культуры. Въ результатѣ подобной совмѣстной работы обѣихъ сторонъ мышленія разсудокъ, правомочный для практическаго знанія, но неправомочный для теоретическаго познанія, постепенно сталъ завоевывать всѣ отрасли науки, вытѣсняя разумъ все далѣе и далѣе къ тѣмъ предѣльнымъ понятіямъ, въ которыхъ самъ запутывался въ противорѣчіяхъ и которыми уже не могъ практически оперировать. Къ такимъ предѣльнымъ

понятіямъ относятся безконечность, вѣчность, безгранично-малое, безгранично-большое, сущность жизненныхъ явленій, происхожденіе психики, сознаніе, душа... И самый міръ въ его совокупной данности.

Такимъ образомъ, на долю разума въ наукѣ не остается ничего, кромѣ психологическаго импульса къ изслѣдованію загадокъ природы и духа. Разумъ только побуждаетъ науку къ развитію, но самъ въ построеніи ея не участвуетъ. Вызывая научную любознательность къ тайнамъ бытія, онъ къ объясненіямъ этихъ тайнъ въ наукѣ не допускается, такъ какъ въ наукѣ господствуетъ только разсудокъ.

И какова же картина этого разсудочнаго пониманія вселенной?

Всѣ науки, согласно съ "іерархіей" Конта, располагаются въ порядкѣ математической цѣнности. Прежде всего — сама математика, затѣмъ механика, астрономія, физика, химія, біологія, психологія, соціологія. Въ силу своей мнимой универсальности математика перешла отъ техническихъ цѣлей, которыя ее породили, къ обоснованію всего научнаго міровоззрѣнія, даже къ изученію бытія живой природы. Какъ правильно говоритъ Э. Махъ, "это математическое познаніе сначала было только средствомъ къ цѣли, а затѣмъ стало цѣлью". Возникнувъ изъ практики надъ орудіями матеріальной культуры, математическій методъ принесъ съ собой въ научную трактовку міра и всѣ свои мертвыя свойства. Примѣненіе орудій перекинулось изъ практической техники и въ область научныхъ изслѣдованій: появился инструментальный методъ изученія природы.

Все болѣе и болѣе совершенствуемая точность измѣрительныхъ приборовъ въ области пространственнаго и временнаго протяженій, въ области вѣса, энергіи, излучаемой различными физическими агентами, — представляетъ собой неоспоримое завоеваніе научно-инструментальной техники. И чѣмъ большая точность дается этими инструментами, тѣмъ больше математизируется наше знаніе. — Вся вселенная начинаетъ толковаться по методу инструментальному. Не только доступные чувственному воспріятію предметы, но и неощутимые для него изображаются какъ взаимодѣйствующіе другъ на друга орудія по типу искусственныхъ. Міръ превращается какъ бы въ комплексъ механическихъ моделей, въ грандіозную сложную мертвую машину.

Технически - моделизированное пониманіе окружающей природы явно сказывается въ физикѣ, въ химіи, въ астрономіи и перекидывается даже въ біологію, психологію и соціологію. Нашъ разсудокъ, создавшій матеріальную культуру, начиная съ первобытнаго каменнаго

топора и кончая атомной бомбой, сохраняетъ свои свойства и въ построеніяхъ теоретической науки. Недаромъ физикъ лордъ Кельвинъ указывалъ на важное значеніе моделей: "Мнѣ кажется, говорилъ онъ, — что истинный смыслъ вопроса, понимаемъ-ли мы или не понимаемъ физическое явленіе, сводится къ слѣдующему: можемъ-ли мы построить соотвѣтственную механическую модель?

Я остаюсь неудовлетвореннымъ, пока не построю такой модели; если я въ состояніи это сдѣлать, я пойму; въ противномъ случаѣ — не понимаю." Къ подобному взгляду на значеніе механическихъ моделей примыкаютъ также Максуэлль и Лоренцъ.

Этотъ научный махиноморфизмъ, созданный методами практическаго разсудочнаго мышленія, естественно роднитъ науку съ техникой. Какъ въ техникѣ устарѣвшія машины смѣняются новыми, такъ и въ махиноморфной наукѣ устарѣвшія модели объясненія міра уступаютъ мѣсто другимъ, обновленнымъ. И понятно, поэтому, что теоретическая наука, возникшая изъ побужденій чистой любознательности, очень часто неожиданно обогащаетъ и область практической техники. Нынѣшняя "атомная эра", обѣщающая гигантскій переворотъ въ промышленной области, возникнувъ изъ теоретическихъ изслѣдованій строенія атома, особенно ясно связала науку и технику. Физико-химики, которые раньше въ своихъ занятіяхъ подобными вопросами казались блаженными теоретиками не отъ міра сего, теперь, къ собственному своему изумленію, стали вдругъ артиллеристами. Научный прогрессъ послѣдняго времени съ очевидностью показалъ, что наука связана тѣсными родственными узами съ практической техникой и что каждый теоретикъ - физикъ или химикъ въ конечномъ счетѣ не что иное, какъ ушедшій далеко впередъ на развѣдки инженеръ-техникъ.

37.

ТВОРЧЕСТВО РАЗУМА.

Сравнительно съ разсудкомъ совсѣмъ иными свойствами обладаетъ разумъ. Разсудокъ въ основѣ своей всегда обращенъ въ сторону приспособленія человѣка къ окружающему міру, къ сохраненію и улучшенію жизни, къ самозащитѣ и къ расширенію свѣдѣній такъ или иначе связанныхъ съ матеріальной культурой. Его сфера — фактическое знаніе вещей и явленій и той связи между ними, которая полезна или вредна нашему существованію. Развиваясь въ этомъ направленіи, онъ своимъ знаніемъ съ избыткомъ замѣняетъ намъ клыки, рога, крылья, мускульную мощь животнаго міра.

Между тѣмъ разумъ, какъ высшая форма мышленія, направленъ на болѣе высокія цѣли, ничего общаго не имѣющими ни съ самозащитой, ни съ матеріальнымъ улучшеніемъ существованія. Незаинтересованное познаніе міра, стремленіе прикоснуться къ истинной тайнѣ бытія, проникнуть въ его сокровенный смыслъ, — вотъ главная задача разума. И эту задачу онъ пытается рѣшить по мѣрѣ своихъ возможностей въ силу анамнезиса, неясныхъ воспоминаній о догрѣховномъ пребываніи въ истинѣ.

Разсудокъ всегда обращенъ къ землѣ, даже когда своими числами измѣряетъ разстоянія между свѣтилами. Разумъ всегда обращенъ къ небу, даже когда стремится угадать тайную сущность земной жизни. Не будучи отдѣленнымъ отъ разсудка въ области мышленія, разумъ своимъ пафосомъ познанія побуждаетъ науку къ пытливости, къ смѣлымъ обобщеніямъ, къ открытіямъ законовъ природы. Но отягощенный своимъ эмпиризмомъ, своей логикой и математикой, разсудокъ прерываетъ эту связь съ разумомъ у той черты, гдѣ весь его научный инвентарь знанія теряетъ свой смыслъ. Какъ ни странно это будетъ звучать лингвистически, но въ разумѣ есть тотъ элементъ ирраціональности, котораго нѣтъ въ разсудкѣ и который роднитъ разумъ съ искусствомъ и религіей. Объектъ разума — истина, объектъ искусства — красота, объектъ нравственныхъ утвержденій — добро; все это сливается въ единомъ Божественномъ религіознаго сознанія. И изъ этого божественнаго единства истины, красоты и добра слѣдуетъ и единство способовъ прикосновенія къ нимъ въ философіи, въ эстетикѣ и въ этикѣ. Духовная жизнь человѣка осмысливается этимъ тріединствомъ міроощущенія и безъ этого міроощущенія рушится все провиденціальное значеніе перехода че-

ловѣка изъ животнаго состоянія въ состояніе культурное. Въ планъ Провидѣнія не входило давать человѣку-животному вмѣсто роговъ и клыковъ изощренность разсудка и ограничить его новую жизнь одной только матеріальной культурой: человѣкъ - вещь неизбѣжно пожралъ бы самого себя во взаимной коллективной борьбѣ.

Родство разума съ чувствомъ прекраснаго, добраго и божественнаго вытекаетъ изъ общности анамнезиса о догрѣховномъ существованіи, о томъ блаженномъ состояніи, когда душа человѣка непосредственно ощущала присутствіе Бога. И это родство должно корректировать и регулировать функціи разума, удерживая его отъ гордыни и отъ того преувеличеннаго мнѣнія о себѣ, какъ объ единственной универсальной способности полнаго познанія міра. Поврежденный грѣхомъ разумъ, какъ и чувство прекраснаго, путемъ смутнаго воспоминанія - анамнезиса можетъ только прикасаться къ какой-либо сторонѣ истины, но не полностью познавать ее. Въ искусствѣ это неполное прикосновеніе къ высшей красотѣ наблюдается особенно ясно: вѣчная божественная красота постигается не въ единомъ всеобщемъ образѣ, а въ безчисленныхъ осколкахъ отдѣльныхъ художественныхъ твореній. Ни одно художественное произведеніе, даже величайшее по пафосу творчества, не можетъ претендовать на полное достиженіе предѣльной красоты. Все богатство культурнаго человѣчества въ области художественнаго творчества — только различныя приближенія съ разныхъ сторонъ къ сіянію абсолютно прекраснаго.

Въ такомъ же состояніи находится и область разума въ его творческихъ попыткахъ философскаго мышленія проникнуть въ забытыя тайны бытія.

Какъ живопись при помощи скромныхъ красокъ, предоставленныхъ ей техникой, будитъ въ насъ воспоминаніе о красотѣ, какъ ваяніе при помощи техническихъ средствъ ведетъ къ той же цѣли, какъ литература при помощи выработанныхъ разсудкомъ словъ и понятій создаетъ высокія образы, такъ и философія, пользуясь словами и понятіями разсудка, создаетъ различныя картины проникновенія въ истинное бытіе міра. Но какъ нельзя сказать, что въ міръ абсолютно-прекрасный проникъ кто-либо одинъ изъ величайшихъ художниковъ — Рафаэль или Рембрандтъ, такъ нельзя сказать, что абсолютно истинную картину міроваго бытія далъ Платонъ или Гегель. На всемъ протяженіи исторіи философіи было не мало великихъ системъ, создававшихъ свои школы, привлекавшихъ огромное число послѣдователей. Платонизмъ оказалъ вліяніе и на своихъ современниковъ, и на александрійскую эпоху, и на

средневѣковую схоластику, и на европейское философское мышленіе, вплоть до марбургской школы начала нашего вѣка. Гегельянство царило въ прошломъ вѣкѣ вмѣстѣ съ шеллингіанствомъ. Но проходятъ времена и сроки, уходятъ изъ центра культурнаго вниманія старыя системы, нарождаются новыя. И въ этой смѣнѣ, въ этомъ якобы противорѣчивомъ разнообразіи трактовокъ міра и истиннаго бытія — вовсе не слабость и ничтожность философскаго мышленія, а, наоборотъ, ея многогранность, ея жизнеспособность, указывающая на то, что потребность разума пробиться къ тайнѣ бытія неистребима.

Такимъ образомъ, не индивидуальные взлеты таланта и генія, а совмѣстные результаты обще-человѣческаго духовно-культурнаго творчества приводятъ насъ къ наибольшимъ высотамъ проникновенія въ міръ. Не одно какое-либо художественное произведеніе, а вся сокровищница искусства укрѣпляетъ въ насъ увѣренность въ реальномъ существованіи потусторонней извѣчной красоты. Не одна изъ наиболѣе великихъ философскихъ системъ, а вся исторія философіи въ своей совокупности утверждаетъ насъ въ объективномъ бытіи верховной истины. Нашъ мыслитель и богословъ А.С. Хомяковъ въ построеніи своей христіанской соборной гносеологіи говоритъ: "Недоступная для отдѣльнаго мышленія истина доступна только совокупности мышленій, связанныхъ любовью". Въ области религіознаго познанія, которое въ данномъ случаѣ имѣетъ въ виду Хомяковъ, отдѣльный индивидуумъ безсиленъ, если онъ не включается въ общее соборное церковное знаніе.

Эту глубокую мысль Хомякова слѣдуетъ примѣнить ко всѣмъ сферамъ духовной культуры, чтобы осмыслить историческій путь человѣчества. Одной, даже геніальной, картиной нельзя доказать существованіе анамнезиса о вѣчной красотѣ; но все міровое искусство, всѣ вдохновенія отдѣльныхъ художниковъ кисти, рѣзца или пера, всѣ даже посредственныя произведенія безталанныхъ, но горящихъ творческимъ эросомъ авторовъ, — все это массовое исканіе красоты говоритъ о томъ, что эстетическій порывъ къ познанію ея ведетъ за собой человѣчество. И въ области познанія истины отдѣльная даже великая философская система не доказываетъ существованіе міровой тайны. Но вся совокупность поисковъ правды и истины въ исторіи человѣческой мысли; всѣ попытки проникновенія въ суть бытія — и наивныя, и глубокія, и великія и малыя, и противорѣчивыя и гармоническія; и всѣ методы этого проникновенія, — вся эта величавая осада предѣльной неразгаданной тайны указываетъ, что искомая тайна не фикція, что тяготѣніе къ ней не можетъ быть тяготѣніемъ къ пустотѣ и къ несуществующему.

И потому — можно ли говорить о безплодности всѣхъ историческихъ философскихъ исканій въ силу того, что методы поисковъ разнообразны и результаты ихъ не сводятся къ одному общему логическому выводу? Въ ирраціональномъ, потустороннемъ, разумъ свободенъ отъ законовъ практическаго логическаго мышленія, и можетъ въ противорѣчивости находить высшее единство и въ многообразіи — единообразіе непостижимаго.

Какова же основная причина вырожденія современной философіи, а наряду съ нею и теоретической науки?

Если бы и та и другая область мышленія не нарушали взаимныхъ границъ, если бы разсудокъ строго отмежевывался въ своемъ знаніи отъ сферы разумнаго философскаго познанія, то и въ одной и въ другой примѣненіе автономныхъ методовъ продолжало бы давать плодотворные результаты. Творческій разумъ въ своихъ порывахъ къ достиженію истины создавалъ бы новые варіанты проникновенія въ глубинную сущность мірового разнообразія. Наука, со своей стороны, не теряла бы импульса къ дальнѣйшему своему развитію созданіемъ въ предѣлахъ разсудка новыхъ плодотворныхъ теорій.

Но исключительный расцвѣтъ науки и техники, начавшійся въ прошломъ столѣтіи, создалъ гибельную аберрацію въ культурномъ мышленіи, при которой разсудку стало предоставляться не только превосходство надъ разумомъ, но и единственное мѣсто какъ въ области знанія, такъ и въ сферѣ познанія. Разсудочное мышленіе сдѣлалось единственнымъ критеріемъ цѣнности научныхъ и философскихъ утвержденій. Разумъ и разсудокъ не только въ обывательскомъ мышленіи, но въ наукѣ, и иногда даже въ философіи, нерѣдко смѣшиваются. Какъ мы видѣли въ предыдущемъ изложеніи научныхъ и философскихъ проблемъ, въ этой терминологіи очень часто возникаетъ полная путаница: разсудочное знаніе называется разумнымъ познаніемъ, а самъ разсудокъ именуется разумомъ. Выросшій на этомъ смѣшеніи разсудка и разума позитивизмъ пытаясь замѣнить собою философское творчество, вовлекъ мысль культурнаго общества въ двѣ кардинальныхъ ошибки: вызвалъ скепсисъ къ якобы безплоднымъ метафизическимъ порывамъ разума и, кромѣ того, предоставилъ всю область знанія и познанія одному только разсудку, правомочному исключительно въ области науки и техники.

Въ этомъ смыслѣ позитивизмъ оказался даже гибельнѣе матеріализма: матеріализмъ все же приниметъ матерію какъ метафизичскую сущность міра, позитивизмъ всякую метафизичность отрицаетъ принципіально.

Разумѣется, на протяженіи почти всего девятнадцатого вѣка позитивизму Конта и отрицающему всякую метафизику критицизму Канта не удалось побороть естественное стремленіе разума къ построенію метафизическихъ системъ. Но въ нашемъ вѣкѣ результаты этой борьбы принесли свои печальные плоды въ видѣ всеобщаго равнодушія культурнаго общества къ философскимъ проблемамъ. Многообразіе метафизическихъ исканій позитивная мысль общества приняла какъ безсильныя противорѣчія разума и отвернулась отъ нихъ. А что касается теоретической науки, то позитивизмъ, преувеличивая ея познавательное значеніе, оказалъ ей же самой плохую услугу. Подъ его вліяніемъ отвлеченная наука сама стала врываться въ область философскаго мышленія и пытаться своимъ разсудкомъ замѣнить функціи разума. Эта незаконность разсудка явно сказалась на всѣхъ крайнихъ вопросахъ, въ которые упирается научное изслѣдованіе міра и которые она не правомочна рѣшать: математическая безконечность пространства и времени; безконечное количество "порядковъ" безконечно-малыхъ и безконечно-большихъ величинъ; допущеніе какого-угодно количества измѣреній въ аналитической геометріи; произвольныя предположенія метагеометрій, физико - математическая трактовка относительности явленій, разсудочныя попытки объясненія началъ жизни въ біологіи, законовъ душевныхъ явленій въ психологіи; идеаловъ общественной жизни въ соціологіи. Какъ мы видѣли раньше, при разсмотрѣніи кризиса теоретической науки, обывательская культурная мысль въ подобныхъ безплодныхъ попыткахъ рѣшить крайніе вопросы увидѣла слабость самой науки.

И такимъ именно образомъ практическій разсудокъ, получившій въ области мышленія верховное мѣсто изъ за преклоненія культурнаго общества передъ величайшими завоеваніями техники, вызвалъ пренебреженіе и даже презрѣніе не только къ умозрительной философіи, но и къ предѣльнымъ обобщеніямъ научныхъ теорій.

38.

ПОИСКИ УТЕРЯННОЙ КРАСОТЫ.

Если въ провиденціальномъ планѣ спасенія человѣка при помощи духовной культуры философскія исканія истины пробуждаютъ въ насъ анамнезисъ объ утерянной божественной истинѣ, то въ томъ же планѣ художественное творчество во всѣхъ областяхъ прекраснаго — въ поэтическомъ словѣ, въ музыкѣ, въ живописи, въ ваяніи, въ зодчествѣ — вызываетъ анамнезисъ объ утерянной божественной красотѣ.

И если въ своихъ попыткахъ приблизиться къ истинѣ философія, въ противоположность наукѣ, ищетъ не единаго разсудочнаго точнаго знанія, а всеобъемлющаго многограннаго познанія, то такого же многосторонняго познанія потусторонней красоты пытается достигнуть наше чувство прекраснаго.

И, какъ философія въ своихъ умозрительныхъ выводахъ уходитъ за предѣлы разсудка, такъ и искусство въ своемъ творчествѣ трактуетъ міръ своими собственными познавательными методами, ничего общаго не имѣющими съ разсудочно-научной методологіей.

Возникнувъ на первыхъ ступеняхъ культурной жизни человѣка, эстетическое чувство развивалось параллельно съ развитіемъ матеріальной культуры, но совершенно автономно, заимствуя отъ примитивной техники только нѣкоторыя ея орудія для своего проявленія: костяныя, каменныя иглы для рисунковъ, краски, рѣзцы, ножи. Уже въ ориньякскую эпоху мы видимъ первыя произведенія, указывающія на стремленіе первобытнаго человѣка къ прекрасному. Эта эпоха оставила намъ статуэтки изъ камня и слоновой кости, рельефные рисунки. Магдаленская эпоха создала рѣзьбу по кости, художественную отдѣлку рукоятокъ оружія. Въ старомъ каменномъ вѣкѣ особенно часты графическія изображенія на стѣнахъ пещеръ.

Помимо археологіи указанія на стремленія къ пластически-прекрасному у примитивныхъ народовъ даетъ также этнографія. У австралійскихъ дикарей мы находимъ рисунки на скалахъ, соотвѣтствующіе фрескамъ и барельефамъ; ясную компановку картинъ можно встрѣтить у бушменовъ; всѣ племена на крайнемъ сѣверѣ Азіи и Америки — чукчи, алеуты, эскимосы — большіе любители рисованія. Точно такъ же на первыхъ ступеняхъ культуры встрѣчаются зачатки музыки, не только вокальной, но и болѣе сложной — инструментальной: рѣдко у какихъ примитивныхъ народовъ въ наше время нельзя встрѣтить бара-

бана въ томъ или иномъ видѣ; у австралійцевъ онъ дѣлается изъ шкуры опоссума, у минкоповъ — изъ дерева. У Портъ Эссингтона у ботокудовъ есть флейта, труба; у готентотовъ имѣется арфа, сдѣланная изъ тыквы съ натянутыми на нее струнами.

Въ общемъ, воспріятіе красоты является своего рода потребностью каждаго человѣка, на какой бы ступени культуры онъ ни стоялъ. Прекрасное даетъ радость и дикарю и утонченному эстету; и негру, бьющему въ свой "тамъ-тамъ"; и знатоку живописи, наслаждающемуся картиной стариннаго мастера; и простому обывателю, любителю вѣнскихъ вальсовъ, и почтенному археологу, восторженно созерцающему памятникъ древняго зодчества; и дѣвушкѣ, любовно разглядывающей узоръ кружевъ.

Красота — всегда праздникъ, всегда — утѣшеніе, забвеніе отъ тревогъ, возвышеніе надъ мірской суетой. Неудержимый зовъ искусства ощущается всѣми. И въ тоже время никому не понятенъ. Откуда такое влеченіе? Чей голосъ зоветъ людей къ восторгамъ передъ художественнымъ произведеніемъ, къ слезамъ умиленія, къ горькому смѣху, къ очищенію души — къ катарсису?

Всѣ теоріи происхожденія и смысла искусства, основанныя на позитивно-разсудочныхъ предположеніяхъ, обычно скользятъ по поверхности основного вопроса, разбирая только одну какую-нибудь сторону художественнаго творчества или художественнаго воспріятія. "Сущность красоты — цѣлесообразность безъ цѣли, безъ намѣренія, — говоритъ Кантъ. — Чистая красота есть красота, лишенная какого-либо знанія въ смыслѣ интереса чувствъ или разсудка". Чувство эстетическаго наслажденія объясняется "легкостью и свободой упражненія нашей способности воспріятія формъ". Шиллеръ пытался сблизить эстетическое удовольствіе съ удовольствіемъ, получаемымъ отъ "игры". Согласно Гете, "поэтъ обнаруживаетъ себя въ воспроизведеніи реальности, если онъ умѣетъ различить въ обыкновенномъ предметѣ интересную сторону". Но безъ соціальнаго момента эта "интересность" въ предметѣ можетъ оказаться вполнѣ субъективной. Такой именно субъективизмъ проявляетъ Д.С. Милль, когда утверждаетъ, что "поэтъ совершенно не думаетъ о слушателѣ".

Стараясь преодолѣть субъективный элементъ эстетическихъ утвержденій, сторонники соціальнаго смысла искусства стали приходить къ другой крайности. Тэнъ говоритъ, что "произведенія искусства опредѣляются совокупностью общаго настроенія и нравовъ окружающей среды". Гюйо опредѣляетъ искусство, какъ "функцію соціальнаго орга-

низма“. ”Всѣ искусства, — по его мнѣнію, — не что иное, какъ способы конденсаціи личной эмоціи съ цѣлью сдѣлать ее непосредственно передаваемой другимъ.” Согласно Гюйо, безъ перципіента вообще не можетъ быть никакого искусства, а эстетически-пріятное становится прекраснымъ по мѣрѣ того, какъ включаетъ больше солидарности во всѣхъ частяхъ нашего существа и во всѣхъ элементахъ нашего сознанія. Соціальной точки зрѣнія на искусство придерживались у насъ Мусоргскій и Л. Толстой. Мусоргскій опредѣлялъ искусство, какъ ”средство для бесѣды съ людьми, а не какъ цѣль“. По Толстому ”Искусство есть одно изъ средствъ общенія людей между собой. Это есть человѣческая дѣятельность, состоящая въ томъ, что одинъ человѣкъ сознательно, извѣстными внѣшними знаками, передаетъ другимъ испытываемыя имъ чувства, а другіе люди заражаются этими чувствами и переживаютъ ихъ.”

Болѣе глубокій взглядъ на искусство мы встрѣчаемъ у ”офиціальнаго“ основателя современной эстетики — Баумгартена. Согласно его утвержденію, ”объектъ эстетическаго познанія есть красота, представляющая собою нѣчто абсолютное, познанное чувствомъ.“ Познавательную цѣнность искусства признавалъ также и Гемстергюнсъ, утверждая, что “наслажденіе прекраснымъ есть высшее познаніе” и что при эстетическомъ познаніи мы въ кратчайшее время пріобрѣтаемъ наибольшее количество воспріятій. Подобную же мысль о познавательномъ характерѣ искусства высказываетъ Кердъ, говоря, что ”красота даетъ намъ средство полнаго постиженія объективнаго міра“.

Мы, конечно, не можемъ считать, что одна красота, такъ же какъ и постигаемая творческимъ разумомъ истина, даютъ средства полнаго постиженія міра. Но соборное всечеловѣческое проясненіе анамнезиса о Божественной истинѣ и красотѣ въ философскомъ и въ художественномъ творчествѣ дѣйствительно приближаетъ насъ къ этому предѣльному познанію, никогда его полностью не достигая безъ познанія религіознаго и нравственнаго.

Какъ ни отлична область эстетическаго познанія отъ познанія въ сферѣ мышленія, пользующагося идеями и обобщеніями разума, въ ней, однако, тоже есть свои “обобщенія” внѣ зависимости отъ формальнаго логическаго мышленія. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ дѣйствительно художественные образы суть образы въ большей или меньшей мѣрѣ типическіе. Какой нибудь художественный типъ человѣка въ словесной эстетикѣ или въ пластикѣ не представляетъ собой ни одиночнаго знакомаго намъ индивидуума, ни родовое понятіе человѣка; то общее, ко-

торое дается въ типическомъ художественномъ образѣ, получается не абстрагированіемъ частныхъ признаковъ, какъ въ интеллектуальномъ понятіи, а выявленіемъ основныхъ признаковъ, опредѣляющихъ данный типъ. Какъ справедливо говоритъ Кантъ, въ данномъ случаѣ происходитъ своего рода "сужденіе безъ понятій". Искусство значительно понижаетъ свое познавательное значеніе, когда разсматриваетъ только единичность объекта. Портретъ до мельчайшихъ деталей схожій съ оригиналомъ неизмѣримо ниже портрета, выдвигающаго характерные признаки оригинала, свойственные его типу. Въ этомъ смыслѣ художественныя изображенія объектовъ напоминаютъ образы первичныхъ до-культурныхъ телепатическихъ передачъ.

Однако, исчерпывающей полноты искусство пріобрѣтаетъ только тогда, когда, помимо изображенія типическихъ признаковъ, привноситъ въ свое творчество элементъ идейнаго углубленія сюжета. Только идея должна быть не главной цѣлью картины, а ея внутреннимъ осмысливаніемъ. Если въ произведеніи отсутствуетъ художественная идея, въ видѣ углубляющаго и связующаго замысла, произведеніе теряетъ свою познавательную сущность, рискуя впасть въ простую любопытную "болтовню", будь то область музыки, пластики или словесно-прекраснаго. Кромѣ того, идея не должна быть взята изъ разсудочной области практической жизни или науки. Только идеи философскія, религіозныя и нравственныя могутъ углубить эстетическое познаніе міра, такъ какъ въ этомъ познаніи прекрасное, истинное и нравственное дополняютъ другъ друга въ единомъ божественномъ. Безнравственная идея въ художественномъ произведеніи, конечно, возможна; но анамнезисъ родства искусства и нравственности эту идею отвергаетъ, какъ недостойную. Точно такъ же для нормальнаго воспріятія не можетъ быть вполнѣ художественной картина съ антирелигіозной идеей. Но, съ другой стороны, излишняя насыщенность произведенія религіозностью или нравственной нормативностью понижаетъ его эстетическую цѣнность; и это не потому, что подобная связь не нужна, а потому, что искусство теряетъ въ этомъ случаѣ по пути къ идеалу красоты свою автономность: оно обязано давать познаніе міра чувственнаго, а не сверхчувственнаго, и указывать на фактическое состояніе міра, а не на долженствованіе.

Переходя отъ методовъ художественнаго познанія къ тому матеріалу, который оно имѣетъ въ своемъ распоряженіи, мы находимъ тотъ же чувственный міръ, который служитъ предметомъ изслѣдованія разсудочнаго научнаго мышленія и творчества философскаго разума.

Въ музыкѣ эстетическое познаніе образуетъ разнообразіе типовъ и идей заполненнаго звучаніемъ времени.

Въ живописи оно приводитъ къ многообразію типовъ и идей заполненнаго зрительными впечатлѣніями пространства.

Въ ваяніи, зодчествѣ — къ типамъ и идеямъ массы, силы, энергіи.

И, наконецъ, въ художественномъ словѣ, помимо всего предыдущаго, мы находимъ типы и идеи жизненныхъ процессовъ, явленій психическихъ — индивидуальныхъ и коллективныхъ.

Разграничивая сферы познанія искусства, нельзя, разумѣется, строго придерживаться указанной схемы распредѣленія. Художественное время, напримѣръ, познается и въ музыкѣ, и въ танцѣ и въ словесномъ искусствѣ. Нерѣдко нѣкоторыя области искусства для полноты общей картины сплетаются между собой. Но обычно въ каждой изъ этихъ областей тотъ или иной факторъ имѣетъ основное значеніе.

39.

ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ПОЗНАНІЕ.

Разсмотримъ же въ отдѣльности области художественнаго познанія міра. Съ первыхъ шаговъ музыкальной эстетики основнымъ элементомъ становится ритмъ, безъ котораго музыка вообще не можетъ существовать. Уже на самой низкой ступени ея, какъ напримѣръ, при наличіи только одного барабана, или простой колотушки, ритмъ "дѣлаетъ музыку". Какъ воспріятіе тоническаго времени, онъ приводитъ къ начальному познанію красоты.

Органическое время протекаетъ для насъ совершенно различно, въ зависимости отъ сопутствующихъ психическихъ процессовъ. Субъективность эта сама по себѣ непригодна для истиннаго познанія времени, что и послужило для разсудочной науки причиной созданія математическаго измѣренія въ этой области воспріятія. Но въ музыкѣ время пріобрѣтаетъ свое собственное измѣреніе, близкое къ органическому, однако, очищенному отъ несущественныхъ признаковъ. Если музыкальное произведеніе дано въ темпѣ allegro, то время идетъ быстрѣе; если въ andante, оно кажется болѣе длительнымъ. Въ связи съ этимъ, грустныя и мечтательныя темы свойственны обычно andante или adagio, а жизнерадостныя или бодрыя — allegro, или presto. Медленный темпъ какъ бы задерживаетъ теченіе времени, понижаетъ органическіе порывы, вызываетъ томленіе. Быстрый темпъ, наоборотъ, соотвѣствуетъ ускоренной смѣнѣ процессовъ, характеризуетъ стремительность порывовъ, желаніе скорѣе приблизиться къ будущему. Allegro всегда сопутствуеетъ молодости, здоровью, счастью; andante — ближе болѣзненному ощущенію чего-то недостающаго, старости, унынію. И потому нельзя представить похороннаго марша, построеннаго въ темпѣ allegro; для художественнаго познанія это своего рода внутреннее противорѣчіе.

Какъ извѣстно, математическое время имѣетъ только одно измѣреніе и даже одно направленіе въ этомъ измѣреніи: отъ прошлаго къ будущему. Однако признаніе за временемъ одной только координаты — условность только логическая. Музыкальная "кинематика" показываетъ, что время въ ритмѣ сокращается и раздвигается въ связи съ художественными чувствованіями; музыальная же "динамика" въ гармоніи и мелодіи приводитъ къ выводу, что время имѣетъ свое напряженіе. Эстетическое познаніе времени и его движенія въ звукахъ такъ же много-

образно и богато, какъ многообразна и богата въ своемъ творчествѣ музыка.

Аналогичные элементы находимъ мы и при разсмотрѣніи эстетическаго пространства. Пока организмъ нашъ воспринимаетъ явленія въ пространственныхъ протяженіяхъ безъ отношенія къ искусству, протяженія эти остаются вполнѣ субъективными. Между тѣмъ, становясь основой пластическихъ искусствъ, субъективное пространство въ художественномъ изображеніи пріобрѣтаетъ соборную объективность, даетъ при заполненіи зрительными образами идеи и типы познавательнаго значенія. Пластическое пространство, въ противоположность математическому, ведетъ насъ не къ практическому знанію міра, а къ истинному познанію его въ художественныхъ обобщеніяхъ пространственныхъ идей.

То, что въ музыкѣ составляетъ ритмъ, то въ пластическихъ искусствахъ соотвѣтствуетъ художественной пропорціи формъ. Эта пропорція можетъ быть двоякой: стереоскопической или плоскостной. Архитектура и ваяніе даютъ идеи и типы художественнаго пространства во всѣхъ его органическихъ признакахъ, въ трехъ измѣреніяхъ, если придерживаться научной терминологіи; живопись же образуетъ кругъ идей и типовъ художественной планиметріи.

Пространство для живописи никогда не бываетъ формально однимъ и тѣмъ же изоморфнымъ континуумомъ; никогда не бываетъ оно безконечнымъ. Здѣсь происходитъ то же, что въ музыкальномъ ритмѣ: частое чередованіе предметовъ въ картинѣ даетъ впечатлѣніе полноты, рѣдкое чередованіе — обратное. Но чтобы эстетическое пространство стало дѣйствительнымъ предметомъ познанія, оно должно имѣть и зрительное содержаніе: смыслъ рисунка, разнообразіе красочности, соотвѣтствующія мелодіи и гармоніи въ музыкѣ.

Художественное пространство, вопреки пространству научному, не подвергается противорѣчіямъ инфинитизма, не создаетъ величинъ безконечно-малыхъ и безконечно-великихъ. Въ немъ заключается многообразіе типовъ протяженности и многообразіе идей, вытекающихъ изъ художественнаго замысла. Чѣмъ больше такихъ типовъ и идей пріобрѣтаетъ культурный человѣкъ, тѣмъ полнѣе обладаетъ онъ красотой, обнаруженной въ мірѣ художественнымъ геніемъ.

Переходя къ ваянію и зодчеству, мы встрѣчаемъ уже не плоскостное пространство, какъ въ живописи, но стереоскопическое; кромѣ того, здѣсь появляются тѣ элементы худжественнаго воспріятія, которые наука относитъ къ области механики: масса и сила. Однако, эстети-

ческая трактовка массы или матеріи, и силы или вѣса, - не имѣетъ ничего общаго съ научной обработкой этихъ понятій. Художественный пространственно - матеріальный образъ сочетаетъ пространство и матерію по собственнымъ требованіямъ пропорцій и равновѣсія, согласно своимъ идеямъ и типамъ. Напримѣръ, какъ бы ни была прекрасна пространственная форма зданія, однако, если это зданіе не обладаетъ соотвѣственнымъ физическимъ вѣсомъ, оно теряетъ эстетическій характеръ. Никакой храмъ, сдѣланный изъ папье маше не вызоветъ въ созерцающемъ художественнаго восторга. Если бы кому-либо удалось построить изъ картона копію пирамиды Хеопса во всю величину подлинника, получилось бы произведеніе достойное только "Луна-парка" или промышленной выставки. Соотвѣтственная насыщенность матеріальностью — одинъ изъ непремѣнныхъ признаковъ архитектурно и скульптурно - прекраснаго. Гигантскій соборъ Парижской Богоматери эстетически гораздо менѣе тяжелъ, чѣмъ любой средній парижскій домъ, построенный въ стилѣ модернъ.

Въ общемъ, вся область музыки, живописи и пластики, включая художественный танецъ, — въ своемъ эстетическомъ познаніи внѣшняго міра соотвѣтствуетъ въ научномъ знаніи предметамъ механики и физики въ ихъ изученіи пространства, времени, движенія, силы, звука, свѣта и другихъ агентовъ внѣшней природы. Однако, въ то время какъ научно- разсудочное знаніе въ этой области является чисто внѣшнимъ, необходимымъ въ цѣляхъ приспособленія человѣка къ окружающей средѣ, художественное познаніе преодолѣваетъ органическую субъективность не формально - разсудочными обобщеніями, а типами и идеями, воспринимаемыми сознаніемъ всего культурнаго человѣчества, что даетъ этимъ типамъ и идеямъ соборную объективность.

Наряду со всѣми приведенными областями художественнаго творчества самой высшей, разумѣется, нужно считать эстетическое слово, образующее сферу поэзіи и художественной прозы. Въ немъ основнымъ предметомъ познанія служитъ по преимуществу не внѣшняя сторона міра, а внутренняя: жизненные процессы, индивидуальная психика и соціальная жизнь.

Какъ и другія искусства, но гораздо разнообразнѣе, художественное слово также строитъ свои обобщенія въ идеяхъ и типахъ; но оно покрываетъ собой въ извѣстныхъ предѣлахъ и предметы познанія другихъ областей творчества. Эстетическое пространство, время, матерія, сила, движеніе не представляютъ здѣсь основного объекта познанія; но въ качествѣ художественнаго фона они необходимы для полноты

словесныхъ картинъ. Музыкальныя идеи звучащаго времени и движенія слишкомъ бѣдны въ сравненіи съ многообразіемъ художественнаго слова; точно такъ же бѣдны идеи живописи, пластики. Поэтому тѣ творцы словесно - прекраснаго, которые слишкомъ долго останавливаются на живописаніи фона дѣйствія, а не самомъ дѣйствіи, совершаютъ ошибку, измѣняя болѣе высокимъ задачамъ изображенія жизни. Про такихъ авторовъ можно сказать, что у нихъ тяжесть гармоническаго аккомпанемента подавляетъ мелодію. То же самое наблюдается и у авторовъ, ставящихъ на первый планъ въ развитіи дѣйствія не внутренне - жизненныя силы, а случайныя пространственно - временныя сцѣпленія обстоятельствъ. Ихъ произведенія никогда не могутъ стать дѣйствительно прекрасными, такъ какъ главная цѣль эстетическаго слова — обнаружить въ мірѣ психическую сущность, а не временно-пространственныя отношенія.

Какъ въ музыкѣ и въ пластикѣ, время и пространство сохраняютъ въ художественномъ словѣ свои органическія признаки. Здѣсь нѣтъ времени безразличнаго, формальнаго, математическаго; есть только время существенное и не существенное; есть гигантское пространство на разстояніи нѣсколькихъ отвѣтственныхъ шаговъ и есть жалкая близость между далекими звѣздами.

Что же касается основныхъ задачъ художественнаго познанія въ словѣ, а именно — познанія явленій жизненныхъ и психическихъ, то задачи эти разрѣшаются также совершенно инымъ путемъ, нежели въ научной біологіи, психологіи и соціологіи. Въ словесно - прекрасномъ нѣтъ дѣленія міра на органическій и неорганическій; въ искусствѣ все живетъ, все должно быть обвѣяно дыханіемъ жизни. Художественное слово не пытается установить причинъ возникновенія или границъ одушевленности; жизненно - значительное или незначительное не измѣряется здѣсь матматически - махиноформно, не въ связи съ морфологическими или физіологическими признаками, а по внутреннему значенію объектовъ въ каждой данной картинѣ.

Точно такъ же нѣтъ въ истинномъ художественномъ словѣ искусственнаго научнаго анализа душевныхъ явленій и дѣленія психики на формальныя группы, на мышленіе, чувство, волю. Въ словесно - прекрасномъ всѣ эти части неразрывно участвуютъ вмѣстѣ. Художественный психологическій анализъ по существу своему вовсе не анализъ въ научномъ смыслѣ этого слова: тутъ просто одинъ изъ досадныхъ примѣровъ злоупотребленія терминами, взятыми изъ чуждой научной области. Задача художественнаго анализа вовсе не расчлене-

нія какого-либо комплекса явленій, а наоборотъ — выявленіе типическихъ сторонъ объекта въ общей картинѣ.

И потому для словеснаго искусства нѣтъ никакой правды въ экспериментальной психологіи, въ психофизическомъ параллелизмѣ. Ничтожность и величіе духа независимы здѣсь отъ матеріальныхъ субстратовъ. Тутъ нѣтъ высшихъ организмовъ и низшихъ; звѣри Киплинга. болѣе одушевлены, чѣмъ люди Чехова. И смыслъ развитія жизни и психики строится художественнымъ словомъ не на случайностяхъ слѣпой эволюціи, а на внутренней связи процессовъ одушевленнаго міра.

Какова же, при такихъ свойствахъ эстетическаго познанія, основная причина современнаго паденія художественнаго творчества и художественнаго воспріятія въ музыкѣ, въ живописи, въ пластикѣ и въ словесно-прекрасномъ?

Разсудочная наука, претендующая на единственное истинное изученіе міра и обожествленная въ нашъ вѣкъ благодаря небывалому расцвѣту техники, считаетъ свое фактическое знаніе выше всякаго ирраціональнаго познанія. Ей чуждъ, а потому и непріемлемъ, методъ соборнаго познанія, который лежитъ въ основѣ творчества разума и творчества художественно - прекраснаго. Для нея нѣтъ познанія внѣ логики и внѣ измѣрительнаго прибора. Она требуетъ при рѣшеніи своихъ вопросовъ одиночно - объективнаго вывода; между тѣмъ, философское и худжественное познаніе приближаются къ своей правдѣ многообразно. Это многообразіе, замѣняющее разсудочные законы логики, и соборность, замѣняющая инструментально - измѣрительную объективность, противорѣчатъ научной методологіи.

И вотъ почему, подчиняясь необязательному для себя авторитету научнаго мышленія, современное извращенное искусство требуетъ, чтобы его "понимали". Если картина сама по себѣ не производитъ никакого эстетическаго впечатлѣнія, если она похожа не на произведеніе искусства, а на загадочный ребусъ, то ее необходимо, по требованію знатоковъ, не просто воспринимать, а "понимать". Если новинка моднаго композитора не даетъ никакого рисунка въ мелодіи и не подчинена никакимъ законамъ гармоніи, ее требуется "понимать" тоже. Точно такое же угадываніе или напряженное "пониманіе" необходимо и при знакомствѣ съ произведеніями современнаго ваянія, зодчества и даже литературы. И это внѣдреніе разсудочности въ искусство, давая просторъ безстыдной фальсификаціи, не только обезцѣниваетъ художественное познаніе, но ведетъ къ вырожденію и всю эту великую областъ духовной культуры.

40.

ПОЗНАНІЕ ДОБРА.

Вступленіе первичнаго человѣка на путь матеріальной культуры, созданіе слова, числа, измѣренія, практической науки и техники высоко подняло его въ смыслѣ приспособленія и безопасности физическаго существованія. При этихъ благопріятныхъ условіяхъ легче могъ пробудиться анамнезисъ объ утерянныхъ истинѣ, красотѣ и добрѣ въ видѣ проявленія духовной культуры, въ творчествѣ и въ воспріятіи разумнаго, художественнаго, нравственнаго. Развитіе этихъ двухъ сторонъ новой жизни по провиденціальному плану, очевидно, должно было идти параллельно, во взаимной гармоніи: матеріальное благополучіе облегчало бы условія духовнаго совершенствованія; духовный прогрессъ направлялъ бы и углублялъ истинный смыслъ практической науки и техники

Въ дѣйствительности же этой гармоніи въ исторіи человѣчества достигнуто не было въ силу его грѣховной природы. При чрезмѣрномъ развитіи техническихъ орудій, то-есть, искусственныхъ "проекцій" тѣла, стало соотвѣтственно измѣняться и ощущеніе человѣческаго органическаго "я" и ощущеніе "моего". Псевдо-моимъ, помимо собственнаго тѣла, стало до нѣкоторой степени и то, что было только проекціей органовъ. "Къ орудіямъ, — какъ говоритъ Липпертъ, прикрѣпилась идея собственности". На первыхъ ступеняхъ, у первобытнаго дикаря, это чувство еще мало развито. Примитивный человѣкъ не такъ "обросъ" вещами, какъ человѣкъ цивилизованный, у котораго образуется неестественная страсть къ накопленію матеріальныхъ благъ. Бушменъ, напримѣръ, весьма равнодушенъ къ собственности; индѣйцы презираютъ скупость бѣлыхъ; въ Южной Америкѣ индѣйцы не признаютъ права собственности на средства существованія. Между прочимъ, этой чертой нѣкоторые нѣмецкіе этнологи своеобразно объясняютъ гостепріимство, считая, что подобная черта — признакъ низкаго культурнаго уровня. Очевидно, у такихъ ученыхъ любовь къ ближнимъ находится внѣ ихъ компетенціи.

Наряду съ любостяжаніемъ, со скупостью, жадностью, съ соблазнами присвоенія чужого, вызываемыми орудіями матеріальной культуры, появляется грѣховность и въ обладаніи внутреннимъ орудіемъ — словомъ. Съ изобрѣтеніемъ слова измѣненіе въ ощущеніи "моего" произошло и въ области чисто психической. Первичное до-культурное теле-

патическое общеніе было лишено лжи. Но совсѣмъ иное находимъ мы въ искусственномъ общеніи при помощи рѣчи. Образы, замѣненные словеснымъ кодомъ, непосредственно не воспринимаются слушателемъ; общее состояніе психики агента перципіенту неизвѣстно во время бесѣды. Въ силу этого изобрѣтеніе рѣчи, давъ человѣку огромныя преимущества для сношенія, въ то же время какъ бы отгородило его психически отъ своихъ ближнихъ. Мысли при общеніи исключительно стали "моими". И, подобно тому, какъ "мои" матеріальныя орудія въ поврежденной душѣ вызвали любостяжаніе, жадность, зависть, воровство, грабежъ, такъ и орудіе мысли — "мое" слово привело ко лжи, къ обману, лести, хитрости, вѣроломству.

Однако, развивашійся параллельно прогрессу матеріальной культуры анамнезисъ утеряннаго въ грѣхопаденіи бежественнаго добра даетъ человѣку силы для борьбы с этой грѣховностью. Подобно тому, какъ разумъ творитъ идеи и типы утерянной истины, какъ искусство творитъ идеи и типы красоты, такъ и нравственное чувство въ идеяхъ и типахъ долженствованія творитъ образцы утеряннаго высшаго добра.

Такимъ образомъ, — бороться съ грѣхомъ и творить добро не есть просто дѣйствіе, а творческій актъ. Ощущаемая отъ содѣяннаго добра радость — есть радость творчества, какъ въ другихъ областяхъ духовной культуры. Эта радость присутствуетъ при вдохновеніяхъ разума, когда онъ въ своихъ исканіяхъ приближается къ частичному познанію истины; эта радость обнаруживается при вдохновенномъ творчествѣ, когда оно прикасается къ вѣчной красотѣ; та же радость сопутствуетъ благостному порыву души в дѣяніи добраго, при устремленіи къ идеалу добра.

Подобно идеямъ прекраснаго нравственныя идеи не представляютъ собой результата логическаго абстрагированія. Однако, каждая нравственная идея есть не простое частное опредѣленіе поведенія, а нѣкоторое образное отвлеченіе, какое существуетъ въ искусствѣ и въ религіи. Этика имѣетъ свои типы нравственнаго и свои идеи о нравственномъ, которые и приводятъ человѣка къ непосредственному соприкосновенію съ добромъ. Что касается типовъ нравственнаго, то они служатъ образцами поведенія, какъ напримѣръ, житія святыхъ, поступки добродѣтельныхъ людей. Всѣ эти этическіе типы вполнѣ соотвѣтствуютъ типамъ въ искусствѣ: хотя каждый изъ нихъ представляетъ собой частный случай, однако во всѣхъ нихъ должны присутствовать существенные для нравственной оцѣнки признаки. Что же касается нравственныхъ идей, то въ нихъ также всегда обязателенъ элементъ суще-

ственно - общаго. Дѣйствительная нравственная идея не можетъ быть логически точно опредѣлена: она варіируется въ каждомъ данномъ случаѣ какъ равнодѣйствующая духовной реакціи человѣка на тѣ или иныя событія. Въ силу этого, какъ часто случается въ практической жизни, люди съ ограниченнымъ кругомъ нравственныхъ идей и типовъ бываютъ обычно узкими ригористами; ограниченныя нравственныя идеи принимаютъ у нихъ характеръ логическихъ схемъ, отъ которыхъ они не отступаютъ ни въ какомъ случаѣ. Какъ въ искусствѣ, такъ и въ области нравственнаго человѣкъ совершенствуется, расширяя свой кругозоръ и разнообразя свои исканія красоты и добра. Чѣмъ больше типовъ нравственнаго и чѣмъ больше нравственныхъ идей пріобрѣтается человѣкомъ, тѣмъ больше онъ развитъ этически и тѣмъ полнѣе прикасается къ высшему добру, особенно въ сочетаніи съ красотой и истиной. Эстетическое познаніе полнѣе, когда сочетается съ стремленіемъ къ добру и истинѣ. И, въ свою очередь, познаваемое въ нравственныхъ идеалахъ добро становится цѣннѣе въ соединеніи съ идеями красоты и истины. Поэтому человѣкъ, стремящійся къ благостному мірооіцущенію, не можетъ удовлетвориться какой-либо одной стороной познанія; не задумываясь надъ загадками бытія, онъ не можетъ получить полной радости отъ своего нравственнаго поступка; равнодушный къ нравственнымъ нормамъ, онъ испытываетъ въ своемъ восторгѣ передъ произведеніемъ искусства не все то, что искусство даетъ въ своей глубинѣ; не вѣруя въ Бога, онъ можетъ совершать добрыя дѣла и цѣнить красоту, — но все это не всколыхнетъ его души до самаго дна. Все истинно-прекрасное божественно. Все божественное — нравственно. Все нравственное — прекрасно. И эта связь священна и полна потому, что осуществляется въ Богѣ.

Чѣмъ же божественнымъ созидаются всѣ наши порывы къ познанію? Въ чемъ источникъ философскаго, художественнаго и нравственнаго творчества?

Высшій христіанскій аттрибутъ Божества это — любовь. И она именно — основная творческая духовная сила всего сущаго. Она не только руководитъ нравственной стороной нашей жизни, но охватываетъ собой всѣ области духа. Увлекаемый любовью къ міру, разумъ стремится къ познанію истины; направляемое ею чувство прекраснаго ведетъ къ познанію красоты; движимое ею наше нравственное и религіозное сознаніе приводятъ къ познанію добра и возвращаются къ своему первоисточнику, къ Богу.

Различные виды творчества во всѣхъ сторонахъ духовной куль-

туры въ той или иной степени сопровождаются вдохновеніемъ, имѣющимъ въ корнѣ любовь къ творимому образу. Тамъ, гдѣ вдохновеніе отсутствуетъ, отсутствуетъ и любовь, и творчество превращается въ ремесло, и въ душѣ чутко воспринимающаго перципіента такое произведеніе не находитъ эстетическаго, нравственнаго и философскаго отклика. Даже низшая сторона мышленія — разсудокъ, въ сферѣ своей науки и техники, проявляетъ любовь къ изучаемому объекту въ любознательности, въ склонности къ любимымъ занятіямъ. И только чрезмѣрная дифференціація науки и техники угашаетъ этотъ элементъ любви, превращаетъ ученаго и техника въ моторизованаго рабочаго, служащаго придаткомъ къ машинѣ или къ своему инструменту.

Но если любовь сопутствуетъ разуму въ его поискахъ истины, сопровождаетъ художественное творчество въ поискахъ красоты, то особенно ярко обнаруживается ея присутствіе въ исканіяхъ правды, въ стремленіи къ познанію высшаго добра.

Съ любовью, какъ сопутствующимъ элементомъ познанія,мы нерѣдко встрѣчаемся въ исторіи философіи. Въ своемъ ученіи объ идеяхъ Платонъ придалъ эросу, то-есть любви, при воспріятіи прекраснаго гносеологическій смыслъ. Согласно Спинозѣ, человѣческое мышленіе, возвышаясь до истиннаго, адекватнаго познанія вещей въ ихъ божественной сущности, создаетъ высшую добродѣтель "интеллектуальную любовь къ Богу".

Обычно считается, что дѣйствительное познаніе — прерогатива одного только мышленія. Между тѣмъ, гносеологія основанная на любви даетъ возможность рѣшать тѣ проблемы бытія, которыя мышленіе само по себѣ не въ состояніи преодолѣть. Познавательная сущность любви опровергаетъ всѣ иллюзіонистскія философскія представленія, согласно которымъ окружающій міръ нереаленъ и является одной только фикціей. Въ любви познающій субъектъ выходитъ за предѣлы своего "я" , онъ ощущаетъ существованіе чего-то внѣ его, чего-то недостающаго и такимъ образомъ утверждаетъ реальнсть бытія познаваемаго объекта. Точно также гносеологія любви можетъ рѣшить вопросъ о солипсизмѣ, что недоступно доказательству при помощи мышленія. Любовь уничтожаетъ пропасть между одушевленностью человѣка и одушевленностью его ближнихъ.

Наконецъ, сюда же нужно отнести и проблему о болѣзненномъ состояніи сознанія въ различныхъ формахъ эгоцентризма, когда въ психикѣ субъекта оскудѣваетъ ея основная движущая сила — любовь и когда человѣкъ неестественно ставитъ себя въ центръ всего міра. Въ

слабыхъ видахъ эгоцентризма проявляются только самодовольство, самолюбованіе, практическій и идейный эгоизмъ. Но въ крайнихъ своихъ состояніяхъ эгоцентризмъ отсутствіемъ любви окончательно умерщвляетъ душу. Въ предѣльныхъ проявленіяхъ эгоцентризма у человѣка вмѣстѣ съ любовью исчезаютъ всѣ основы культурнаго воспріятія и культурнаго творчества: все, что онъ продолжаетъ осуществлять во всѣхъ этихъ областяхъ, лишено истиннаго интереса, вдохновенія, пафоса; настоящаго глубиннаго воспріятія прекраснаго и добраго онъ не испытываетъ, замѣняя все это высказываніями формальнаго эстета или утвержденіями утилитаристическаго моралиста. Становясь въ центръ вселенной, онъ замѣняетъ собой Бога. Но вокругъ подобнаго бога вмѣсто живой одухотворенной вселенной простираются мракъ и пустота небытія.

И именно въ этомъ явленіи — опасность нашего вѣка.

***

41.

ПОЗНАНІЕ БОГА.

Перейдемъ, наконецъ, къ той области духа, въ которой обнаруживается высшій провиденціальный смыслъ всей культуры человѣчества, — къ религіи.

Всеобщность и неистребимость религіознаго чувства во всѣ времена и у всѣхъ народовъ — фактъ неопровержимый. Погибли многія древнія цивилизаціи со своей мало извѣстной намъ жизнью; но подъ надгробными наносами многовѣковыхъ вѣтровъ обнажаютъ лопата и кирка археолога остатки погибшей культуры, — и одними изъ первыхъ возвращаются къ свѣту современнаго солнца и храмы, и капища, и изображенія боговъ.

И въ наше время — въ какихъ отдаленныхъ дикихъ мѣстахъ ни останавливается пытливый взоръ этнолога на жизни примитивныхъ народовъ, вездѣ видитъ онъ фетишиста, благоговѣйно чтущаго свой священный предметъ; или анимиста, поклоняющагося духамъ рѣкъ, морей и лѣсовъ; или политеиста, олицетворяющаго въ богахъ силы природы и качества самого человѣка.

Анамнезисъ объ утерянной близости къ Богу въ смутныхъ видѣніяхъ и въ искаженныхъ образахъ пробуждается въ человѣкѣ на самой зарѣ его культурнаго состоянія и постепенно проясняется вмѣстѣ съ развитіемъ духа. Въ этомъ великомъ процессѣ культурнаго шествія все ярче и глубже ощущаетъ человѣкъ божественно-Высшее, и вѣритъ, и молится и поклоняется.

Первобытное проявленіе религіознаго чувства еще не воплощается въ опредѣленные образы божественнаго, ограничиваясь грубой магіей и фетишизмомъ. У вавилонянъ были жрецы, владѣвшіе особыми тайнами магіи; секты индуизма изобилуютъ пріемами магіи и колдовства; культу классической греческой религіи предшествовали магическія церемоніи и волхвованія. У современныхъ африканскихъ племенъ духовенство фетишистскаго культа состоитъ изъ колдуновъ, магически вызывающихъ болѣзни, исцѣленія, хорошую и дурную погоду. Древній Римъ, до вступленія своего на историческій путь, вмѣсто идоловъ сначала имѣлъ фетиши: первымъ изображеніемъ бога войны было копье, а Юпитера — кремневое орудіе. У современныхъ дикарей Африки фетиши представляютъ собой болѣе или менѣе обработанные предметы при помощи примитивныхъ орудій. Недаромъ португальскіе мореплаватели,

первые наблюдавшіе культъ искусственныхъ вещей среди западныхъ негровъ, назвали эти предметы "фетишами", то есть предметами искуственно обработанными.

Значительно болѣе высокую форму пріобрѣтаетъ религіозный анамнезисъ въ анимизмѣ. Анимизмъ уже создаетъ первичныя идеи и типы одухотворенности, чего нѣтъ въ фетишизмѣ. Приходя къ своему анимистическому міроощущенію, какъ указываетъ Рейнакъ, "дикари и дѣти проектируютъ во внѣ свою волю, которая дѣйствуетъ въ нихъ самихъ: они одухотворяютъ міръ, въ частности существа и предметы, которые ихъ окружаютъ, жизнью и чувствами, подобными ихъ собственнымъ". И это объектированіе собственной психичности ничѣмъ не объяснимо, если оно не создается религіознымъ анамнезисомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, что анимизмъ имѣетъ начало въ пробуждающемся религіозномъ сознаніи, подтверждается его всеобщимъ распространеніемъ у различныхъ народовъ. У индусовъ мы находимъ вѣру въ одушевленіе небесныхъ свѣтилъ, горъ, рѣкъ; на Иранѣ, согласно Авестѣ, поклонялись животнымъ, растеніямъ; древніе греки одухотворяли горы, рѣки, скалы, деревья, землю и небо. Первоначальные культы галловъ и кельтовъ были анимистическими. У древнихъ германцевъ вся природа была населена духами — эльфами, троллами, никсами.

А отсюда, отъ смутнаго одушевленія окружающаго міра, недалеко до болѣе четкаго образованія идей и типовъ божественнаго, а именно въ обожествленіи стихій и въ созданіи боговъ. Съ обожествленіемъ солнца появились — египетскій Горъ, нерѣдко отожествлявшійся съ Ра, солнечнымъ богомъ Геліополиса; вавилонскій богъ Шамашъ, финикійскіе баалимы, изображавшіе солнечныя божества; индусскій Агни, иранскій Митра, греческій Геліосъ.

И до нашего времени мы находимъ у дикихъ народовъ типы стихійныхъ божествъ. Богъ дождя, благословляющій посѣвы, есть у дамаровъ, у перуанскихъ индѣйцевъ, у ацтековъ, у бенгальцевъ. Богъ грома существуетъ у сѣверо-американскихъ индѣйцевъ, у караибовъ, у зулусовъ, у лопарей, у индусовъ.

А наряду съ этимъ анамнезисомъ божественнаго происхожденія природы возникаетъ и анамнезисъ божественности психическаго бытія. Вѣра въ загробное существованіе и культъ предковъ встрѣчаются и въ низшихъ и въ высшихъ формахъ религіознаго міроощущенія. Гвіанскіе индѣйцы считаютъ, что тѣло человѣка умираетъ, но душа его продолжаетъ жить и странствуетъ вблизи погибшаго тѣла. Дикари острововъ Тонга вѣрятъ, что душа уходитъ изъ тѣла во время смерти. По

воззрѣніямъ туземцевъ Никарагуа умъ человѣка умираетъ вмѣстѣ съ нимъ, но душа носится надъ могилой. У племени Дакота взглядъ на душу сложенъ: душа состоитъ изъ четырехъ частей, изъ коихъ одна остается въ тѣлѣ, другая — въ селеніи, третья уходитъ въ воздухъ и четвертая, наконецъ, отлетаетъ въ страну мертвыхъ. Новозеландцы предполагаютъ, что душа можетъ временно освобождаться отъ тѣла и блуждать внѣ его.

Примитивная вѣра въ загробное существованіе естественно ведетъ къ культу предковъ, къ тотемизму, и вливается въ общее русло политеизма. Отсюда — всевозможные мифы о полубогахъ, полулюдяхъ, о божественной связи боговъ и смертныхъ. Этимъ объясняется и антропоморфизмъ: человѣкъ создает боговъ не по собственному образу, а по образу обоготворенныхъ предковъ. Тотемизмъ же расширяетъ культъ предковъ, привнося въ него, помимо человѣка, и обоготворенныхъ животныхъ съ ихъ типическими признаками. У японцевъ многія животныя, какъ лисица, собака, пѣтухъ, являются аттрибутами божествъ; у богини солнца аттрибутомъ служитъ птица. У древнихъ грековъ такими аттрибутами были: для Зевса — орелъ, для Афины — сова, для Артемиды — коза, для Посейдона — дельфинъ. Въ культѣ предковъ тѣ же аттрибуты мы находимъ во многихъ мифахъ. Какъ извѣстно, нѣкоторыя древне-греческія племена получили свое названіе отъ животныхъ, какъ напримѣръ, — мирмидоняне — отъ муравьевъ, или аркадяне — отъ медвѣдей. Эти названія — конкретизація качествъ предковъ-героевъ: родоначальникамъ мирмидонянъ приписывалось трудолюбіе муравьевъ, родоначальникамъ аркадянъ — физическая сила медвѣдей.

На подобной символикѣ, расширяющей качества предковъ - героевъ или уточняющей качества стихійныхъ божествъ основаны многіе религіозные мифы — "метаморфозы". Всякій такой мифъ несетъ съ собою не только элементъ религіознаго анамнезиса, но обнаруживаетъ творческое присутствіе словесно-прекраснаго, подобно тому, какъ въ изображеніи боговъ присутствуетъ творчество пластически-художественное. Однако, религіозный мифъ вовсе не есть простое поэтическое созданіе примитивной фантазіи, а обязательное внутреннее сочетаніе эстетическаго міроощущенія съ религіознымъ. Уже съ самыми начатками религіознаго чувства проявляется въ человѣкѣ и исканіе истины въ примитивномъ разумѣ, и исканіе прекраснаго въ примитивныхъ ощущеніяхъ прекраснаго. И когда къ этимъ аттрибутамъ божественнаго — къ истинѣ и къ красотѣ — присоединяется аттрибутъ нравственнаго нача-

ла — добра, тогда религіозная идея или религіозный образъ достигають своей полноты.

Одной изъ такихъ идей является преданіе о первородномъ грѣхѣ и вообще о грѣховности людей, вызвавшихъ справедливую кару со стороны божественной воли. Представленіе это существовало не только у древнихъ евреевъ, но и у многихъ народовъ. Греческіе орфики имѣли собственное ученіе о первородномъ грѣхѣ: въ наказаніе за прегрѣшенія предковъ-титановъ душа человѣка заключена въ тѣло какъ въ темницу или въ могилу. Приблизительно таковъ взглядъ и Платона на грѣхъ первыхъ человѣческихъ душъ, въ наказаніе сдѣланныхъ смертными. У вавилонянъ мы находимъ сказаніе, согласно которому сотворенные богами люди впали въ грѣхъ, плохо отблагодарили своихъ творцовъ за благодѣяніе жизни, и въ наказаніе за это боги рѣшили посредствомъ потопа уничтожить всѣхъ людей, кромѣ Утнапиштиму и его близкихъ. У индусовъ тоже былъ свой Ной, какъ у евреевъ и вавилонянъ: во время ниспосланнаго богами потопа Ману былъ спасенъ богомъ Вишну, подъ видомъ рыбы притянувшимъ судно Ману къ скалѣ. У древнихъ грековъ Девкаліонъ и Пирра были единственными людьми, спасшимися отъ потопа, посланнаго на землю Зевсомъ съ цѣлью истребить родъ человѣческій за его грѣхи. Подобныя сказанія встрѣчаются и среди современныхъ дикихъ народовъ: нѣкоторые индѣйцы считатютъ, что ихъ предки были наказаны потопомъ за свою грѣшную жизнь.

Присоединеніе къ религіозному чувству эстетическаго начала и нравственнаго просвѣтляетъ, углубляетъ въ культурномъ человѣкѣ религіозный анамнезисъ и приводитъ къ высшимъ формамъ религіознаго познанія — сначала въ дуализмѣ, какъ у Зороастра въ образахъ Ормузда и Аримана, а затѣмъ въ монотеизмѣ евреевъ и въ отдѣльныхъ ученіяхъ нѣкоторыхъ мыслителей древности, какъ у Анаксагора или Зенона съ его учениками стоиками.

Въ христіанствѣ всѣ исканія Бога, начиная съ наивныхъ суевѣрій первобытныхъ временъ и кончая просвѣтленными пророками Израиля и отдѣльными мудрецами языческихъ культурныхъ народовъ, нашли свое завершеніе. Пришествіе Христа назрѣло не только въ формальномъ единобожіи евреевъ, но въ культурномъ просвѣщеніи греко-римскаго міра, въ творчествѣ разума древнихъ философовъ, во взлетахъ художественнаго поклоненія красотѣ. Культурное общество готово было уже воспринять величайшую христіанскую идею грѣховной надломленности своей души, объ очищеніи, объ искупленіи. Для полнаго религіознаго просвѣтлѣнія древнему міру не хватало сознанія соборной

творческой силы любви. И этотъ ослѣпительный свѣтъ принесъ съ Собою Христосъ — воплощенная на землѣ любовь Бога.

Съ появленіемъ христіанства смутный анамнезисъ о Творцѣ міра, объ Его вездѣсущности, объ Его всеблагости, дающей прощеніе и умилостивленіе, перешелъ отъ блужданій во тьмѣ въ свѣтлую увѣренность, въ ясную вѣру. Заселявшіе землю и небо языческіе боги и духи слились въ божественной сущности Единаго; потонули въ немъ всѣ нереиды, русалки, дріады, фавны, никсы и троллы. Но всѣ эти первобытныя идеи и образы нужны были человѣку въ свои времена, когда шелъ онъ, опираясь на нихъ, по своему долгому пути къ источнику правды. Не было бы у него идоловъ, не было бы амулетовъ, фетишей, не блуждалъ бы онъ по священнымъ рощамъ, у подножья Олимпа, не пришелъ бы онъ въ концѣ концовъ къ полнотѣ христіанства.

Христіанское міроощущеніе, въ творчествѣ разума, во вдохновеніяхъ искусства, въ молитвѣ и въ образцахъ нравственнаго, соединило въ просвѣтленной душѣ все истинное, все прекрасное, все доброе, какъ познанные аттрибуты единаго Бога.

Таковъ былъ божественный планъ, вручившій первичному человѣку - звѣрю орудія физической самозащиты, чтобы подарить ему послѣ этого первую пѣсню, первый рисунокъ на пещерной скалѣ, первую слезу сочувствія ближнему. Труденъ былъ путь, завѣщанный Христомъ грѣховному человѣку для возстановленія утеряннаго образа и подобія Божьяго; но, несмотря на это, христіанское сознаніе развивалось, ширилось въ племенахъ и народахъ; соборное познаніе Бога углублялось при помощи Церкви, самой нерѣдко впадавшей въ грѣхъ раздоровъ, честолюбія и угнетенія; нравы смягчались призывами къ христіанской любви; состраданіе и помощь ближнимъ стали закономъ для каждой чуткой души; христіанское общество новыхъ вѣковъ въ своей духовной культурѣ осуществило недостижимое раньше прикосновеніе къ высотамъ познанія. Говоря словами И. Кирѣевскаго, это познаніе божественной истины "сотворило въ насъ и изъ насъ новаго человѣка"...

Но не удержался новый человѣкъ на такой высотѣ. И, увлеченный гордыней при своемъ исключительномъ положеніи въ Божьемъ мірѣ, снова соблазнился измѣной Творцу.

42.

ГРѢХЪ ИЗМѢНЫ.

Не мало возникало въ жизни человѣчества цивилизацій, доисторическихъ и историческихъ. Не будемъ гадать объ ихъ числѣ: было-ли ихъ десять, какъ утверждалъ Гобино, или двадцать одна, какъ утверждаетъ въ наше время историкъ культуры Тойнби. Извѣстны цивилизаціи — египетская, сумерійская, вавилонская, хетитская, миносская, индійская, иранская, древне - китайская, греко - римская, христіанская, магометанская, нѣсколько древне - американскихъ...

Какъ ихъ распредѣляетъ Карѣевъ, были они сначала "рѣчными", затѣмъ — "морскими"; охватили, наконецъ, океаны. Видѣли ихъ берега и долины Нила, Тигра, Евфрата, Инда, Ганга, Янтцекіанга; позже — берега Средиземнаго моря, еще позже — бассейнъ морей Нѣмецкаго и Балтійскаго; въ настоящее время европейско - американскую объединяетъ Атлантическій Океанъ.

Существовали старыя цивилизаціи, зарождались, расцвѣтали, дряхлѣли и гибли, зарываясь въ пески, исчезая въ непроходимыхъ лѣсахъ и заросляхъ. Болѣли и умирали, какъ болѣетъ и умираетъ отдѣльный человѣкъ, хотя могли быть вѣчными, поскольку вѣченъ на землѣ родъ человѣческій.

Откуда же это увяданіе и смерть?

Научно - трактуемая исторія не должна въ своихъ объясненіяхъ выходить за рамки разсудочно - логическаго мышленія. Оставаясь въ этихъ предѣлахъ, Шпенглеръ полагалъ, что цивилизаціи гибнутъ отъ "окостенѣнія" своей культуры; иными словами уподоблялъ ихъ организмамъ, подверженнымъ своего рода старческому склерозу. Тойнби, оставаясь въ предѣлахъ научной соціологіи, считаетъ, что процессъ умиранія цивилизаціи начинается послѣ того, какъ въ созидающемъ ведущемъ слоѣ общества изсякаетъ энергія, наступаетъ надломъ, низшіе культурные слои приносятъ на смѣну свою "вѣру", а окружающіе варварскіе народы окончательно губятъ цивилизацію, переводя ея остатки въ новыя сочетанія и формы. Считая всѣ цивилизаціи приблизительно равноцѣнными, Тойнби пытается найти въ нихъ нѣчто общее въ ритмическихъ колебаніяхъ событій, хотя всѣ эти колебанія не очень много придаютъ смысла его философіи исторіи. Точно такъ же скользитъ по поверхности и новѣйшая теорія П. Сорокина, согласно которой въ различныхъ цивилизаціяхъ и въ періодахъ каждой изъ нихъ пре-

обладаютъ силы то чувственнаго, то раціональнаго, то интуитивнаго міровоззрѣнія. Нашъ нынѣшній кризисъ, по мнѣнію Сорокина, соотвѣтствуетъ "чувственной" эрѣ, за которой, по всей вѣроятности, наступитъ эра интуитивная.

Кромѣ подобныхъ ни для кого необязательныхъ толкованій, научная трактовка всемірной исторіи ничего дать не можетъ. Разсудочному логическому мышленію не подъ силу осмыслить весь этотъ ирраціональный процессъ. Вполнѣ правъ Н. Арсеньевъ, придающій историческому развитію культуры религіозно-нравственный смыслъ. При допущеніи провиденціальнаго плана становится несомнѣннымъ, что всѣ исчезнувшія дохристіанскія цивилизаціи гибли не по причинамъ психологическаго, соціальнаго или политическаго свойства, а изъ-за несоотвѣтствія между своей матеріальной и духовной культурой. Основанная на этихъ двухъ факторахъ каждая цивилизація можетъ существовать только при подчиненіи матеріальнаго фактора духовному. Когда же духовная сторона перестаетъ развиваться, а матеріальная, наоборотъ, испытываетъ значительный ростъ и сама становится основной цѣнностью, тогда все построеніе цивилизованной жизни не оправдывается, цивилизація живетъ нѣкоторое время своей инерціей и гибнетъ отъ любой причины, отъ внутренней соціальной и политической, или отъ внѣшняго варварскаго толчка. Въ каждомъ такомъ случаѣ цивилизація оказывается неудавшейся, такъ какъ носители ея ставятъ средства къ приспособленію въ мірѣ цѣлью своего существованія.

Недаромъ не только въ нашей христіанской цивилизаціи, но и въ предшествовавшихъ ей языческихъ наиболѣе мудрые и просвѣтленные люди, ощущая грѣховность увлеченія плодами матеріальной культуры во вредъ культурѣ духовной, призывали своихъ современниковъ къ воздержанію, къ опрощенію и даже къ презрѣнію къ искусственнымъ жизненнымъ благамъ. Лаотзе въ своемъ трактатѣ о "Путяхъ къ добродѣтели" призывалъ къ соблюденію умѣренности; по ученію Будды, матеріальное существованіе человѣка обманчиво, бѣдные и немощные — ближе всѣхъ къ спасенію; мысли Сократа о равнодушіи къ матеріальному благоденствію дали начало школѣ Антисфена съ его циниками, которые отрицали цѣнность матеріальныхъ благъ и признавали только духовное благо — добродѣтель. Пифагорейцы уже въ седьмомъ вѣкѣ до нашей эры жили въ Южной Италіи аскетическими общинами, проповѣдуя воздержаніе; подобныя же общины составляла на берегахъ Мертваго моря секта ессеевъ.

Эта созданная чутьемъ отдѣльныхъ людей древняго міра

борьба противъ излишествъ матеріальной культуры, понижающихъ стремленіе къ развитію духовныхъ началъ, получила свое высшее завершеніе въ ученіи Христа. Свои высказыванія Христосъ производилъ не въ видѣ логическихъ разсужденій, а въ художественныхъ образахъ — притчахъ, или въ формѣ моральныхъ идей, непосредственно доходившихъ до сознанія учениковъ. Не отрицая въ принципѣ необходимость матеріальной культуры, Христосъ указывалъ на грѣховность чрезмѣрнаго накопленія ея благъ. "Не собирайте себѣ сокровищъ на землѣ, гдѣ моль и ржа истребляютъ, и гдѣ воры подкапываютъ и крадутъ". Забота о внѣшнихъ благахъ жизни, по ученію Христа, есть признакъ язычества: "всего этого ищутъ язычники. Ищите прежде царства Божія и правды Его". Излишнее обладаніе матеріальными цѣнностями препятствуетъ развитію духовныхъ запросовъ. "Не заботьтесь для души вашей, что вамъ ѣсть и пить, ни для тѣла вашего, во что одѣться. Душа не больше ли пищи и тѣло одежды?" Богатство — препятствіе въ подготовкѣ къ царству Божьему: "Удобнѣе верблюду пройти сквозь игольныя уши, нежели богатому войти въ царство Божіе".

Неудача всѣхъ предшествовавшихъ христіанству цивилизацій заключалась именно въ томъ, что при слабости ихъ общей культуры матеріальная сторона послѣдней развивалась несоразмѣрно с духовной; при ничтожествѣ и примитивности духовныхъ запросовъ, при грубости и матеріалистичности религіозныхъ культовъ, при жестокости нравовъ, стремленіе къ богатству, къ пышности въ предѣлахъ матеріальныхъ рессурсовъ эпохи, приводило къ изнѣженности, къ равнодушію къ потребностямъ духа. Сравненіе съ "игольными ушами" оказывалось справедливымъ не только для отдѣльнаго человѣка, но и для цѣлыхъ народовъ и цивилизацій.

Грѣховная природа людей не выдержала божественнаго плана спасенія до пришествія на землю Христа. И ученіе Христово о любви, какъ о первоосновѣ новаго человѣческаго міроощущенія, должно было стать великой опорой людямъ въ ихъ спасительной задачѣ умноженія и углубленія высшихъ проявленій духа.

Съ появленіемъ христіанства возсіяли на началахъ любви новыя идеи спасенія. Эти идеи должны были стать руководящими для народовъ, познавшихъ истинный путь къ очищенію отъ изначальнаго грѣха и къ искупленію въ конечномъ сліяніи съ Богомъ.

И что же мы видимъ теперь, въ результатѣ шествія христіанской цивилизаціи по этому завѣщанному намъ пути?

Человѣкъ снова обманулъ Бога.

Хотя Церковь Христова постепенно и смягчала нравы вышедшихъ изъ язычества народовъ; хотя Слово Божье просвѣтило многія души, озарило ихъ сознаніе стремленіемъ къ добру, согрѣло сердце любовью; хотя христіанская мораль подняла общественныя взаимоотношенія на значительную высоту сравнительно съ древними языческими цивилизаціями, устранивъ рабство, ограничивъ произволъ, развивъ идеи жертвенности и помощи ближнимъ; хотя до сихъ поръ Евангеліе будитъ совѣсть и поклоненіе Богу въ отдѣльныхъ чуткихъ и нѣжныхъ душахъ... Однако, въ послѣднія тревожныя времена, цивилизація наша вступаетъ на ту же губительную дорогу, на которой нашли свою смерть цивилизаціи древнихъ временъ.

Сама по себѣ, какъ помощница въ дѣлѣ духовнаго развитія, матеріальная культура въ опредѣленныхъ рамкахъ необходима и нужна, входя въ провиденціальный планъ спасенія. Но какъ самодовлѣющая цѣнность она опасна въ своемъ извращеніи и можетъ привести не къ обогащенію, а къ угасанію духа. Чрезмѣрное развитіе ея, оставляющее далеко за собой соотвѣтственныя потребности жизни, производитъ въ человѣческомъ сознаніи подмѣну духа матеріей, высшаго низшимъ, вѣчнаго временнымъ, священнаго ничтожнымъ.

Знаменательно, что буйно растущая современная техника почти ничего не даетъ въ помощь ни религіи, ни эстетикѣ, ни проявленіямъ добра. Технически - усовершенствованное зодчество не приноситъ намъ архитектурныхъ чудесъ въ постройкѣ храмовъ; нынѣшнія химическія краски мало что дали замѣчательнаго живописи; скрипки Страдиваріуса и Амати до сихъ поръ остаются непревзойденными.

Но зато въ области практической жизни, удобствъ, комфорта и суррогатовъ духовной культуры, въ родѣ кинематографа и радіофоніи, техника ушла далеко впередъ, опередила органическія потребности человѣка въ смыслѣ приспособленія къ внѣшнему міру и даже привела къ противорѣчіямъ въ стремленіи къ своимъ собственнымъ цѣлямъ.

Разумѣется, по богатству и высотѣ нашу цивилизацію наивно сравнивать съ какой либо древней, погибшей, въ родѣ сумерійской, хетитской или иранской. Но для устойчивости и жизнеспособности всякой цивилизаціи важна не абсолютная высота духовной и матеріальныхъ культуръ, а ихъ гармоническое взаимоотношеніе. Во всѣ времена своего организованнаго бытія на землѣ люди по-своему жили духовно и матеріально, по-своему вѣрили во что-то божественное, восторгались прекраснымъ, ощущали какую-то примитивную правду, и какъ-то охраняли и улучшали свою жизнь. И только когда это равновѣсіе нарушалось и

когда человѣкъ-царь становился въ своей ослѣпительности выше царя-божества, когда хрупкая правда и воплощенная красота міра приносились въ жертву низменнымъ благамъ, тогда начиналось заболѣваніе цивилизаціи и затѣмъ слѣдовала смерть отъ первыхъ случайныхъ внутреннихъ и внѣшнихъ условій.

Всѣ эти признаки духовнаго заболѣванія и истощенія наблюдаемъ сейчасъ мы въ наше тревожное время. Нѣтъ теперь единоличнаго царя бога Калигулы, но есть болѣе страшный многоголовый царь міровой демократіи, первосвященникъ пантеона науки и техники, равнодушный къ творческому познанію разума, къ вдохновеннымъ приближеніямъ души къ красотѣ и къ высшимъ идеаламъ добра. Послѣ безплодныхъ попытокъ замѣнить собой проникновенія разума въ загадки жизни, психики и соціальныхъ явленій, разсудочная наука окончательно слилась съ техникой практической жизни, присоединивъ инженеровъ къ рядамъ своихъ адептовъ — ученыхъ. Перестала прикасаться наша цивилизація къ Богу во вдохновеніяхъ философіи, искусства, морали. Принесенная намъ Христомъ спасительная любовь смѣнилась нравственнымъ позитивизмомъ. Потерялъ человѣкъ въ своей культурности внѣшній образъ и подобіе звѣря, но не возстановилъ внутренняго образа и подобія Бога. Поклоняясь только себѣ, сталъ онъ придаткомъ къ машинѣ, обращается въ ея подобіе, механизируя и моторизуя свою матеріальную и духовную жизнь.

Равнодушный къ Богу цивилизованный гражданинъ со временъ великой французской революціи продолжаетъ считать олицетвореніемъ богини Разума вѣчно возрождающуюся въ его средѣ жену обывателя — типографа Моморо, которой приноситъ въ жертвенный даръ всѣ завоеванія разсудка: жаръ электрической плиты, электрическій мозгъ счетныхъ машинъ, дыханіе пылесосовъ, пѣсни пропеллеровъ, вздохи ракетныхъ снарядовъ, бури разлагаемыхъ атомовъ...

И неужели послѣ всего этого — конецъ?

Неужели на смѣну заблудившимся бѣлымъ, утерявшимъ въ душѣ Бога, придетъ желтый Востокъ или черный проснувшійся Югъ?

Или, можетъ быть, наступающій атомный вѣкъ, освободивъ рабовъ машины отъ заводского дыма и копоти, дастъ имъ возможность съ ясною любовью взглянуть на міръ и неожиданно найти въ себѣ новыя творческія силы къ возстановленію угасшаго духа?

Или, быть можетъ, нашъ православный народъ, освободившись отъ гнета, закаленный въ гоненіяхъ на Бога и на всѣ Его святыни въ человѣческой духовной культурѣ, возьметъ въ свои руки продолженіе

дѣла Христова и передастъ другимъ народамъ накопленный имъ любовный порывъ къ истинѣ, къ красотѣ и къ добру?

Объ этомъ знаетъ Господь.